

Жюль Верн.

Путешествие на комете.

1928г.

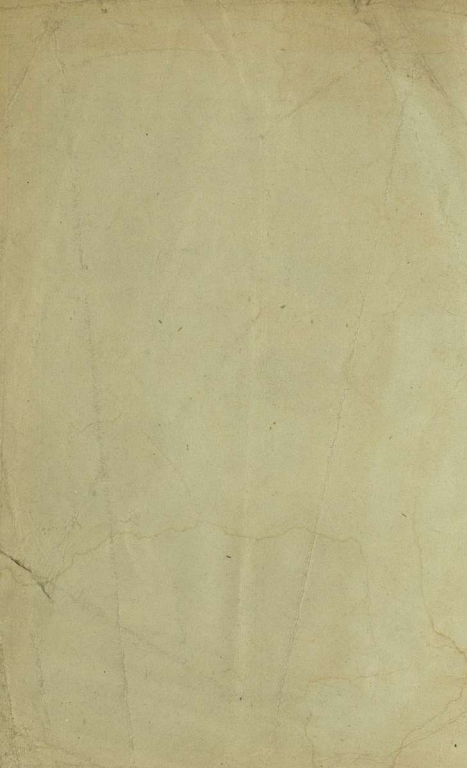
ЖЮЛЬ ВЕРН

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОМЕТЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1335

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ и СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОМЕТЕ

РОМАН В 2 ЧАСТЯХ

ОБРАБОТКА
А. С. ЛАЗАРЕВА

ОБЛОЖКА
И. РЕРБЕРГА

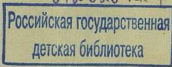
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий“, Москва,
Пименовская улица, дом 16,
в количестве 15.000 экз.
Главлит № А—4488
Гиз. № 22729

151485

642926 кк-рег

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. ГЕКТОР СЕРВАДАК И БЕН-ЗУФ

Гектор Сервадак был инженером при главном штабе в Мостаганеме на Алжирском побережье. Уже около двух недель он почти не заглядывал в свою городскую квартиру. Ему были поручены топографические съемки, и вместе со своим ординарцем он жил в хижине в восьми километрах от города. В послужном списке Гектора Сервадака можно было прочесть:

«Сервадак Гектор. Родился в Сен-Трелоди, в кантоне Леспар департамента Жиронды. Срок службы: 8 лет, 3 месяца и 5 дней. Школа, служба, походы: школа Сен-Сира—2 года; институт инженеров—4 года. В Алжире—7 лет. Походы: в Судан и Японию. Служебное положение: капитан инженерных частей, прикомандированный к главному штабу».

Гектору Сервадак было 30 лет. Стройный, с вьющимися черными волосами, с легкой поступью, с открытым, честным взглядом голубых глаз, он хорошо рисовал, прекрасно ездил на лошади и был непобедим на скачках с препятствиями в манеже Сен-Сир. Послужной список отмечал один из смелых поступков капитана. Однажды во время похода пришлось проходить по довольно опасной дороге. Высокая насыпь защищала отряд от обстрела, но в одном месте был пролом, где приходилось идти под градом картечи. Солдаты зако-

лебались. Капитан смело вошел в пролом, загородил его своим телом и сказал:

— Вперед, ребята!

Стрелки прошли под потоком пуль, из которых ни одна не коснулась храброго инженера.

После походов в Судан и Японию Гектор Сервадак был навсегда зачислен в алжирские войска. В то время, с которого начинается наш рассказ, как уже упомянуто выше, он занимался топографической съемкой местности близ устья Шелифа. Его ординарец Бен-Зуф был предан душой и телом своему капитану. Если бы ему предоставили выбор—быть адъютантом алжирского губернатора или ординарцем капитана, он, не колеблясь, предпочел бы последнее.

По имени Бен-Зуфа можно было бы принять за уроженца Алжира, но в действительности это имя было только кличкой слуги капитана; его настоящее имя было Лоран.

Лоран родился в Париже, на Монмартрском холме, и башню Сольферино с мельницей Галетт он не мог забыть даже в Алжире. К Монмартру он питал безграничную любовь и думал, что прекрасней Монмартра ничего нет на свете. Не шутя, он считал этот холм значительной горой. Конечно, кое-где он встречал горы и выше, но они были менее живописны. Башня Сольферино была прямее Пизанской. Когда-то на Монмартре росли даже леса, до нашествия кельтов бывшие девственными. Где в мире можно встретить столько чудес, сколько их было собрано на Монмартре?

— Нигде!—категорически утверждал Бен-Зуф.

У него было одно горячее желание—вернуться на тот самый холм, где он родился, но вернуться вместе с капитаном. Гектор Сервадак спас жизнь ординарцу в Японии, Бен-Зуф отплатил ему тем же в Суданском

походе. А эти вещи нельзя забыть. Для характеристики Бен-Зуфа можно прибавить, что он был ходячей энциклопедией анекдотов и прибауток. Инженер знал цену Бен-Зуфу, уважал его, прощал ему странности и умел его приласкать. Это еще более укрепляло связь между ними.

Однажды Бен-Зуф говорил на любимую тему,—о знаменитом холме.

— А знаешь, Бен-Зуф,—перебил его капитан,—что если бы Монмартрский холм был выше на 4705 метров, он был бы так же высок, как Монблан!

После этого замечания холм и капитан тесно слились в сердце Бен-Зуфа.

II. КАТАСТРОФА

Хижина, в которой жил Сервадак, походила на бамбуковый шалаш с соломенной крышей. Когда кто-либо из товарищей заходил к Сервадаку, в ней уже нельзя было поместиться. Но к хижине примыкала каменная караульня; она служила помещением Бен-Зуфу и двум лошадям. Раньше караульню занимал отряд военных инженеров; в ней хранились кое-какие инструменты, заступы, лопаты, железные крюки. Никаких удобств в хижине не было; но хижина была временным жилищем; к тому же и капитан и его ординарец не были прихотливы.

— Если быть немножко философом и иметь здоровый желудок,—везде будет хорошо!—весело говорил Гектор Сервадак.

Желудок капитана был очень здоровым желудком; что же касается до Бен-Зуфа, то, верь он в переселение душ, он смело мог бы переселиться в тело аллига-

тора, желудок которого от гвоздей страдает так же мало, как от куриных котлет.

Пищей обитатели хижины были снабжены на месяц; водоем доставлял им воду, годную для питья; фуража для их лошадей было вполне достаточно. В окрестностях нередко встречалась дичь. Капитан мог запастись ей во время прогулок.

Съев два острых блюда стряпни Бен-Зуфа, который не понимал обеда без приправ вроде едкого индейского перца, Гектор Сервадак вышел подышать свежим воздухом к отвесным береговым скалам. Наступала ночь. Солнце скрылось уже больше часа за облаками, нависшими над горизонтом. Небо изумило бы каждого наблюдателя небесных явлений. На севере сделалось настолько темно, что в полуверсте нельзя было различить ни одного просвета. И самый опытный метеоролог, вероятно, не сумел бы объяснить, какому феномену можно было приписать восхитительный блеск наступившей алжирской ночи. А капитан Сервадак не был опытным метеорологом. В этот же вечер он вообще не был расположен изучать небесный свод. Он бродил, курил, думал. На утро у него была назначена встреча с Татищевым, командиром русской шкуны «Добрыня». Все они вместе с двумя товарищами Гектора Сервадака собирались на охоту.

В 8 часов вечера Гектор Сервадак вернулся в хижину, где стояли его постель, небольшой рабочий стол и шкафчик с посудой. Рядом, в караульне, на матраце из «хорошей дубовой сердцевины» ворочался Бен-Зуф. Капитан Сервадак присел к столу, взял карандаш и задумался. Спать ему не хотелось. Растянувшийся в углу караульни Бен-Зуф давно бы заснул, но ему мешало странное возбуждение капитана.

Трудно поверить, но капитан сочинял стихи, посвя-

ценные одной красивой вдове, на которой собирался жениться. Победа над ними давалась ему с большим трудом, чем победа над неприятелем. Рифмы оказывались крайне недисциплинированной ратью и совсем не спешили на его зов. Сервадак сменил простой карандаш на цветные карандаши, но толку от этого не было.

— Тысяча чертей!—бормотал он.—Нет, я не сдамся! Пусть никто не скажет, что военный инженер отступил перед рифмами. Я не отступлю!

— Чорт побери, что это бормочет мой капитан?—раздумывал Бен-Зуф, ворочаясь с бока на бок.—Уже целый час он волнуется и кудахчет, точно курица с яйцом. Наверно, капитан пишет стихи. Вот беспокойное занятие!

— Что с тобой, Бен-Зуф?—спросил, наконец, Гектор Сервадак.

— Ничего особенного. Приснился тяжелый сон, капитан.

— Чорт бы тебя взял!

— Я ничего против этого не имею. Особенно, если чорт не пишет стихов.

— Молчи! Ты прогнал мое вдохновение, Бен-Зуф!

— Здесь, капитан!—воскликнул быстро поднявшийся ординарец.

— Не шевелись, Бен-Зуф! Кажется, я схватил окончание куплета.

И Гектор Сервадак начал декламировать горячо:

«Поверьте мне, я не забуду вас!

Но я для...»

Куплет не был закончен, так как и капитан и Бен-Зуф были брошены навзничь на землю.

Кто скажет, почему в этот миг так внезапно и странно изменился горизонт, что даже опытный глаз моряка

не мог найти линии, где земля сливается с небом? Почему морские волны взлетали на такую высоту, которой до сих пор ученые не допускали? Почему среди греска почвы, которая разрывалась, послышался странный грохот, образовавшийся из различных звуков, получившихся от бурного перемещения части земного шара, шипящего клокотания вод, поднявшихся с морского дна, свиста воздушных слоев, по которым как будто пронесся циклон? Откуда взялся этот необычайный блеск, более сильный, чем блеск сильнейшего северного сияния, блеск, затмивший сияние звезд всех величин? Почему бассейн Средиземного моря, который только что казался обнаженным, опять наполнился своими теперь уже удивительно бурными водами? Почему диск луны казался страшно увеличенным, как будто луна в несколько секунд необычайно приблизилась к земле? Откуда взялся новый, громадный, сверкающий сфероид, незнакомый астрономам, который на миг показался на небесном своде и тотчас же потерялся за густыми слоями туч? Какое чудовищное явление природы вызвало этот переворот, совершенно нарушивший границы земли и моря? Остался ли на всем земном шаре хоть один человек, который мог бы дать ответ на все эти вопросы?

III. НЕОБЪЯСНИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРИРОДЕ

Хотя сотрясение было очень сильным, в сущности как будто не произошло никаких изменений на алжирском побережье, граничащем на западе с правым берегом Шелифа, а на севере с Средиземным морем. Оно сохраняло обычный вид. Плодородная равнина с холмами, разбросанными там и тут, прихотливая линия скал и даже море, ставшее необычайно бурным, ничто не из-

менилось. Каменная караульня уцелела. Что же касается хижины, то она расплзлась по земле, как картонный домик. И инженер и Бен-Зуф недвижимо лежали под рухнувшей крышей. Только через два часа Сервадак пришел в себя. Вскочив, он спросил:

— Что случилось?

Его вопрос остался без ответа.

— Хижина повалилась,—продолжал изумляться капитан.—Вероятно, сильный ураган пронесся над морским побережьем. Но где ж мой слуга? Бен-Зуф!

Голова ординарца высунулась из-под соломы. Поднявшись, он вытянулся и спросил:

— Что угодно, капитан?

— Бен-Зуф, имеешь ли ты представление о том, что произошло?

— Мне кажется, капитан, что мы захватили весь воздух и тащим его с собой.

— Помоему, над побережьем пронесся ураган.

— Ну, и пусть будет ураган,—глубокомысленно ответил ординарец.—А что, много вещей поломано, капитан?

— О, нет, Бен-Зуф, пустяки.

Пересмотрев, они нашли почти не поврежденными инструменты, начатые работы, приборы и орудия.

— Который же теперь час?

— Помоему, часов 8, если не больше, капитан. Солнце уже заметно поднялось над горизонтом.

— Восемь часов?

— Да, по меньшей мере. А нам пора ехать.

— Куда ехать?

— Да ведь у вас же назначена охота, капитан.

— Чорт возьми, я совсем забыл об охоте! Но, Бен-Зуф, ты сошел с ума!—объявил капитан, взглянув на часы.—Теперь только около двух часов. Не больше.

— Да, но вопрос в том, два часа ночи или два часа дня!—ответил Бен-Зуф, не спуская глаз с солнца.

— Но ведь часы-то идут?!

— Солнце тоже движется,—хладнокровно возразил ординарец.

— Бен-Зуф, ты прав, судя по тому, как высоко оно поднялось над горизонтом. Но я не могу помириться с тем, что теперь уже 8 часов вечера.

— Какого вечера? При чем тут вечер?

— Да взгляни же: солнце на западе и, очевидно, скоро закатится.

— Полноте, капитан! Солнце восходит, и какой красивый, бодрый восход! Как будто при звуках утренней зори встает новобранец.

— Что же, потвоему, солнце восходит на западе?—бормотал сбитый с толку капитан.—Полно! Это невозможно, Бен-Зуф.

Но факт был перед глазами. Солнце, появившись над водами Шелифа, двигалось по тому западному пути, по которому до сих пор оно двигалось во второй половине дневного полукруга. Подумав, Гектор Сервадак понял без труда, что только небывалое и пока необъяснимое явление природы изменило, если не положение солнца, то направление вращательного движения земли вокруг своей оси. Трудно было не потеряться. Нечто невозможное превратилось в действительность.

Капитану несткуда было получить сведений об этом необъяснимом явлении природы. И он решил:

— Помоему, это дело астрономов. Посмотрю через неделю, что они будут писать. А теперь в дорогу! Пусть перевернется вся земная и небесная механика, но я хотел бы явиться на место нашей встречи без опоздания.

Если бы Сервадак и Бен-Зуф могли наблюдать над

физическими изменениями, которые произошли в одно мгновение, в ночь с 31 декабря на 1 января, они были бы страшно поражены невероятной переменой в атмосфере. И капитан и ординарец чувствовали себя задыхающимися, учащенное дыхание мешало им говорить, как это случается при подъеме на гору, где окружающий воздух менее плотен и менее насыщен кислородом. Кроме того, их голоса были еле слышны. Одно из двух: или они были оглушены во время катастрофы, или воздух стал менее приспособленным к передаче звуков.

Но физические изменения в природе побережья не повлияли на расположение духа Сервадака и Бен-Зуфа. Они быстро пошли вдоль Шелифа по крупной тропинке выступа. Уже около двух месяцев над морем и побережьем стоял густой туман, еще накануне с утра погода была пасмурной, теперь же она прояснилась. Поражала странная окраска неба. Вскоре оно покрылось низко нависшими тучами, сквозь которые с трудом можно было различить блестящую дугообразную полосу, пересекавшую все небо. В воздухе чувствовалось как будто приближение грозы. Обычно здесь, в этой части моря, мелькают паруса, вьется сероватый дымок парохода или яхты. Теперь же море было пустынным.

Горизонт, если это не было оптическим обманом, казался неестественно приблизившимся; его безграничные дали исчезли в пространстве, и выпуклость земного шара выступала яснее, чем обычно. Гектор Сервадак и Бен-Зуф молчаливо шагали, стараясь скорее дойти до места встречи, километрах в пяти от их хижины. В это утро они двигались вперед удивительно легко, как будто за плечами их были крылья. Особенно изумлялся этому Бен-Зуф.

— И это еще не поевши!—бормотал он.

Близ одного поворота послышался сердитый лай; из густой чащи деревьев выскочил шакал. Это животное принадлежало к породе тех африканских шакалов, шерсть которых покрыта черными пятнами. Шакалы опасны только ночью, когда они выходят к населенным местам целой стаей. Водиночку они не страшнее собак. Бен-Зуф не был трусом, но этого шакала он испугался. Животное, выскочив из леса, бросилось к подножию скалы, вышиной метров в десять. С заметным беспокойством шакал смотрел на двух приближающихся людей. Бен-Зуф сделал вид, что прицеливается в него. От этого жеста животное, к изумлению капитана и его ординарца, метнулось вверх и одним прыжком перелетело на вершину скалы.

— Какой отличный прыгун!—воскликнул Бен-Зуф.

— Да, подобного прыжка я не видел,—задумчиво ответил Сервадак.

Шакал, усевшись на задние лапы, насмешливо поглядывал на путников с вершины скалы. Бен-Зуф схватил камень, чтоб швырнуть им в шакала. Новая неожиданность: камень, несмотря на его величину, был не тяжелее окаменелой губки.

— Ах ты, проклятый шакал!—выругался Бен-Зуф.— Ведь тебя нехватишь этим камнем понастоящему, а разве чуть-чуть заденешь. И отчего камень такой легкий?

Другого под рукой ничего не было, и он яростно швырнул камнем в шакала. Бен-Зуф промахнулся, но трусивший шакал все же пустился удирать. Перескакивая через кустарники и заборы, делая гигантские прыжки, которым позавидовал бы кенгуру, шакал быстро скрылся из вида. Камень же, к изумлению Бен-

Зуфа, описав громадную дугу, упал за скалой на расстоянии ста метров от Бен-Зуфа.

— Прямо дьявольщина! При таких условиях я берусь работать за четверых.

Путники подошли ко рву, шириной в десять футов, наполненному водой. Чтоб не идти в обход, Бен-Зуф собрался с духом и перескочил ров с легкостью гимнаста.

— Дурень, ты переломаешь себе все ребра!

Это восклицание сорвалось с губ капитана при виде его ординарца, висевшего в воздухе на высоте двенадцати метров над самой бездной. Чтобы помочь Бен-Зуфу, Сервадак, в свою очередь, перепрыгнул через ров. При легком усилии он все же взлетел на высоту восьми метров. Опустившись, он почувствовал только легкий толчок, как будто поднялся не выше четырех или пяти футов.

— Какими гимнастами мы сделались, капитан!—воскликнул Бен-Зуф, помирая от смеха.

Гектор Сервадак задумался, затем положил руку на плечо ординарца и сказал:

— Бен-Зуф, не летай больше. Разбуди меня, Бен-Зуф! Должно быть, я еще не проснулся. Ущипни меня до крови, если это нужно. Мы оба или сошли с ума, или все это видим во сне.

— Да, капитан,—отвечал Бен-Зуф,—вы правы. Все это походит на сон. Может быть, алжирское побережье славится своими чудесами?

За рвом находилась небольшая поляна, покрытая мягкой травой и окаймленная дубами и пальмами; кое-где на ней виднелись сикоморы и кактусы. На этой поляне, поблизости от места охоты, должна была состояться встреча охотников. Не увидев никого на поляне, Сервадак сказал:

— Отлично! Нам удалось явиться первыми на свидание.

— Или последними,—возразил Бен-Зуф.

— Почему же последними?—спросил капитан, вынимая часы.

— Потому что разве вы не видите беловатого шара за тучами прямо над нашей головой? Ведь это же солнце или его заместитель. Встреча была назначена в 9 часов, а, судя по солнцу, теперь время к полудню. Солнце сегодня особенно торопится, и я готов держать пари на миску хорошей похлёбки, что оно зайдет сегодня до трех часов дня.

Гектор Сервадак задумался.

— Да, очевидно, изменились законы тяготения,—пожал он плечами.—Вероятно, произошло перемещение стран света, и обычная продолжительность дня сократилась наполовину. Вот причина, замедлившая мою встречу с командиром «Добрыни», Бен-Зуф. Никого не видно?

— Никого. Русский командир, если и был, то уже уехал.

— А мои товарищи? Они должны были ждать меня.

— Справедливо, капитан. Должно быть, их не было.

— Без уважительной причины они не могли этого сделать. Они обещали быть непременно. Значит, им было нельзя.

Сервадак подошел к самому краю каменистого побережья и внимательно осмотрел заливы и бухты; шкуны «Добрыня» не было нигде. Море было удивительно пустынным и бурным. Вода кипела, как на сильном огне, хотя ветра не было. Шкуна «Добрыня» не справилась бы с таким волнением. Она была невелика. От наблюдателя, стоявшего на вершине скалы, линия горизонта была удалена на сорок километров. Между тем ка-

питан отчетливо видел эту линию, хотя простым глазом можно видеть не больше, чем на 10 километров. Из этого был один вывод: по неизвестным причинам земной шар сильно уменьшился в несколько часов.

— Все это до крайности странно!—заметил Сервадак.—Но делать здесь больше нечего. Направимся к Шелифу. Может быть, там узнаем что-нибудь.

— В Шелиф, так в Шелиф!—ответил Бен-Зуф.

Во время пути капитан продолжал размышлять об этих необычайных явлениях природы. Если бы неслыханным чудом движение земного шара изменилось, нужно было признать, что Алжирский берег был перенесен через экватор на другое полушарие. В этой части Африки земля, в сущности, не потерпела большой перемены. Побережье осталось тем, чем оно было и раньше: рядом скал, песчаных берегов, бесплодных утесов красного цвета от присутствия в почве железа. Насколько видел глаз, берег не изменился. Но страны света безусловно переместились. Приблизительно в трех милях показались первые покатоности гор. Их вершины ярко вырезались на небе. Тучи рассеялись, и пробившиеся лучи солнца осветили землю. Было очевидно, что, взойдя на западе, сейчас оно заходило на востоке.

— Интересно, что думают обо всем этом в Мостаганеме?—спросил Сервадак.—Что скажет военный министр, когда узнает по телеграфу, что африканская колония сбилась с физического пути?

— Африканская колония?—ответил Бен-Зуф.—Да, кажется, капитан, она вся теперь с наш полицейский участок.

— В каком несогласии с обычными правилами находятся здесь страны света!

— Их следует отправить в дисциплинарный батальон!

672926

Российская государственная
детская библиотека

— Первого января солнце кидает лучи у нас над головой!

— Бросать лучи на капитана? Расстрелять солнце! Бен-Зуф был строг, когда дело касалось дисциплины.

По дороге к Шелифу капитан и ординарец времени не теряли. Пользуясь тем, что дышать было очень легко, они бежали быстрее зайцев и через препятствия перескакивали, как лани. Они оставили извилистую горную тропинку и пошли прямо. Никакое препятствие не могло их остановить. Встретив изгородь, они подползали под нее, через ручьи перепрыгивали легким прыжком, стремительно пробирались сквозь чащу деревьев и точно на крыльях перелетали через все встречные холмики. Наконец, показался берег Шелифа. В несколько прыжков капитан и его ординарец очутились на этом правом берегу. Но здесь они должны были остановиться; оказалось, что мост исчез.

— Моста нет!—сказал Гектор Сервадак.— Кажется, здесь было сильное наводнение.

— Да ну!—воскликнул Бен-Зуф.

Не только мост, но и река Шелиф исчезла. Левого берега совсем не было. Тихое течение Шелифа сменила бушующая вода, которая не журчала, а клочкотала, и цвет которой из светлого превратился в синий. Море как будто подменило реку. Существовавшая еще вчера территория Мостаганем исчезла без следа. Капитан подошел к берегу, усеянному олеандрами, зачерпнул в горсть воды, поднес ее к губам и сказал грустно:

— Соленая!

Море в несколько часов покрыло всю восточную часть Алжира.

— Это, кажется, что-то более страшное, чем простое наводнение,—покачал головой Бен-Зуф.

— Конец света!—сказал инженер попрежнему груст-

но.—Где мои товарищи, мои друзья? Что с ними случилось, Бен-Зуф?

Новое побережье, очерченное бывшим правым берегом Шелифа, разливалось на юг слегка изогнутой полосой. Солнце, появившееся с запада, как шар, скатилось в море на востоке. Сумерек не было. Земля, море, небо—все моментально погрузилось в глубокий мрак.

IV. ПЕРВОЕ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕРВАДАКА

— Капитан, скажите, что же теперь делать?—спросил Бен-Зуф.

— Оставаться здесь до утра. Завтра утром, если утро еще существует, мы вернемся в хижину, узнав, где теперь запад и на какой стороне находится юг. Пока мы бродим в потемках и не можем дать себе отчета, что произошло с нами. Но когда мы исследуем берега с западной и южной стороны...

— Если только эти берега существуют,—меланхолично заметил ординарец.

— И если только есть на свете юг.

— Я вижу, самое лучшее—лечь спать,—вздыхнул Бен-Зуф.

Свернувшись в клубок, прикрыв глаза рукою, Бен-Зуф тотчас же заснул. Капитан же пошел бродить по берегу нового моря, взволнованный событиями минувшего дня.

«Прежде всего, что вызвало катастрофу?—думал Сервадак.—Произошла ли она только на небольшом клочке Африки? Уцелели ли ближайшие города: Оран, Алжир и Мостаганем?»

Капитану казалось, что его друзья и товарищи вместе с большей частью жителей побережья очутились на морском дне. Вероятно, Средиземное море, переме-

щенное каким-нибудь толчком, истребило наводнением часть Алжирской территории при устье Шелифа. Этим объяснялось загадочное исчезновение реки. Но прочие удивительные явления наводнение не объясняло.

В уме капитана мелькнула еще одна гипотеза. Возможно, что алжирское побережье было перенесено на экватор. Этим объяснялись и изменившееся положение солнца и отсутствие сумерек. Но почему же день вместо двенадцатичасового стал шестичасовым? Почему солнце восходит на западе, а заходит на востоке? Этого капитан не мог решить.

«Быть может, я узнаю что-нибудь завтра, если появится солнце,—подумал Сервадак.—Но... появится ли оно?»

Капитан стал очень недоверчивым. К тому же небо было покрыто тучами, и звезд не было видно. Если бы, наблюдая звезды, можно было доказать, что земной шар вертится по новой оси или в обратном направлении, тогда много объяснилось бы. Но в тучах не было ни одного просвета. А появления луны нельзя было ждать: первое января пришлось в новолуние.

Легко представить изумление капитана, когда после часовой прогулки он заметил на горизонте яркий свет, пробивавшийся сквозь тучи.

— Луна!—воскликнул он.—Не может быть! Это не луна. Она не может светить так сильно, если только она не приблизилась к земле. Но невозможно, чтоб это было и солнце. Не прошло и сотни минут, как оно зашло на востоке. Однако если это не солнце и не луна, то что же это такое? Тысяча чертей! Ужели эти тучи никогда не рассеются?

Так или иначе, но в тайны нового неба проникнуть было нельзя. Яркий свет, вероятно, шедший от ослепительного шара гигантских размеров, пронизывал верх-

ний слой туч впродолжение часа. Удивительным было то, что шар, не описав дуги, подобно всякому светилу, начал удаляться от земли, увлекая за собой и странный полусвет, так ласкавший глаз. Все снова стало темным и мрачным, и мозг капитана подвергся такому же затмению; капитан решительно ничего не мог понять. Он даже стал опасаться, что солнце уже никогда не покажется над горизонтом.

Но через 3 часа оно поднялось внезапно, без зари, и дневной свет посеребрил тучки. Взглянув на часы, Гектор Сервадак заметил, что ночь длилась ровно шесть часов. Капитан сильно встряхнул Бен-Зуфа.

— Вставай, Бен-Зуф! Пора и в дорогу,—крикнул он.

— Ах, капитан,—отвечал Бен-Зуф, протирая глаза.— Я еще не выспался. Я только что начал засыпать.

— Бен-Зуф, ты проспал всю ночь.

— Ну, уж и ночь! Какие-нибудь жалкие 6 часов.

— В дорогу! Нельзя терять ни минуты. Завернем в нашу хижину, и как только лошади будут оседланы, начнем разведки. Узнаем, что случилось с Алжиром, попытаемся пробраться в Мостаганем и, если не доберемся до него с юга, отправимся к Тенезу с восточной стороны.

Сервадак и Бен-Зуф пошли по скалистой тропинке к их хижине. Они порядочно проголодались и по дороге срывали винные ягоды, финики и апельсины, за которыми стоило только протянуть руку. На этом клочке земли, совершенно пустынном, но походившем на фруктовый сад, не могло возникнуть тяжбы по поводу «воровства». Часа через полтора они дошли до хижины. Никто не заглядывал в караульную во время их отсутствия; очевидно, западная часть земли была также пустынна, как и восточная, которую они только что миновали.

Их сборы были недолги. Несколько сухарей и консервы из дичи наполнили мешок Бен-Зуфа; недостатка в воде не могло быть: масса прозрачных ручейков пересекала равнину.

Зефир—лошадь Гектора Сервадака и Галетт—кобыла Бен-Зуфа были оседланы быстро; путники вскочили на них и поскакали к Шелифу. Хотя оба они чувствовали, что убавились в весе, зато силы у них прибавилось в пять раз, и, кажется, с лошадьми произошло то же. Лошади не были прежними четвероногими скакунами, они казались крылатыми и неслись, еле касаясь земли. 8 километров, отделявших хижину от устья Шелифа, были сделаны в 20 минут. Замедлив шаг, лошади затем начали спускаться на юго-восток по старому правому берегу реки. Это побережье сохраняло свой прежний характер. Другая же его часть, как уже упоминалось, исчезла и заменилась необозримым морем. Было ясно, что значительный кусок Оранской провинции перед Мостаганемом был затоплен в ночь с 31 декабря на 1 января. Втечение четырех часов, бывших в их распоряжении, оба всадника проехали около 35 километров от устья Шелифа. Когда наступила ночь, они сделали привал у легкого изгиба реки, где еще вчера протекала Мина, левый приток Шелифа; теперь Мина была поглощена новым морем. По дороге они не встретили ни одной живой души.

Бен-Зуф устроил кое-какое пристанище. Лошади были разнузданы и паслись в высокой траве, покрывавшей крутой берег. Ночь прошла без приключений. Утром путники вновь сели на лошадей и продолжали исследовать побережье. Впродолжение шести дневных часов они проехали расстояние в 70 километров. Границей этой местности все время оставался правый берег реки. Только в 20 километрах от Мины значительная берего-

вая часть исчезла, и с нею исчезла местность, прилегающая к Сюркельмиту, с ее восемьюстами жителей. Можно было бояться, что та же участь постигла и другие более значительные города этой части Алжира: Мазагран, Мостаганем и Орлеанвиль. Обогнув маленькую бухту, образовавшуюся благодаря береговому обрыву, капитан выехал как раз против места, где лежало большое селение Амикусса. От этого крупного селения не осталось следа. Не было даже вершины Манкура, достигавшего тысячи ста двадцати шести метров высоты.

Путники расположились на ночлег у угла берега, резко обрывавшего их новое владение. Это было на том месте, где должен был находиться большой посад Мемунтуррой. От него не осталось следа.

— А я-то рассчитывал нынче вечером поужинать и переночевать в Орлеанвиле!—сказал Сервадак, вглядываясь в темное море, волновавшееся перед ним.

— Это невозможно, капитан!—ответил Бен-Зуф.—У нас нет лодки.

Через 6 часов, при восходе солнца, капитан мог рассмотреть очертание местности. От их ночевки побережье шло на юг и на север. Это не был прежний естественный берег Шелифа; недавно образовавшийся прорыв заканчивал прежнюю равнину. Здесь, как мы уже упоминали, не было больше посада Мемунтуррой. Бен-Зуф, вскарабкавшийся на холм, не увидел ни клочка земли за линией морского горизонта. Значит, не существовало больше и Орлеанвиля, который должен был находиться километрах в десяти на юго-запад.

Сервадак и Бен-Зуф, покинув место ночевки, пошли по новой границе, среди взрыленной земли, между вывороченных деревьев, нависших над водой. Среди них валялось несколько гигантских старых дубов, стволы которых были как бы обрублены топором. Путники дви-

гались медленно: побережье, изрезанное мысами и бухтами, заставляло их порой делать крюк. Поэтому, проехав к закату 35 километров, они добрались только до подножия гор Ди-Мерджеджа, которыми перед катастрофой заканчивалась горная цепь Малого Атласа. Теперь она резко обрывалась здесь заостренной вершиной.

На утро, проехав верхом по горному ущелью, Сервадак и Бен-Зуф пешком взобрались на одну из высочайших вершин, откуда, наконец, хорошо рассмотрели эту часть алжирского побережья. С удивлением капитан заметил с своей вершины, что море окружало их со всех сторон. Этот вновь образовавшийся остров походил на неправильный четырехугольник, длину сторон которого составляли: 120 километров по прежнему правому берегу Шелифа, 35—с юга на север подъема к горной цепи Малого Атласа, 30—по косой линии к морю и 100 километров прежнего побережья Средиземного моря. В общем—285 километров.

Спустившись с горы, Сервадак и Бен-Зуф сели на лошадей, мирно пасшихся на сочной траве. В этот день они доехали до побережья Средиземного моря и не нашли никакого следа городка Монтенотт, исчезнувшего, как и Тенез, от которого не осталось даже развалин.

На другой день они сделали длинный переход по берегу Средиземного моря. И это побережье не было пощажено катастрофой: исчезли селения Калаат-Шима, Агмисс, Марабу и Пуант-Басс. Мысы не выдержали толчка и отделились от территории. Остров, несомненно, был необитаемым. Только несколько стад жвачных животных бродили по равнине. Через 60 часов исследователи вернулись в деревню, откуда выехали.

— Так как же, капитан?—спросил Бен-Зуф.

— Так как же, Бен-Зуф?

- Вы теперь генерал-губернатор Алжира.
- Необитаемого, Бен-Зуф.
- Необитаемого? А меня вы не считаете ни за что?
- Значит, ты будешь...
- Населением, населением, капитан!

V. ЛУНА ИЛИ НЕ ЛУНА

Вскоре «генерал-губернатор» и «население» крепко спали в караульне, так как от деревни остались только развалины. Сну капитана, впрочем, мешали мысли о катастрофе. «Не изменение ли наклона земной оси привело к этим странным явлениям?»—думал он. Но если это изменение могло объяснить перемещение морей и даже стран света, то оно не могло ни сократить продолжительности дня, ни уменьшить силы тяготения.

На другой день первой заботой Бен-Зуфа был хороший завтрак. У него была дюжина хороших яиц, пощаженных землетрясением, расколовшим землю. В караульне была печь, и тут же блестела прекрасная медная кастрюля. Бен-Зуф решил сварить яйца всмятку. Он развел огонь, напевая по привычке одну из военных песенок:

Есть ли соль на столе?

Есть ли мясо для рагу?

Капитан Сервадак, расхаживая по караульне, с любопытством посматривал на его стряпню. «Будет ли печь топиться, как обычно? Даст ли ей измененный воздух достаточно кислорода?»—спрашивал он себя. Но печь затопилась. Бен-Зуф раздул ее, и травы, смешанные с углем, вспыхнули ярким пламенем. Налив в кастрюлю воды, Бен-Зуф ждал, когда закипит вода, чтоб опустить в нее яйца, казавшиеся пустыми,—так мало весили они. Минуты через две вода уже кипела.

— Чорт возьми, как огонь греет теперь!—удивился Бен-Зуф.

— Не огонь греет сильнее, а вода закипает скорее,— подумав, ответил Сервадак.

И, сняв со стены термометр Цельзия, он опустил его в кипящую воду; термометр показал только 66 градусов.

— Ого!—сказал инженер,—вода кипит при 66 градусах, вместо 100.

— Итак, капитан?

— Итак, Бен-Зуф, советую тебе продержать яйца в кипятке не 3, а 15 минут, и то едва ли они будут сварены.

Причиной этого явления было уменьшение высоты атмосферного слоя, что согласовалось с замеченным ранее уменьшением плотности воздуха. Воздушный столб над поверхностью земного шара уменьшился приблизительно на одну треть; вот почему вода, подверженная меньшему давлению, кипела при 66 градусах, вместо 100. Это же явление обычно для гор высотой свыше тысячи метров. Если бы у капитана был барометр, он указал бы ему на уменьшение воздушного слоя. Поэтому же их голоса стали слабыми, и было заметно более частое дыхание.

— А все же,—сказал капитан,—не могу допустить, чтобы место нашей стоянки поднялось на такую высоту. Ведь перед глазами у нас море, омывающее утесы.

Яйца, долго пробыв в воде, действительно, еле сварились, и Бен-Зуф справедливо заметил, что в будущем ему придется начинать свою стряпню на час раньше. Несмотря на ряд неразгаданных явлений, Сервадак завтракал с большим аппетитом.

— Итак, капитан?—сказал Бен-Зуф, теперь начинавший этими словами каждый разговор.

— Итак, Бен-Зуф?—повторил инженер, усвоивший привычку отвечать в тон ординарцу.

— Что же нам делать?

— Будем ждать, чтоб за нами приехали.

— Морем?

— Конечно. Ведь мы же на острове. Думаю, что генерал-губернатор захочет узнать, что случилось, и пошлет или уже послал, чтоб осмотреть берег, какое-нибудь судно. Смотри же почаще на море, Бен-Зуф, и как только покажется корабль, мы дадим ему сигнал.

— А если корабль не покажется?

— Мы построим лодку и отправимся сами к тем, которые не пришли за нами.

Бен-Зуф целыми днями смотрел в подзорную трубу на горизонт. Но без всякого толка.

6 января (Сервадак исчислял время по старому земному календарю) положение наших островитян ничуть не изменилось. И капитан решил, по примеру всех Робинзонов, исследовать флору и фауну острова Гурби,—так он назвал этот вновь образовавшийся остров.

Остров Гурби занимал три тысячи квадратных километров. На нем бродило большое количество быков, коров, коз и овец, но точного числа их островитяне определить не могли. Дичи оказалось множество. Были обширные поля с маисом и рисом. Питание островитян и лошадей было вполне обеспечено; если б на остров явились новые обитатели—и их прокормить было бы легко.

С 6 по 13 января шли почти непрерывные дожди. Небо затянули темные тучи. Разразилось несколько гроз—явление очень редкое в январе. Гектор Сервадак заметил, что температура поднималась ненормально. Необычайно раннее лето, начавшееся в январе, принесло резкое повышение температуры. Оно было не только

постоянным, но прогрессивно росло, точно земной шар безостановочно приближался к солнцу.

Капитан страшно досадовал на то, что не мог наблюдать ни солнца, ни луны, ни звезд, которые, быть может, помогли бы ему найти ответы на мучившие его вопросы. Бен-Зуф, несмотря на дождь, на ветер и на грозу, упорно сидел и день и ночь на вершине утеса, довольствуясь очень коротким сном. Но горизонт был неизменно пустынным. Да и какой корабль смог бы выдержать эту ужасную погоду? Море поднимало свои волны на огромную высоту, и ураган свирепствовал с необычайной силой. Без сомнения, в древние геологические времена, когда первые воды, превращенные в пар внутренним жаром, сгущались в атмосфере, чтобы снова упасть на землю потоками дождя, эти явления не совершались так стремительно, как на острове Гурби. Но 13 января потоп прекратился. Последние порывы ветра рассеяли остаток туч в ночь на 14 января. Сервадак покинул караульную и тоже пошел на утес сторожить. Что скажут ему звезды? Появится ли перед его глазами огромный диск, который он видел одно мгновение в ночь на 1 января?

Небо светилось. Ни малейшее облачко не затемняло созвездий. Небесный свод представлялся глазам, как огромная небесная карта. Первой мыслью капитана было посмотреть на полярную звезду. Он нашел ее, но сильно спустившейся и как будто она уже не занимала центрального места в вращающейся звездной сфере. Другими словами, земная ось, бесконечно продолженная, не проходила через ту определенную точку, через которую она проходила до сих пор. И действительно, час спустя полярная звезда заметно переместилась. Оставалось найти, какая же звезда заменила ее, через какую звезду теперь проходила мысленная земная ось. Сервадак

скоро заметил, что одна из звезд, близкая к северному горизонту, отвечала условию неподвижности. Это была звезда Вега из созвездия Лиры. Та самая, которая, по вычислениям астрономов, должна была заменить полярную звезду через тысячу двести лет. Но так как тысяча двести лет не могли пройти в течение двух недель, оставалось заключить, что земная ось внезапно изменила свое положение.

Гектор Сервадак занялся астрономическими наблюдениями; взгляды его блуждали где-то около звезд Большой Медведицы, но крик Бен-Зуфа вернул его на землю.

— Луна!—крикнул Бен-Зуф.

— Луна?

— Да, да, луна!—повторил Бен-Зуф, радуясь, что первым увидел спутника земли. И он указал на диск, который поднимался над горизонтом.

Капитан Сервадак не мог решить, была ли то луна или какая-нибудь другая планета, увеличившаяся вследствие приближения к ней земли. Он взял очень сильную трубу и направил ее на диск.

— Если это луна,—сказал капитан,—то надо отметить, что она значительно удалилась от нас. Теперь придется определять расстояние до нее не тысячами, а миллионами километров. Раньше до нее было 384 тысячи километров, Бен-Зуф.

Внимательно осмотрев диск, Гектор Сервадак решил, что это совсем не луна. Он не видел на этом бледном диске игры света и теней, придающей ему форму лица. На диске нельзя было найти никаких следов долин или морей и светящихся полюс возле кратера Тихо.

— Нет, это не луна!—решительно сказал он.

— Почему же это не луна?—хмуро спросил Бен-Зуф, очень гордившийся своим открытием.

— Потому что у этого светила есть своя собственная маленькая луна, которая служит ему спутником.

Действительно, взглянув в подзорную трубу, легко было увидеть яркую, светящуюся точку близ диска.

— Но если это не луна, что же это?—топнул ногой Гектор Сервадак.—Это не Венера и не Меркурий, так как у этих планет нет спутников. Но если это не Венера и не Меркурий, то это луна; а если это луна, то откуда же, черт возьми, у ней взялся этот спутник?

VI. НОВЫЕ СТРАХИ

Вскоре появилось солнце. Наблюдения за звездами пришлось отложить. Что же касается до диска, свет которого удивил капитана Сервадака, диск исчез.

Погода сделалась великолепной. Ветер почти стих. Солнце с поразительной правильностью появлялось на горизонте; дни и ночи длились по шести часов.

Температура с каждым днем начала подниматься; 15-го января по Цельсию было 50 градусов в тени.

Солнце сияло, не затемняясь ни малейшим облачком. Никогда такой поток жары не обрушивался ни на Сенегал, ни на другие экваториальные страны Африки. Если повышение температуры не прекратится, растительность на острове Гурби должна будет погибнуть. Бен-Зуф, верный себе, не выражал ни малейшего удивления по поводу ненормально-высокой температуры. Зато пот, градом лившийся с него, указывал на нестерпимую жару. Бен-Зуф не хотел прекратить своих наблюдений с вершины утеса. Несмотря на приказания капитана, он сознательно жарился там, глядя на совершенно пустынное Средиземное море. Бен-Зуф вел себя так, как будто кожа у него была дубленая, а череп покрыт броней. Не выдержав упрямства Бен-Зуфа, капитан при-

пугнул его тем, что он плохо кончит, и добавил сердито:

— Ты ведь родился не на Габоне, 1) Бен-Зуф.

— Я родился на Монмартре, капитан, но, право, это то же самое.

И Бен-Зуф начал уверять, что на его любимом холме так же жарко, как под тропиками, и что он легко выдерживал там самый жгучий зной. Убеждать Бен-Зуфа в противном было бесполезно.

Высокая температура резко отразилась на растительности острова. В короткое время листья развернулись, цветы распустились, плоды созрели. То же произошло и с хлебными злаками. Поднялся маис, луга покрылись густой травой. Одновременно наступило время жатвы, сенокоса, сбора плодов. Лето и осень слились вместе. Все это сильно затрудняло капитана и его ординарца. Не хватало рук для стольких работ одновременно. Кроме того, нестерпимая жара не допускала непрерывного труда. Но в этом была и хорошая сторона. Запасы острова Гурби значительно увеличились, и оставалась надежда, что при спокойном море и благоприятной погоде ввиду острова появится какое-нибудь судно. Эта часть Средиземного моря раньше была оживленной.

Капитан Сервадак все это время старался вспомнить свои школьные астрономические знания. Он с ожесточением делал вычисления, но они ровно ничего не давали ему. Одно было ясно и даже без всяких вычислений: земля приближалась к солнцу. Об этом говорило и прогрессивное повышение температуры и то, что солнечный диск удвоился по сравнению с прежними размерами, к которым привыкли и капитан и Бен-Зуф. Если это приближение к солнцу будет продолжаться, дело должно было

1) Французская колония в Западной Африке, недалеко от экватора.

окончиться катастрофой: падением на солнце и полнейшим уничтожением земли.

Ясные дни давали возможность капитану наблюдать за солнцем; ясные ночи открывали небо, усеянное звездами, точно буквами огромного алфавита. В звездах как будто не произошло ни малейшего изменения, ни в размерах, ни в расстоянии. Но того же нельзя было сказать о планетах Венере и Меркурии.

Венера удалена от солнца на 108 миллионов километров, а расстояние Меркурия от солнца равно 58 миллионам километров. Орбита *) Венеры охватывает орбиту Меркурия, а орбита земли охватывает и ту и другую. После долгих размышлений капитан Сервадак пришел к заключению, что количество тепла и света, получаемых в настоящее время землей, равняется приблизительно тому, какое солнце дает Венере. То есть вдвое больше, чем солнце давало земле раньше, до катастрофы, когда земля находилась от солнца на расстоянии 149 миллионов километров. Это, конечно, могло случиться только вследствие приближения земли к солнцу. Его подтверждали и наблюдения над Венерой.

Венерой любят даже самые равнодушные люди, когда утром или вечером она появляется на горизонте. Древние называли Венеру Фосфорус или Люцифер, называли Геспером, вечерней и утренней звездой. Ни одна планета, кроме луны, не получала столько имен, сколько получила Венера. И вот теперь, вместо крошечной звездочки, она явилась капитану Сервадаку в виде сравнительно огромного диска. Ее фазы, как фазы луны, можно было различить даже невооруженным глазом. Венера являлась то в полном блеске, то наполовину, то по четвертям. Выемка ее дуги указывала, что сол-

1) Кривая, по которой каждая из планет обращается вокруг солнца.

нечные лучи, преломляемые ее атмосферой, проникают в такие области, в которых солнце уже зашло. Это доказывало, что у Венера есть атмосфера.

О сближении земли с Венерой капитан счел нужным сообщить Бен-Зуфу.

— Но что же может случиться?—спросил Бен-Зуф.

— Мы можем столкнуться и очутиться на Венере, Бен-Зуф.

— Ого, капитан! А есть там воздух?

— Конечно есть.

— А вода?

— Наверное есть.

— В таком случае, что за беда! Познакомимся и с Венерой.

— Столкновение будет ужасное, так как движение планет имеет противоположное направление. И благодаря тому, что плотность воздуха будет почти одинакова, толчок будет роковым для обеих планет.

— На подобие двух встречных поездов!—спокойно заметил Бен-Зуф, раздражая Сервадака своей невозмутимостью.

— Да, двух встречных поездов; дурачина. Двух поездов, идущих в тысячу раз быстрее, чем экспресс. Обе планеты будут вышиблены из их орбит. Тогда посмотрим, что останется от твоего пригорка Монмартр.

Этого Бен-Зуф не мог перенести; он закричал зубами, сжал кулаки, но сдержался.

— Капитан,—сказал он спокойно.—Я к вашим услугам. Приказывайте. И если есть возможность помешать этой встрече...

Сервадак только безнадежно махнул рукой.

В следующие дни обе планеты еще более сблизилась, и было ясно, что земля, двигаясь по своей новой орбите, пересечет орбиту Венеры. В то же время

земля значительно приблизилась и к Меркурию. Эту планету редко можно видеть невооруженным глазом. Теперь же Меркурий блестел во всем своем великолепии. И фазы этой планеты, схожие с фазами луны, отражали лучи солнца, дающего ей света и тепла в семь раз больше, чем их получает земля. Вообще наблюдение над Меркурием, которого древние прозвали «блестящим», было не лишено интереса. Но опасность со стороны Меркурия еще не грозила земле, тогда как безусловно существовала вероятность близкого столкновения с Венерой. К 18-му января расстояние между планетами было не более четырех миллионов километров. Сильный свет планеты отбрасывал густую тень от предметов на земле. Можно было ясно различить ее облака. Видны были семь пятен, которые, по предложению астрономов, являются морями, сообщающимися друг с другом. 20-го января расстояние между планетами еще сократилось.

— В каком смятении находятся наши товарищи в Африке, во Франции и все жители обоих континентов! — думал иногда Гектор Сервадак. — Какие статьи печатаются в газетах! Мне кажется, что никогда конец света не был так близок, как он близок теперь. Пройдет 2-3 дня, земля распадется на части, и осколки ее будут причудливо носиться в мировом пространстве.

Но, к величайшему счастью, этого не случилось. Напротив, с 21-го января планеты начали удаляться друг от друга. Бен-Зуф облегченно вздохнул, когда капитан сообщил ему эту радостную новость.

— Во всяком случае, благодаря близости с Венерой, мы убедились, что у нее нет луны, — добавил Сервадак. — А многие астрономы глубоко верили в существование этого спутника у Венеры. В общем, жаль. Эту луну мы захватили бы мимоходом, и у нас было бы две

луны вместо одной. Но все же я не могу постичь причин нарушения порядка в небесной механике.

— Капитан,—сказал Бен-Зуф,—нет ли в Париже, на границе Люксембурга, высокого здания, с громадным отверстием на вышке?

— Обсерватория?

— Именно. И разве нет там таких людей, которые из отверстия наблюдают за явлениями среди звезд?

— Без сомнения, есть.

— В таком случае, подождем их объяснений, капитан, а пока будем философами.

— Бен-Зуф, а знаешь ли ты, что значит быть философом?

— Знаю. Быть философом—значит покориться судьбе, когда нельзя действовать иначе.

Вскоре произошло событие, последствия которого были очень важны. 27-го января Бен-Зуф невозмутимо доложил Сервадаку, находившемуся в караульне:

— Капитан, пришел корабль.

— Бен-Зуф! Ты докладываешь мне об этом таким тоном, как будто говоришь «кушать подано».

— Ну, конечно. На то мы и философы!—спокойно ответил Бен-Зуф.

VII. СЕРВАДАК ЗАДАЕТ РЯД ВОПРОСОВ, ОСТАЮЩИХСЯ БЕЗ ОТВЕТА

Выскочив из караулни, Гектор Сервадак взбежал на вершину утеса. Километрах в десяти от берега находилось судно. Выступ земли скрадывал часть его; отчетливо выделялась только вышка рангоута. И капитан и Бен-Зуф пришли к убеждению, что раньше они уже видели это судно.

— «Добрыня»!—воскликнул Сервадак.

— «Добрыня»?—спросил Бен-Зуф.—Не может быть! Над яхтой не видно ни дыма, ни пара.

— «Добрыня», но с парусом!—ответил Сервадак.—Я знаю наверно, что это шкуна Тимашева.

Действительно, это был «Добрыня». Сервадаку нетерпеливо хотелось скорее встретиться с Тимашевым и обменяться с ним мыслями по поводу необычайных происшествий последних недель. Быть может, «Добрыня» уже объехал Испанию, Италию, Францию, Средиземное море, и от него можно узнать много новостей.

«Добрыня» приближался очень медленно; противный ветер мешал его ходу. Нужно было много усилий, чтобы достичь берега; управлять судном было нелегко. Приглядевшись к судну, Сервадак понял, что командир просто растерялся, увидев только остров там, где он рассчитывал встретить африканский материк. К тому же он мог опасаться, что на новом острове не найдет бухты, где бы «Добрыня» мог укрыться. Наконец «Добрыня» направился к бывшему устью Шелифа. Сервадак с Бен-Зуфом решили туда же отправиться на лошадях. Зефир и Галетт были оседланы, и всадники поскакали к западной части острова. Сервадак нашел там за одним из выступов небольшую бухту, где «Добрыня» мог отлично укрыться. Даже в беспокойное время, при сильном ветре, вода здесь не бушевала.

Сервадак, рассматривая береговые скалы, был ошеломлен, увидя полосы водорослей и следы прилива необычайно высокой воды.

— Чорт возьми!—сказал он с удивлением.—Видно прилив давал себя серьезно чувствовать, поднимая волны на такую высоту, какой до сих пор никогда не было в бассейне Средиземного моря. Новая странность, хотя до нее их и так было достаточно через меру.

В ночь с 31-го декабря на 1-е января совершилось

чудо, вероятно, благодаря соседству огромного диска, устроившего переворот и перемещение воды Средиземного моря. Но, впрочем, в данный миг все внимание Сервадака было отдано «Добрыне».

«Добрыня» заметил сигналы Сервадака, убрал часть парусов, обогнул мыс острова и направился к бухте, на которую ему указывал капитан. Вскоре якорь врезался в песок бухты. С «Добрыни» спустили шлюпку, Тимашев подъехал к берегу. Сервадак поспешил навстречу к нему.

— Прежде всего,—обратился он к Тимашеву,—объясните мне, что случилось?

Тимашев, сдержанность которого особенно выделялась перед французскою живостью Сервадака, слегка поклонился.

— Капитан,—сказал он,—прошу извинить меня, что я не пришел на место встречи охотников!

— О,—возразил взволнованный Сервадак,—стоит ли вспоминать об этом? Теперь не до охоты. Но повторяю прежний вопрос: что случилось?

— Я хотел вас спросить о том же.

— Как, вы ничего не знаете?

— Решительно ничего.

— И вы не можете объяснить мне причину переворота? Не можете сказать, почему часть африканского материка превратилась в остров?

— Не могу.

— Но, по крайней мере, вы можете сообщить, что северное побережье Средиземного моря...

— Разве это еще Средиземное море?—удивился Тимашев.

— Да вы же должны это знать; ведь вы только что объехали Средиземное море!

— Я и не думал плыть по нему.

— Разве вы не приставали ни к какой гавани?

— Ни разу. Я даже не знал, есть ли где-нибудь земля. Сервадак, сбитый с толку, растерялся.

— Но, надеюсь, вы обратили внимание на то, что восход солнца совершается там, где оно обычно заходит?

— Да.

— Что продолжительность дня равняется шести часам?

— Ну конечно.

— Что сила тяготения уменьшилась? Что мы потеряли нашу луну?

— Совершенно верно.

— Что мы чуть не столкнулись с Венерой? Что поступательное движение и вращение земного шара изменились?

— Без сомнения.

— Простите мое изумление, командир. Я думал, что ничего не смогу сообщить вам, и рассчитывал от вас получить много новых сведений.

— Я знаю только,—ответил Тимашев,—что в ночь на 1 января я плыл по морю, спеша на наше свиданье, и вдруг моя шкуна была поднята на невероятную высоту. Все в природе нарушилось вследствие какого-то необычайного явления, причина которого мне и сейчас неизвестна. Наша машина тогда же испортилась, и с той минуты мы шли наугад. Затем мы очутились во власти страшного вихря, свирепствовавшего несколько дней. То, что «Добрыня» уцелел, я считаю чистейшим чудом. Земли мы не видали, как я уже упоминал. Остров—первое, что мы встретили среди обширного пространства воды.

— А теперь,—сказал Сервадак,—мы должны пустить-

ся в новое плавание, чтоб увидеть, какие бедствия причинил этот переворот.

— Я думаю то же.

— Вы позволите мне ехать с вами?

— Сделайте одолжение. Мы совершим кругосветное плавание на «Добрыне».

— О, достаточно объехать одно Средиземное море.

— Кто знает,—покачал головой Тимашев,—наше плавание по Средиземному морю не будет ли кругосветным?

Сервадак не ответил ни слова. Несомненно, решение было правильным, и им прежде всего следовало узнать, что уцелело от африканского побережья. В Алжире следовало собрать сведения об оставшихся обитателях земли, затем, если не совсем исчезло южное побережье Средиземного моря, возвратиться к северу, чтобы вступить в сношения с береговым населением Европы.

31 января «Добрыня» был готов к отплытию. В солнечной системе не произошло никаких новых изменений. Только термометр стал указывать на легкое понижение температуры, которая была невыносимо жаркой в течение месяца. Погода держалась благоприятной, хотя в воздухе начали скопляться новые испарения. Но это, конечно, не могло замедлить уход «Добрыни».

Оставалось решить, будет ли Бен-Зуф сопровождать Сервадака. Здравый смысл говорил, что Бен-Зуф должен остаться на острове, чтобы присмотреть за жилищем и лошадьми. «Добрыня» не мог дать приют лошадям, а предоставить их на волю судьбы было немыслимо. Впоследствии, в случае какой-нибудь неудачи, лошади могли служить единственным орудием добывания средств к жизни.

Гектор Сервадак, скрепя сердце, согласился оставить Бен-Зуфа на острове. Впрочем, для храброго солдата

это одиночное пребывание не было опасным. Закончив путешествие, Сервадак и капитан Тимашев должны были вернуться и взять Бен-Зуфа на шкуну.

31 января ординарец, растроганный вниманием нему самого «губернатора», распростился с капитаном. «Добрыня», обогнув маленькую бухту, вышел в открытое море.

VIII. ПОПЫТКИ НАЙТИ КОЕ-КАКИЕ СЛЕДЫ АЛЖИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

«Добрыня», прочно построенное паровое судно в двести тонн, был вполне пригодным для кругосветного плавания. Провианта на нем был очень хороший запас. Во время пребывания на острове Гурби Сервадак и Тимашев убедились, что увеличивать балласт на «Добрыню» не следует. Хотя «Добрыня» после катастрофы стала сравнительно легка, но и вода сделалась более легкой, так что соотношение двух тяжестей не изменилось.

Помощником Тимашева по управлению судном был лейтенант Прокофьев. Ему было лет 30. Он был превосходным моряком, изучившим основательно морское дело во время плавания на коммерческих судах. Экипаж «Добрыни» состоял из шести человек: механика Тиглева, повара и четырех матросов.

«Добрыня» плыл к западу; попутный ветер помогал судну; шкуна шла бы с быстротой одиннадцати узлов в час, если бы не высокие волны, мешавшие ходу. Не будь западного ветра, море было бы настолько бурным, что «Добрыня» едва ли бы смог плыть. Это объяснялось тем, что частицы воды теперь были страшно легки и при сильных колебаниях воздуха взлетали на громадную высоту. По наблюдениям знаменитого ученого Араго, предельная высота волн равнялась восьми метрам.

Как бы он удивился, если бы увидел, что «Добрыне» приходилось иметь дело с волнами до 16 метров высоты. И это были не бушующие волны, отбрасываемые при сильном столкновении, а скорее медленные, ровные движения волн.

Тяжелое плавание облегчалось тем, что, к счастью, компас не испортился, и свойства магнитной стрелки не изменились. Космические явления не коснулись ее, и после катастрофы, как и раньше, она неизменно указывала на север.

В первый же день плавания лейтенант Прокофьев, более образованный и развитый, чем Гектор Сервадак, в разговоре с ним коснулся последних необычайных явлений. Причина их пока еще ускользала от него, как и от Сервадака.

— Для меня очевидно,—сказал лейтенант, отлично говоривший пофранцузски,—что земля перестала вращаться вокруг солнца по старой орбите и страшно приблизилась к нему.

— Представьте, я тоже уверен в этом. Еще меня занимает вопрос: если земля уже пересекла орбиту Венеры, не пересечет ли она и орбиту Меркурия?

— Чтобы в конце концов упасть на солнце,—добавил Тимашев.

— Не думаю,—ответил лейтенант.—Земля отнюдь не спешит упасть на солнце, а только движется вокруг него по новой орбите.

— А у тебя есть доказательства в защиту этого предположения?

— Есть, которые и тебя убедят. Для того, чтоб обрушиться на солнце, земля должна лететь шестьдесят четыре с половиною дня при все возрастающей температуре. Со дня катастрофы прошло уже 30 дней. Земля за это время должна была пройти почти поло-

вину пути до солнца, а между тем за последние дни нашего пребывания на острове Гурби температура не только не повысилась, но начала значительно понижаться. Итак, вот уже месяц, как орбита земного шара изменилась, но происшедший переворот не был для всей земли роковым. Для ее отдельных местностей,—пожалуй. Вследствие переворота, причину которого мы напрасно разыскиваем, Средиземное море, да и все алжирское побережье значительно переместились.

— Если существует еще алжирское побережье!—вздыхнул Сервадак.

— И Средиземное море!—добавил Тимашев.

Оставалось еще немало вопросов для решения. Не было несомненно, что земля начала удаляться от солнца и что падение на солнце не грозило земле.

Ровно через сутки «Добрыня» миновал возвышения, которые раньше занимали берега Алжира, Тенеза, Шершель, Колеах, Сиди-Феррут. Море простиралось до бесконечности, и не было надежды увидеть землю, которая служила бы границею моря. Лейтенант не мог сомневаться в правильности хода «Добрыни». Следя за компасом и за скоростью хода шкуны, в этот день, 2 февраля, лейтенант смог определить положение судна: оно находилось на $36^{\circ} 47''$ широты и $0^{\circ} 44''$ долготы, то есть на месте, которое должна была занимать столица Алжира.

А Алжир, Тенез, Шершель, Колеах, Сиди-Феррут, очевидно, исчезли в морской пучине или в провалах земли.

Сдвинув брови, стиснув зубы, Сервадак печальным взглядом следил за необозримым морем, простиравшимся вдоль горизонта. Его сердце усиленно билось. Он вспомнил город Алжир, где провел столько лет, вспомнил о друзьях и товарищах, которых уже нет больше на свете. Мысленно перенесся он во Францию,

на свою родину и вообразил те разрушения, которые там произвел переворот. Затем, заглядывая в морскую глубь, он пытался найти хоть какие-нибудь признаки исчезнувшей столицы.

— Нет!—решил он.—Какова бы ни была катастрофа, большой город не мог исчезнуть без следа. Должны же отыскаться развалины. Не всю же Африку поглотили недра земли. Странно только, что ни одной щепки не носится на поверхности моря, ни одного сломанного дерева, ни одной оторванной ветви, ни одной разбухшей доски разрушенных зданий.

Но если взгляд не проникал в глубину моря, была возможность измерить эту глубину, и кое-что извлечь со дна на поверхность. Груз лота был смазан салом и опущен на дно. К общему удивлению, лот указал на совершенно ровное дно уже в четырех или пяти саженях от поверхности моря. Лотом водили по дну, впродолжение двух часов, но не нашли никаких возвышенностей—остатков Алжира. Следовало признать, что катастрофа сравняла столицу Алжира с морским дном.

Это было что-то непостижимое. А что касается до морского дна, то на нем не было ни выступов, ни тины, ни песка, ни раковин. Лот вытащил только что-то похожее на металлическую пыль, замечательную по своему золотистому цвету. Происхождение ее было трудно определить. Она была совсем не похожа на то, что лот приносил раньше со дна Средиземного моря.

После этого «Добрыня» был направлен к югу; к 4 февраля было выполнено добросовестное исследование южной части моря. Дно было исследовано не только лотом, но даже металлическим прибором для добывания морского грунта на больших глубинах. Прибор не захватил ни одного камешка, ни металлического обломка, ни

водорослей, ни зоофитов ¹⁾, которые встречаются во множестве на морском дне. «Добрыня» проплыл на юг до прежних Музайских гор, где раньше были сказочные гроты, росли высокие дубы, водились львы, гиены и шакалы. Самая высокая вершина этих гор поднималась так высоко, что никакие воды не могли бы ее покрыть; она доходила до тысячи шестисот метров.

В данное время только море и небо можно было видеть кругом. Наступала пора вернуться к северу. И «Добрыня» возвратился в прежнее Средиземное море, не найдя ни одной развалины того, что раньше носило название—Алжир.

IX. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОИСКИ

Без сомнения, участок Алжирской колонии был покрыт морем. Но это не было простым исчезновением суши под водой. Нет, глубины земли раскрылись и, завладев всей территорией, закрылись снова. В самом деле, куда же делись скалы и утесы алжирской провинции, от которых не осталось следа? Куда делось прежнее песчаное морское дно? Вместо него появилось новое, до сих пор неизвестное, дно, на котором и покоилось море. И причина этого ужасного переворота продолжала ускользать от пассажиров «Добрыни».

После серьезного обсуждения решили, что «Добрыня» будет плыть на восток до тех пор, пока на пути не встретится африканский материк.

Во все время их нового плавания они не встречали ни берега, простиравшегося от мыса Матифу до границы Туниса, ни обломков или развалин приморского города Деллис, ни указаний на горную цепь Жюржура,

¹⁾ Зоофиты—животно-растения.

вершины которой достигали двух тысяч трехсот метров, ни города Де-Бужи, ни Гурайских крутых скал, ни горы Адрар, ни гор Дидьена, ни Колло, ни мыса Гард, ни мыса Розы, ни вершин гор Дедуж, ни песчаных холмов побережья, ни Де-Калла, известного добыванием кораллов. Когда лот в сотый раз был опущен на дно, он вытащил оттуда только образчик удивительных зоофитов Средиземного моря. «Добрыня» держался тридцать седьмой параллели и к 7 февраля был на седьмом градусе долготы. Возник вопрос, не наткнется ли «Добрыня» на берег Триполи, если его направить к тридцать четвертой параллели.

— Если бы мы добрались до этого пункта,—пожал плечами лейтенант,—мы увидели бы море, простирающееся на юг до бесконечности. Нам остается одно: добраться до берегов Европы и там узнать решение задачи, которую сами мы не можем решить.

Не жалея топлива, «Добрыня» несся на всех парах, но пока еще не попадалось ни мыса Negro, ни мыса Серрат. Шкуна перерезала своим форштевнем ¹⁾ воды около бухты Туниса. Но от прежнего прекрасного залива не осталось ни следа, ничего не осталось и от города, построенного амфитеатром, ни от крепости, ни от двух остроконечных верхушек Бу-Курнейн. Мыс Бон, представлявший выдающуюся возвышенность Африки, исчез в глубине океана одновременно с материком. А теперь, где бы ни производилось измерение, глубина неизменно равнялась пяти сажням. И морское дно было неизменно плоско. Почва же продолжала давать одну металлическую пыль, вместо морских губок, актиний, водорослей или раковин, которыми прежде были испещрены подводные скалы.

¹⁾ Форштевень—брус, служащий носовой гранью судна.

Из особенностей плавания можно отметить, что море всегда оставалось пустынным. Казалось, «Добрыня» один обегал эти покинутые воды, и все, находившиеся на нем, чувствовали себя оторванными от всего мира и спрашивали, не единственный ли обитаемый пункт на земном шаре—их шкуна, последний корабль, приютивший последних обитателей земли?

Через несколько дней «Добрыня» достиг тридцать четвертой параллели; минуя ее, приходилось выехать в залив Габес. Ровная поверхность моря тянулась к западу, насколько можно было окинуть взглядом. Но 11 февраля во всех уголках «Добрыни» прозвучал дружный крик: «Земля!» Берег показался там, где, по географическим данным, его нельзя было встретить.

Действительно, этот берег не мог быть побережьем Триполи, потому что был слишком низким, песчаным. Кроме того, Триполитанское побережье должно было лежать километров на двести южнее. Новая земля, местами очень неровная, занимала широкое пространство с запада на восток и закрывала весь полуденный горизонт. Эта местность была точно отмечена на картах, и невольно приходило в голову, что часть этого материка была прежде Средиземным морем.

— Изумительно!—заметил Сервадак.—Там, где расстилается Средиземное море, был прежде материк, здесь же мы встречаем материк вместо Средиземного моря.

— Нужно решить вопрос,—сказал Тимашев,—должны ли мы держаться берега, и если да, то восточного или западного?

— Я попросил бы держаться западного,—живо ответил Сервадак.—От Алжирской колонии, вероятно, не осталось и следа. Захватим по дороге с острова Гурби моего юрдинарца и направимся к Гибралтару, где мы узнаем, наконец, новости об Европе.

— Ветер дует с запада, заметно приближение бури, — возразил лейтенант. — Итти на запад до крайности трудно. Идя же к востоку с парусами при паровой машине, мы достигнем через несколько дней Египта, а там и Александрии. Оттуда мы пойдем и в Гибралтар.

Несмотря на горячее желание скорее увидеть Бен-Зуфа, Сервадак не мог не согласиться с доводами лейтенанта. «Добрыня» двинулся на восток. День за днем наблюдая за температурой, путники заметили ее резкое и неестественное понижение. Термометр Цельсия не показывал выше 15—20°. Об удалении земного шара от солнца говорило не только понижение температуры, но и сокращение солнечного диска. Он был меньше того, который жители Земли знали до катастрофы. Это доказывало, что новая орбита Земли представляла собой более удлиненный эллипс, чем прежняя орбита, и что никогда еще земной шар не был так удален от солнца, как теперь.

Через несколько дней перед «Добрыней» появился новый материк. Берег его был гладок, точно отполирован; на нем не было видно ни малейшего выступа. Высокие волны с необычайной силой ударялись об этот берег и перекатывались дальше, то встречаясь, то извиваясь друг возле друга и взлетая порой на чудовищную высоту.

Поразительны были странные свойства этого нового материка; казалось, атмосферические условия, изменявшие профиль прежних земных равнин, не влияли ни на правильность формы берега, ни на строгость его линий, ни на цвет его вещества. Материк рисовался на фоне неба с удивительной отчетливостью. Все породы, входившие в его состав, были гладки, точно вылитые литейщиком. Их металлический блеск с золотыми крапинками напоминал колчедан. Вероятно, этот металл

был одного происхождения с тем, который лот приносил с морского дна в виде металлической пыли.

Каждая скала бывает покрыта хотя бы низким кустарником, мхом, травой. На новом материке не было намека даже на захиревшую зелень. На нем не было ничего: ни людей, ни животных, ни птиц, ни растений. Экипаж «Добрыни» не был удивлен, когда к шкуне прилетели искать себе приюта морские птицы: альбатросы, буревестники, чайки, дикие голуби. Кое-какие остатки еды были им брошены с палубы; они с жадностью кинулись на них. Их голод наводил на мысль, что на этом пространстве моря совсем не было растительности, которая служила бы им пищей. Выстрелы из ружья не пугали морских птиц, день и ночь сидевших на реях.

У подошвы высоких скал не тянулось ни песчаного берега, ни берега, усеянного гальками и валунами, ни полосы подводных камней, которыми бывают усеяны не очень глубокие воды. Местами там и сям открывались небольшие бухты. Но не было ни одного места с запасом годной для питья пресной воды.

Продолжая тщательно исследовать этот новый материк, «Добрыня» повернул к северу и снова поднялся по направлению к Европе. Через несколько сот километров «Добрыня» должен был встретиться с островом Мальтой, если только этот древний остров уцелел после катастрофы.

14 февраля лот, спущенный в том месте, где раньше находилась Мальта, ничего не принес, кроме металлической пыли.

— Однако, разрушение простирается до Африканского материка,—заметил командир «Добрыни».

— Да,—отвечал лейтенант.—И мы не можем определить границы бедствий, нанесенных чудовищной катастрофой. В какую часть Европы теперь плыть?

— В Сицилию, в Италию, во Францию!—вскричал Сервадак.—Там, быть может, мы узнаем...

— Что узнаем? Разве то, что пассажиры «Добрыни»—единственные люди, уцелевшие на земном шаре—печально ответил командир.

Сервадак промолчал, потому что его мрачные предчувствия совпадали с предположением Тимашева. Между тем шкуна пересекла местоположение исчезнувшей Мальты и плыла далее. Чтобы достигнуть южных пределов России, следовало идти через Дарданеллы, Мраморное море, Босфор, Черное море. Но когда 16 февраля «Добрыня» сделал попытку направиться к северу, ветер и волны вооружились против него. Началась сильнейшая буря; судно с трудом держалось на море. Огромные волны то поднимали шкуну на 14 метров, то снова бросали ее на такую же глубину. Она могла бы найти себе пристанище в гавани у других берегов. Но этот недоступный берег не предоставлял никакого убежища. Весь экипаж был на палубе, отлично сознавая свое отчаянное положение.

— Мы, кажется, сделали все, что во власти моряков?—сказал Тимашев.

Действительно, ветер неудержимо гнал «Добрыню» к берегу. Надежды на спасение не было никакой. Огромная отвесная стена не имела ни прохода, ни бухты; не было даже устья хотя бы незначительной речки, в котором судно могло укрыться от крайней опасности. Только внезапным порывом ветра «Добрыню» могло бы отбросить в морской простор. Но ветер не менялся.

Вскоре «Добрыня» очутился километрах в двух от берега. Впереди виднелся огромный утес. Благодаря оптическому обману казалось, что он грозно надвигается на «Добрыню», чтобы раздавить его. Через несколько

минут до него оставалось не более полукилометра. Весь экипаж стоял на борту, готовясь ко встрече со смертью.

— Прощайте, Тимашев!—сказал Сервадак, пожимая руку командира «Добрыни».

В этот момент «Добрыня», едва не раздавленный утесом, был внезапно приподнят чудовищной волной. Раздался энергичный приказ лейтенанта:

— Бросать балласт! Поднять большой кливер! Руль прямо!

В тот же миг общий крик прозвучал над морем: это не был крик ужаса. Огромная скала оказалась разбитой на две части, образовавшие узкий проход. Это было спасением. Управляемый опытной рукой лейтенанта, гонимый ветром и волнами, «Добрыня» вошел в этот узкий проход. У всех в голове мелькнула одна мысль:

— Суждено ли ему выйти отсюда?

Х. АНГЛИЙСКИЙ МАЙОР, БРИГАДИР И КАПРАЛ

— С вашего разрешения, я беру слона,—сказал бригадир Мурфи.

— Не имею возможности препятствовать,—ответил майор Олифант, озабоченно соображая свой дальнейший шахматный ход.

Это происходило утром 17 февраля по старому календарю. Партия началась еще четыре месяца назад, противники обменялись только двадцатью ходами, и целый день прошел, прежде чем майор Олифант ответил на ход бригадира Мурфи.

Оба они были офицерами английской армии, чья судьба свела на отдаленном клочке земли, где в свободное время они старались разогнать шахматной игрой скуку жизни. Им было по сорока лет. Оба высокого роста, рыжеволосые, с длинными выхоленными усами,

они гордились своим английским происхождением. Ко всему не английскому они относились враждебно. Переворот, охвативший значительную часть земного шара, не вызвал особенного удивления в этих двух исключительных существах. Находясь во время катастрофы на дежурстве, они оказались, вместе с одиннадцатью людьми, отделенными от сотни товарищей. В распоряжении их остался маленький островок, окруженный безграничным морем.

— Однако!—невозмутимо сказал майор после катастрофы.—Вот, что можно назвать небывалым случаем.

— Действительно, случай исключительный,—спокойно ответил бригадир.

— Англия на месте?

— Как всегда.

— Наверно, английские корабли явятся к нам и возьмут нас отсюда?

— Без сомнения.

— Таким образом мы останемся на нашем посту.

— О, конечно!

Кроме простой лодки, на острове не было ничего, так что двум офицерам и одиннадцати солдатам покинуть остров, в сущности, было невозможно. Съестными припасами они были снабжены отлично. В подвалах хранились запасы, которых тринадцати английским желудкам хватило бы на десять лет. Что касается до перемещения стран света, шестичасовых дней и ночей, новой орбиты земли в солнечной системе,—все это решительно не интересовало ни английских офицеров, ни их флегматичных солдат. После беспорядка, произведенного катастрофой, бригадир и майор вновь расставили шахматные фигуры и стали продолжать свою бесконечную партию. Мы упоминали, что солдаты на острове не были особенно поражены космическими явлениями; но

все же одно из этих явлений вызвало запрос с их стороны. Дня через три после катастрофы капрал Пим попросил свидания с офицерами. Свидание было решено.

— Чего желает капрал Пим?—спросил бригадир, поднимая голову от доски.

— Дни стали вдвое короче,—сказал Пим.—Я хотел бы знать, не убавится ли вследствие этого наше жалованье на половину?

Бригадир Мурфи задумался на мгновение; затем, обменявшись взглядом с майором, он важно сказал:

— Капрал Пим! При назначении жалованья солдатам за день принимался промежуток времени между двумя восходами солнца. Как бы ни был краток этот промежуток, жалованье остается тем же, каким оно было раньше. Англия еще не терпит недостатка в деньгах и всегда сумеет оплатить содержание своего войска.

В этой манере говорить слышалось тщеславие. Капрал Пим обратился в сторону майора.

— В чем заключается второй запрос капрала?—спросил Олифант.

— Второй запрос касается пищи,—ответил Пим.—День состоит только из шести часов. Не будем ли мы получать пищу два раза в день вместо четырех?

Майор подумал с минуту и ответил не менее важно, чем бригадир:

— Капрал Пим! Законы природы одно, а военные законы и правила—другое. Вы и ваши люди будете попрежнему есть в день четыре раза. Англия еще настолько богата, что может не считаться с мировыми законами, когда они противоречат военным законам.

Отдав честь, капрал Пим повернулся на каблуках и вышел. Офицеры возобновили игру. Со дня катастрофы прошло уже 49 дней, считая постарому, но на горизонте

не появлялось ни английского корабля, ни какого-нибудь другого.

Впрочем, островок, занятый англичанами, не был единственным клочком твердой земли на всем видном пространстве. В двадцати километрах к югу находился второй островок, очень схожий с первым. Никто не знал, был ли этот островок пустынным, или он служил приютом для людей. Английские офицеры, вероятно, задавали себе этот вопрос. И однажды, чтоб решить его, они вдвоем отправились к острову на лодке.

Возвратившись через 36 часов, они ничего не сказали о результатах исследования даже капралу Пиму. Но, судя по их довольному виду, капрал понял, что они вполне удовлетворены. По возвращении майор Олифант приготовил большой конверт, надписанный бригадиром Мурфи, и наложил на него печать 33-го полка с тем, чтоб передать его первому кораблю, который появится вблизи острова. На конверте стояло: «Адмиралу Ферфакс, первому лорду Соединенного королевства. Адмиралтейство».

Но корабли упорно не хотели приходить. Письмо лежало без движения.

Проснувшись 18 февраля, бригадир Мурфи сказал майору Олифанту:

— Сегодня национальный праздник Англии.

— Да, великий национальный праздник.

— Исключительные условия, в которых мы находимся, не могут помешать нам отпраздновать этот день.

— Я тоже думаю.

— Если король до сих пор не вступил в сношения с нами, то только потому, что не имеет возможности или считает это преждевременным.

— Разумеется.

По зову явился капрал Пим.

— Капрал Пим,—сказал ему бригадир,—сегодня 18 февраля, праздник Англии.

Капрал отдал честь.

— Капрал Пим!—продолжал бригадир.—Произвести 21 выстрел по уставу.

— Слушаю-с.

— Капрал,—прибавил бригадир,—следите за тем, чтоб никого не ранило.

— Рад стараться!—ответил капрал, не желая брать на свою ответственность более, чем следовало.

Из многочисленных орудий после катастрофы на острове сохранилась только одна огромная пушка. Из нее было произведено 20 выстрелов, прошедших благополучно. Когда же солдат хотел зарядить пушку в двадцать первый раз, бригадир Мурфи удержал его руку.

— Зарядите ядром,—сказал он.—Мне хотелось бы испытать действие этой пушки при тех новых условиях, в которые нас поставила судьба.

Солдат привез тележку, нагруженную ядрами в пять пудов весом; пушка выбрасывала их на расстояние до трех километров. Пушку зарядили и, по команде майора, произвели выстрел.

— Чорт возьми!

Два одинаковых возгласа раздались в одну и ту же секунду. Бригадир и майор, следя за полетом ядра в подзорные трубы, хотели определить место его падения при новых условиях стрельбы. Увы! следить было незачем. При уменьшенной силе тяготения ядро унеслось куда-то за горизонт.

Вдруг—не было ли это иллюзией?—в ответ на эхо английского снаряда раздалось слабое эхо со стороны открытого моря. Офицеры и солдаты стали прислушиваться. Донеслось еще три последовательных звука в том же направлении.

— Корабль!—сказал бригадир.—И наверно, английский. Англия приближается к нам.

— С корабля услышали наш выстрел,—предположил майор Олифант.

— Только бы ядро не угодило в этот корабль!—со страхом пробормотал капрал Пим.

Через полчаса в море легко было различить паровую шкуну, приближавшуюся к острову с явным намерением пристать к берегу. Мурфи и Олифант не выпускали из рук подзорных труб, стараясь рассмотреть цвет флага шкуны. Вдруг оба офицера опустили руки, озадаченно взглянули друг на друга и сказали разочарованно:

— Флаг русский!

Действительно, на корме шкуны развевался русский флаг.

ХІ. НЕУДАЧА МЕЖДУНАРОДНЫХ СНОШЕНИЙ

Паровая шкуна укрылась в небольшой бухте; на корме шкуны англичане могли прочесть: «Добрыня». Четырехвесельная лодка с командиром и Сервадаком причалила к острову. Мурфи и Олифант ожидали прибывших, стоя навытяжку, с серьезным видом. Пылкий Сервадак обратился к ним с краткой речью:

— Господа! Благодаря случаю, вы, подобно нам, уцелели от катастрофы, и мы счастливы, что можем позжать руку своим сотоварищам.

Английские офицеры, неподвижные, как куклы, не ответили ничего; не замечая их высокомерного вида, Сервадак продолжал:

— Скажите, вы не получали известий из Франции, Англии, России? Находитесь ли вы в сношениях с материком?

— С кем мы имеем честь говорить?—холодно спросил бригадир.

— Вы правы,—улыбнулся Сервадак,—мы еще не представились друг другу. Капитан главного штаба Мостганема Гектор Сервадак. Командир шкуны «Добрыня» Тимашев.

— Бригадир Энаж Финч Мурфи. Майор Джон Темпл Олифант.

Прибывшие раскланялись с хозяевами острова, правила этикета были выполнены, и беседа могла продолжаться. Велась она на французском языке, который был хорошо знаком англичанам. Бригадир Мурфи пригласил гостей в комнату, занимаемую им и майором; это была небольшая пещера в скале, не лишенная комфорта. Слово было предоставлено командиру «Добрыни».

— Господа,—сказал он,—в ночь на 1 января произошла катастрофа, причины которой мы до сих пор не можем понять. Катастрофа коснулась и вас: вы находитесь на крошечном островке, представляющем остаток большого острова. Мой товарищ, капитан Сервадак, находился в ночь катастрофы в Алжире...

— Кажется, французская колония?—прищурил глаза майор Олифант.

— Да. В эту ночь часть африканского берега при устьи Шелифа внезапно превратилась в остров, другая же часть, кажется, бесследно исчезла с лица земли.

Выслушав эту необычайную новость, бригадир ограничился междометием «а». И спросил:

— Позвольте узнать, где же вы сами находились в эту ужасную ночь?

— На море, на моей шкуне. И считаю чудом, что случай сохранил мне жизнь. На новом острове я, к счастью, встретил капитана Сервадака. С целью узнать подробности катастрофы, мы вместе отправились на «До-

брыне» к прежнему востоку; мы пытались узнать, что осталось от французской колонии. Ничего!

Это известие ничуть не поразило англичан. Колония была французской. Конечно, она могла исчезнуть очень легко.

— Вместо прежнего берега образовался новый полуостров, далеко идущий на север, достигающий 12 меридиана и едва ли не касающийся исчезнувшего острова Мальты.

— Мальты, острова англичан,—поспешно пояснил Сервадак.

— Повашему, Мальта, с своим городом, крепостью, солдатами и офицерами, находится там же, где и Алжир, то есть в морской глубине?

Лица англичан омрачились, но через мгновение на них выразилось недоверие.

— Гм... верить в это исключительное исчезновение весьма трудно,—заметил бригадир Мурфи.

— Почему же?

— Мальта—английский остров, и потому...

— И потому он может так же бесследно исчезнуть, как и китайский,—насмешливо сказал Сервадак, возмущенный надменностью англичан.

— Быть может, ваши исследования во время плавания на шкуне не совсем правильны?

— Нет, в них не может быть ошибки! Надо покориться очевидности фактов. Несомненно, катастрофа коснулась и английских владений. Не только нет Мальты, но и дно Средиземного моря закрыто вновь образовавшимся материком. Если бы не узкий проход в части побережья, нам бы никогда не добраться до вас. Мальта исчезла; очень немного осталось и от Ионических островов, недавно поступивших под протекторат Англии.

Кстати: не получали ли вы из Англии сведений об английских судах по подводному кабелю?

— Нет. Кабель разорван бурей.

— А с Италией вы не сообщались посредством телеграфа?

— С Италией? Вы хотите сказать, с Испанией?

— Не все ли равно? Важно, получили ли вы какие-нибудь сведения об Англии?

— Никаких. Но нас это не беспокоит. Время терпит, и мы не запоздаем.

— А если Англии более уже не существует?—серьезно сказал капитан Сервадак.

— Как Англии не существует?!

— Все может быть! Англия тоже могла исчезнуть.

— Что вы говорите? Англии больше нет?

Бригадир и майор вскочили, как подброшенные пружиной.

— Мне кажется,—сказал Мурфи,—что если Англии нет, то Франции и подавно уже не существует.

— Франция более прочна, чем Англия, потому что она лежит на материке!—запальчиво ответил Сервадак.

— Франция более прочна, чем Англия?!

— Англия представляет собой только остров с довольно шатким основанием!

Этого англичане не могли стерпеть. Дело запахло дуэлью.

— Господа,—сказал Сервадак, выходя с командиром «Добрыни» и двумя англичанами на площадку,—как ни обеднела Франция, утратив Алжир, все же она легко ответит на вызовы, с какой бы стороны они ни являлись. И я, представитель Франции, инженер Сервадак, предлагаю вам вызов на тех условиях, на каких вы согласитесь, как представители Англии.

— Отлично!—ответил бригадир Мурфи.—Я не откажусь.

— И я тоже,—сказал майор Олифант.

— И так как мы здесь на нейтральной земле...

— Как, на нейтральной?—изумился бригадир Мурфи.—Вы ошибаетесь, вы здесь на английской земле. Смотрите, вот развевается наш британский флаг.

— Ага, вы уже успели его вывесить?

— Наш флаг висит здесь очень давно.

— Не шутите!—топнул ногой Сервадак.—Этот островок все, что осталось от великой республики.

— Какой республики?—широко открыл глаза бригадир Мурфи.

— Ваше право, десять раз утерянное и десять раз приобретенное, является слишком спорным. Здесь, в Корфу...

— В каком Корфу?

Изумлению англичан не было меры. Но затем бригадир Мурфи сказал спокойно:

— Не могу понять, почему вы так жестоко ошибаетесь! Здесь земля англичан, которая принадлежит нам по праву побед с 1704 года, и право это утверждено Утрехтским договором. Земля этого островка, как бы он ни был мал, такая же английская, как земля Лондона.

— Так, значит, в настоящее время мы не на Корфу?

— Конечно, нет. Вы в Гибралтаре.

Гибралтар! Это слово, как удар грома, ошеломило Тимашева и Сервадака. Они все время думали, что находятся на Корфу, в одной из северных частей Средиземного моря, а находились на границе Испании в Гибралтаре. Новый загадочный факт.

Командир «Добрыни» собирался наводить дальнейшие справки, как вдруг услышал шум и увидел своих матросов в плену у английских солдат. Шел яростный спор

между матросом Панофкой и капралом Пимом. Причиной спора служила бомба, которая, вылетев во время салюта из пушки, разбила реи на шкуне «Добрыня» и трубку Панофки, скользнув возле его носа. Сервадак принял сторону Панофки, а майор Олифант высокомерно заметил, что Англия не ответственна за свои снаряды и что русский матрос сам виноват, если суется с своим носом и трубкой куда не следует. Командир «Добрыни», несмотря на свою сдержанность, вышел из себя и, после обмена колкими замечаниями, отдал экипажу приказ об отплытии.

— Между нами не все еще кончено, мы увидимся,— сказал Сервадак двум англичанам.

— Когда вам будет угодно!—ответил майор Олифант.

Через два часа «Добрыня» потерял из виду то, что осталось от Гибралтара.

ХII. В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Выехав в море, Тимашев и Сервадак начали обсуждать новый изумительный факт, открывшийся перед ними. Они хорошо помнили, что после Мальты все время плыли на восток и попали... в Гибралтар. До катастрофы, чтоб достичь Гибралтара, следуя по восточному направлению с острова Мальты, надо было перерезать восточную половину Средиземного моря, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, Тихий и Атлантический океаны. Теперь, вместо этого огромного кругосветного плавания, достаточно было проплыть небольшой пролив в 60 километров. Сервадак сделал из этого факта соответствующие выводы.

— Приняв во внимание длину пройденного нами пути,—сказал он,—мы должны признать, что земной

сфероид имеет теперь не более двух тысяч трехсот двадцати километров в окружности.

— Да, вы правы,—ответил лейтенант,—диаметр земли после катастрофы значительно уменьшился. Мы, несомненно, совершили путешествие вокруг всего оставшегося мира.

— Теперь легко будет объяснить кое-что из того, что раньше казалось необъяснимым,—сказал командир «Добрыни».—Вследствие сокращения размеров сфероида, вес на его поверхности уменьшился, вращение ускорилось, и сутки сократились до 12 часов. Что же касается до новой орбиты земли...

Тимашев вопросительно взглянул на лейтенанта.

— Здесь можно допустить одно объяснение,—отвечал лейтенант.—Вероятно, земля раскололась, и один осколок, увлекая за собою часть атмосферы, несется теперь в солнечной системе по этой новой орбите.

Было над чем задуматься. Если осколок земли действительно отделился от земного шара, куда он несется? Какие силы теперь управляют его движением? На каком расстоянии от солнца находится эта новая планета? Какова будет продолжительность ее обращения вокруг солнца? Есть ли хотя небольшая надежда на то, что случайная встреча вновь соединит эту оторванную часть с земным шаром, от которого она отделилась так бурно? Первым прервал молчание Гектор Сервадак:

— Нет, лейтенант, вы не совсем правы. Ваше объяснение проливает свет на многие факты, но некоторых ваша гипотеза не в состоянии объяснить. Вы утверждаете, что часть земли превратилась в новый сфероид, который захватил нас, увлекая часть бассейна Средиземного моря от Гибралтара до Мальты и теперь несется по солнечному миру?

— Допустим.

— Остается загадкой, отчего, вместо плодородных берегов, которыми было окружено Средиземное море с юга, востока и запада, мы видим какую-то крутую чудовищную стену, без признаков растительности, по роду и состав которой нельзя определить. Остается загадкой, почему оторвавшаяся часть земного шара не сохранила своего известкового или гранитного состава и почему мы всюду встречаем какую-то странную металлическую пыль.

Лейтенант не нашел ответа на возражения Сервадаки и ограничился замечанием, что в недалеком будущем явится ряд новых фактов и спорные вопросы, возможно, будут разрешены.

Наступила опять превосходная погода, и «Добрыня» под двойным действием попутного ветра и пара, быстро подвигался к северу от Гибралтара. Мы говорим к северу, потому что испанское побережье бесследно исчезло. На прежнем месте не было ни Малаги, ни Алмерии, ни мыса Гата, ни мыса Палос. Море покрывало всю эту часть испанского полуострова, и шкуна должна была подняться до высот прежней Севильи, чтоб найти если не андалузский берег, то хотя бы утес, сходный с тем, который был открыт на месте Мальты. Разыскивая уцелевшие острова, наши разведчики наткнулись на неожиданную находку. 21 февраля один из матросов дежуривший на палубе, крикнул:

— Бутылка в море!

Все подумали, что бутылка может хранить драгоценный документ, имеющий отношение к земной катастрофе. «Бутылку» поймали и вытащили на борт. В сущности, это была не бутылка, а кожаный футляр вроде тех, которые служат для хранения зрительных труб. Крышка была тщательно пригнана к футляру и запечатана сургучом. Печать была сломана, крышка с инни

циалами П. Р. открыта, и лейтенант вытащил документ, не смоченный морской водой. Это был лист бумаги, сложенный вчетверо. На листе было написано крупным, неровным почерком:

«Галлия... С 15 февраля расст... 236 000 000... Пройденный путь с января до февраля 328 000 000. Ол райт»...

— Что это значит?—спросил командир «Добрыни», поворачивая лист во все стороны.

— Ничего не понимаю,—ответил Сервадак.—Но ясно, что автор документа, кто бы он ни был, жив был еще 15 февраля, так как документ помечен этим числом.

— Совершенно верно,—согласился Тимашев.

На документе не было подписи и ничего, что обозначало бы местопребывание автора. В нем были латинские, итальянские, английские и, главным образом, французские слова.

— Не думаю, чтоб это была мистификация,—сказал Сервадак.—Слишком очевидно, что документ имеет отношение к новым астрономическим условиям, в которых мы находимся в настоящее время. Футляр принадлежал какому-нибудь исследователю, плавающему на корабле.

— Нет, капитан,—отвечал лейтенант.—Моряк положил бы документ в бутылку, куда вода может проникнуть не так легко, как в футляр. Скорее это ученый, живущий одиноко на клочке уцелевшего побережья. Желая добиться объяснения или проверить свои наблюдения, он воспользовался этим футляром вместо бутылки.

— Это не важно,—сказал командир «Добрыни».—Прежде займемся документом, а затем постараемся напасть на след автора. Прежде всего, что такое Галлия?

— Не знаю ни одной планеты, ни одного астероида с таким названием,—вздыхнул Сервадак.

— Капитан,—заметил лейтенант,—не согласитесь ли

вы, что документ оправдывает мою гипотезу об осколке земного шара, образовавшего новый астероид?

— В таком случае,—добавил капитан «Добрыни»,— вопрос разрешен. Ученый дал имя Галлии нашему новому астероиду.

— Этот ученый, вероятно, француз!—заметил лейтенант.

— Весьма возможно.

— Допустим, что Галлия—название нового астероида,—сказал командир «Добрыни»,—и начнем разбор документа. «С 15 февраля расстояние 236 000 000 километров».

— Это действительно то расстояние, которое должно было отделять Галлию от солнца в тот момент, когда она пересекла орбиту Марса,—заметил лейтенант.

— Прекрасно. Вот разгадка первого пункта документа. Далее: «путь, пройденный с января по февраль, 328 000 000 километров».

— Очевидно, речь идет,—вставил Сервадак,—о Галлии и о пути, пройденном ею по новой орбите.

— Да,—добавил лейтенант.—Это поясняет ту высокую температуру, которая давала себя так сильно чувствовать как раз 15 января. Может быть, Галлия 15 января находилась в своем перигелии, то есть в ближайшей к солнцу точке орбиты.

— К сожалению, ничто не указывает, на какое расстояние Галлия удалится от солнца в своем афелии, точке наибольшего удаления планеты от солнца,—сказал Сервадак.—Неизвестно нам также, на что мы можем надеяться и чего должны опасаться в будущем.

— Вы не совсем правы, капитан. С точными наблюдениями пути Галлии в различных пунктах мы достигнем полного определения ее орбиты.

— Так и будет,—подтвердил командир «Добрыни».—

Если Галлия—астероид, она, как и другие планеты, безусловно подчинена механическим законам, управляющим движениями всех мировых тел в пространстве. В тот миг, когда отделившаяся часть земли была скована невидимыми цепями притягательной силы, ее орбита подчинилась неизменным законам тяготения.

— Да, пока другая планета не нарушит движения Галлии и не изменит ее орбиты,—заметил лейтенант.—Ведь Галлия совсем маленькая планета в солнечной системе, и большие планеты могут оказать на нее довольно заметное влияние.

— Жаль, что у нас нет инструментов, чтоб сделать более точные наблюдения,—закончил командир «Добрыни».—Что касается конца документа «Ол райт» (all right), то этот английский конец—«все отлично»—ничего важного не означает.

— Он означает только,—ответил Сервадак,—что автор документа не опечален катастрофой и находит, что все обстоит как нельзя лучше в этом лучшем из миров.

ХIII. ОСТАТКИ ОБШИРНОГО КОНТИНЕНТА

С этого дня имя Галлии стало часто повторяться в беседах наших исследователей, и незаметно, почти бессознательно, оно стало для них названием той планеты, которая вместо земли несла их теперь по солнечному миру. Но среди разговоров они не забывали, что им необходимо исследовать побережье Средиземного моря. И шкуна шла возможно ближе к берегу, вдоль новой границы единственного, по всей вероятности, моря Галлии.

Основная часть огромного мыса, который загородил «Добрыне» путь на север и который пришлось обогнуть,

лежала как раз в том месте, где должна бы быть Барселона на Иберийском побережьи; но и это побережье и значительный город исчезли, погребенные в волнах, плескавшихся у новых скал за мысом. Эти скалы, понижаясь к северо-востоку, опускались в море на месте мыса Креуза. От этого мыса не осталось следа. За ним начиналась французская граница, и можно представить, каковы были мысли Сервадака, когда он встретил что-то новое на месте родной земли. Непрístupная гора возвышалась перед французским берегом и не позволяла ничего видеть. Она стояла, как стена, заостренная наверху, вышиной более пятидесяти метров. На ней не было уступов, по которым можно было бы вскарабкаться вверх. Она возвышалась на той параллели, где прежде рисовались очертания прелестных берегов южной Франции. Не осталось ничего похожего на прежнюю приморскую полосу восточных Пиреней, ни мыса Беарна, ни устья Тэхо, ни бассейна Сальцесс. Начиная с мыса Агды, по границе Геро, вплоть до залива Эг-Морт, не было более ни Сетты, ни Фронтиньяна. Исчез Мартиг, не было Марсели.

Капитан Сервадак был подготовлен ко всевозможным неожиданностям, но все же был поражен. Не осталось и следа от тех берегов, которые были ему так близки. Под конец у него стала мелькать мысль, не составляли клочок алжирского побережья, этот остров Гурби, всего, что осталось от прежней земли?

— А между тем,—говорил он командиру «Добрыни»,—материк Галлии не ограничивается же этим непрístupным берегом. Ее северный полюс расположен по ту сторону. Что лежит за этой преградой? Это необходимо узнать. Неужели мы не найдем бухты, где бы могли пристать к этому берегу? Неужели невозможно вска-

рабкаться на эти скалы, чтобы хоть раз взглянуть на ту землю, которую они скрывают от нас?

Но «Добрыня» продолжал постарому плыть среди отвесных скал.

Днем уменьшившийся диск солнца бросал на Галлию только слабые лучи. Ночью звезды блестели необычайно ярко, но некоторые планеты потускнели. Так было с Венерой, Марсом и неизвестным светилом, которое находилось близ них. Что же касается до огромного Юпитера и великолепного Сатурна—их блеск, наоборот, усиливался, потому что Галлия приближалась к ним. Уран был виден отлично; а раньше его нельзя было видеть без подзорной трубы.

24 февраля «Добрыня» доплыл до широты мыса Антиб. Здесь, к величайшему изумлению и большой радости наших путешественников, огромные скалы были рассечены, и между ними образовался узкий проход. От его подножия к морю спускался маленький выступ, к которому легко было причалить. В 7 часов утра Сервадак, Тимашев и лейтенант пристали к выступу. Здесь в первый раз они увидали что-то похожее на прежние берега. Это были известковые нагромождения желтоватого цвета провансальских берегов. Небольшой выступ возвышался только на несколько метров над поверхностью. Миновав его, путники побежали к руслу, через которое рассчитывали переправиться. Русло оказалось сухим, и нетрудно было заметить, что поток уже века не катил по нему своих вод. Скалы его дна, как и скалы берега, были того же зубчатого строения, как побережье, близ которого плыл «Добрыня». Геолог, вероятно, определил бы место этих скал в системе геологических наслоений, но наши исследователи сделать этого не могли. Пласты снега сверкали кое-где на склонах скал; на вершинах они лежали сплошным покровом.

— Вот,—заметил Тимашев,—первые следы пресной воды, найденные нами на поверхности Галлии.

— Да,—ответил лейтенант,—а на большей высоте под влиянием холода образовался не только снег, но, вероятно, и лед. Если Галлия удалится на значительное расстояние от солнца, можно будет ждать очень сильных холодов.

— А не следует опасаться, что холод будет настолько велик, что ни одно живое существо не перенесет его?

— Нет. На какое бы расстояние мы ни удалились от солнца, холод никогда не превысит температуры звездных пространств.

— А какова эта температура?

— Согласно теории Фурье, 60° по Цельсию ¹⁾.

— 60° ? Но это же невыносимая температура!

— Почему? Подобный холод уже испытали английские мореплаватели в полярных странах, и, кажется, Парри на острове Мельвиле видал ртуть в термометре на 56° ниже нуля.

Минеральное вещество, залегавшее по дну русла слоями, облегчало подъем, и часа через полтора путники дошли до хребта скал. Эти скалы господствовали не только над морем на юге, но и над новыми странами на севере, которые резко понижались. Капитан не мог удержаться от грустного восклицания.

Франции не было! До горизонта бесчисленные скалы сменяли друг друга. Все эти гряды скал, покрытые снегом и льдом, были удивительно однообразны. Это было огромное скопление вещества, кристаллизировавшегося в виде правильных призм. Галлия казалась глыбой одной и той же неизвестной минеральной породы.

¹⁾ Современная наука считает холод звездных пространств значительно большим и, во всяком случае, непереносимым для высокоорганизованных живых существ.

В общем, в этой южной части Галлии не было ни малейшего следа европейской земли. Повсюду европейскую заменила новая почва. Не было ни холмистых пейзажей Прованса, ни померанцевых и лимонных садов, красноватая листва которых возвышалась уступами над сухими камнями, ни оливковых рощ с матовой листвой, ни мимоз, ни пальм, ни кустов гигантского гераниума, мешавшихся порой с диким льном. Не было ни черных скал побережья, ни гор, с их темной стеной хвойных деревьев. Ничего не оставалось из растительного царства, так как даже полярный подснежный лишай не мог бы расти на этой каменистой почве. Не было и представителей царства животных, так как ни буревестники, ни птицы полярных стран не нашли бы себе здесь пищи. Это было печальное царство одних минералов.

Капитан Сервадак был потрясен. Неподвижно стоял он на вершине обледеневшей скалы, рассматривая лежавшие перед ним земли. Он отказывался верить, что здесь когда-то была Франция.

— Нет!—говорил он.—Наши открытия ввели нас в заблуждение. Мы не дошли до той параллели, которая пересекает приморские Альпы. Страны, следов которых мы ищем, лежат за ними. Из морской пучины явилась стена,—пусть так. Но дальше мы увидим европейские земли. Перейдем эту страну льдов и будем искать еще.

Гектор Сервадак пробежал шагов двадцать, но внезапно остановился; он ушиб ногу об осколок обточенного камня. По очертанию и цвету камень не принадлежал новой почве. Сервадак поднял его. Это был осколок пожелтевшего мрамора, на котором среди других высеченных букв можно было найти слог: «Вил...»

— Вилла!—воскликнул Сервадак, роняя камень.

Что осталось от этой виллы, построенной на прекрас-

нейшем берегу, на крайнем выступе великолепного мыса? Что осталось от блестящей панорамы, увенчанной Приморскими Альпами, начинавшейся от гор Эстереллы и кончавшейся мысом Бордишеры? Не осталось даже мраморного осколка, только что разлетевшегося на мелкие куски! Сервадак не мог более сомневаться, что мыс Антиб погиб в глубинах этого нового материка.

Командир «Добрыни» подошел к нему и спросил тихо:

— Капитан, знаете вы девиз семьи Гон?

— Нет.

— Пока живешь, сохраняй надежду.

— Этот девиз опровергает безнадежные слова Данте: «оставь всякую надежду»?

— Да, капитан. И теперь этот девиз будет нашим девизом.

Оставалось одно: вернуться к острову Гурби. Этот небольшой остров, вероятно, был единственной частью прежней земли, которая могла прокормить тех, кого новая планета уносила в пространство.

— В конце концов,—утешил себя Сервадак,—это почти кусочек Франции.

Обсуждая проект возвращения к острову Гурби, они уже остановились на нем, но лейтенант обратил внимание на то, что не мешало бы закончить обследование Средиземного моря. Возможно, что не погибли Италия, Сицилия, Балеарские острова. До возвращения на Гурби следует именно сюда направить «Добрыню», пока он еще может служить.

— Что ты хочешь этим сказать?—удивился командир «Добрыни».

— Только то, что температура все понижается, так как Галлия движется по кривой, которая все более и более удаляет планету от солнца. Сильный холод не за горами. Море замерзнет, плавание будет невозможно.

ным. Итти же пешком по ледяным полям будет значительно трудней.

— Ты прав,—ответил командир «Добрыни».— Будем искать остатков прежнего материка; быть может, на них осталось в живых несколько несчастных людей, которых мы сможем спасти.

25 февраля шкуна покинула маленькую бухточку, в которой нашла себе приют. Двигаясь вдоль северного берега, она на всех парах спешила к востоку. Холод становился все чувствительнее. Термометр в среднем показывал 20°. К счастью, море замерзает при более низкой температуре, чем прочие воды. Но надо было спешить.

Ночи были прекрасны. Облаков в охлаждающихся слоях атмосферы было меньше, и созвездия с удивительной яркостью блестели в ночном небе. Лейтенант, как моряк, жалел, что луна навсегда исчезла с горизонта, но любой астроном, занимающийся исследованием звездного неба, был бы очень доволен совершенной темнотой ночей Галлии.

27 февраля на востоке показался островок в нескольких километрах от шкуны; вероятно, он принадлежал северному берегу Сардинии, если не был новейшего происхождения. «Добрыня» приблизился к острову, и вскоре Тимашев и Сервадак пристали в шлюпке к небольшому зеленому лужку. Здесь росло несколько мирт, над которыми возвышались три, четыре старых оливковых дерева. Среди зелени не видно было ни одного живого существа. Исследователи уже хотели покинуть остров, как вдруг услышали блеяние и почти вслед за тем увидели козу, прыгавшую по скалам. Это была домашняя козочка из тех, которых прозвали «коровами бедняков», молодое животное с темной шерстью и правильно загнутыми рожками. Она не испугалась, а побе-

жала навстречу людям и своим блеяньем точно звала их к себе.

— Она не одна здесь!—крикнул Сервадак.—Пойдемте за ней.

Коза привела их к землянке, наполовину скрытой кустами. Из-за кустов на них выглянула маленькая прелестная девочка с черными глазами. Оглядев их и, видимо, довольная осмотром, девочка доверчиво выбежала к ним.

— Вы не злые?—спросила она мягким голоском по-итальянски.—Мне нечего вас бояться?

— О, нет,—ответил командир «Добрыни».—Мы твои друзья и останемся ими. Но как тебя зовут?

— Нина.

— Можешь сказать нам, где мы?

— На Мадалене. Я была на Мадалене, как вдруг все изменилось.

Мадалена была небольшим островом около Капреры, на север от Сардинии, исчезнувшей во время катастрофы. Несколько вопросов выяснили, что маленькая Нина была одна на острове, что родители ее умерли, что она пасла коз богатого крестьянина в момент катастрофы, когда все провалилось вокруг нее, кроме этого клочка земли. Спаслись только она и Марзи. К счастью, у нее было немного съестных припасов, которых хватило до сих пор. Все время она надеялась, что придет лодка и увезет ее и Марзи с островка.

— Вот и еще одним прелестным обитателем больше на Галлии,—сказал Сервадак.

Полчаса спустя, Нина и Марзи уже устроились на шкуне, где все их приняли очень ласково. «Добрыня» двинулся дальше и через несколько часов потерял из вида Мадалену, направляясь опять на юго-восток. Вскоре он приблизился к новому берегу, который выдвигался

нулся в море на двести километров дальше старого итальянского берега.

Итак,—другой материк явился на месте Италии, от которой не осталось и следа. На параллели Рима был теперь залив, врезавшийся в сушу значительно дальше того места, которое раньше занимал «вечный город». Лишь на высоте Калабрии берег спускался к морю и тянулся постарому в прежней форме сапога. Но не было Сицилии и вершины огромной Этны, возвышавшейся на 3350 метров над уровнем моря.

Около 3 марта наши исследователи сделались свидетелями первого вулканического явления на поверхности Галлии. Огнедышащая гора поднималась на побережья, близ которого шел «Добрыня», на высоту восьмисот метров. Кратер ее еще не потух; вершина горы дымилась и дышала пламенем.

— Значит, Галлия обладает и внутренним огнем?— удивился капитан Сервадак.

— А почему бы нет?—ответил командир «Добрыни».— Так как Галлия—осколок земного шара, отчего же ему не унести с собой части земного огня, как он унес часть атмосферы, часть морей и часть материков?

— Очень малую часть!—вздыхнул капитан Сервадак.—Но в общем достаточную для ее теперешнего населения.

Температура не переставала понижаться. Лейтенант предчувствовал, что море скоро начнет замерзать около шкуны. Кроме того, и угольные ямы, вследствие долгого плавания, понемногу опоражнивались, и угля могло скоро не хватить.

Эти два довода лейтенант сообщил своим спутникам, и 5 марта было решено, что «Добрыня» вернется к острову Гурби, от которого его отделяло не более 80 километров.

— Бедняга Бен-Зуф!—сказал капитан Сервадак, часто вспоминавший товарища во время своего пятидневного путешествия.—Только не случилось бы с ним чего-нибудь.

Короткое путешествие от вулкана к острову было отмечено только одним приключением. Им попало второе указание таинственного ученого, который, вероятно, мог рассчитывать все движение Галлии и, день за днем, отмечал ее новую орбиту.

При восходе солнца они увидели какой-то предмет, плававший в воде. Предмет этот оказался бочонком из-под консервов, закупоренным толстой пробкой из сургуча, на которой были прежние инициалы.

— От того же лица!—сказал Сервадак.

В бочонке нашли документ такого содержания:

«Галлия. К 1 марта расстояние 312 000 000 километров. Путь, пройденный с февраля до марта: 236 000 000 километров. Ол райт! Очень рад!»

— Но что же это за безумец ученый, не дающий своего адреса?—воскликнул Сервадак.

Жил ли автор на каком-нибудь уцелевшем острове? Находился ли он на корабле, плававшем по этому новому Средиземному морю? Никто не мог ответить на эти вопросы.

— Во всяком случае,—заметил лейтенант,—из документов можно сделать два важных вывода. Впервые, быстрота поступательного движения Галлии за месяц уменьшилась на 92 000 000 километров. С января по февраль она прошла 328, а с февраля по март только 236 миллионов километров. Во вторых, расстояние между Галлией и солнцем за февраль значительно увеличилось. Значит по мере удаления Галлии от солнца уменьшается и быстрота ее движения по орбите. Это вполне согласно с законами небесной механики.

— Автор документа уже второй раз употребляет название Галлия,—сказал командир «Добрыни».—Поэтому я предлагаю принять его для планеты, несущей нас, и назвать это море Галлийским морем.

— Да,—ответил лейтенант,—и я впишу его под этим именем, составляя карту Галлии.

Несколько часов спустя спутники увидели остров Гурби.

ХIV. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ГУРБИ

«Добрыня» покинул остров 31 января и вернулся к нему 5 марта. Гектор Сервадак был немного взволнован, приближаясь к единственному уцелевшему остатку алжирской земли. Несколько раз во время отлучки он спрашивал себя, найдет ли опять этот остров, а на нем верного Бен-Зуфа? Такое сомнение могло легко возникнуть при виде перемен, так глубоко изменивших поверхность Галлии. Но опасения инженера не оправдались. Остров Гурби был цел, и, не доходя до порта Шелифа, Сервадак увидел над своими владениями стаи птиц. Из этих стай неслись неистовые крики. С земли им отвечали выстрелы.

«Добрыня» известил о своем прибытии пушечным выстрелом и вошел в маленький порт. В эту минуту выбежал человек с ружьем в руках и двумя-тремя прыжками взобрался на скалы. Это был Бен-Зуф. Он остановился, сперва неподвижный, глядя по уставу прямо вперед. Но это было выше его сил. Спрыгнув со скал, он бросился навстречу своему капитану. Они обнялись. Но вместо обычных восклицаний: «Как долго вы были в отсутствии! Как я беспокоился о вас!»—Бен-Зуф завопил:

— Ах, разбойники! Хорошо, что вы вернулись, капитан! Вору! Грабители! Пираты!

— На кого ты сердишься, Бен-Зуф?—спросил Сервадак, подумавший, что на его владения напала шайка арабов.

— На этих чортовых птиц! Уже целый месяц трачу на них мой порох. Если бы дать им волю, у нас на острове не осталось бы и зернышка хлеба.

Лейтенант и Тимашев, подошедшие к Сервадаку, убедились, что Бен-Зуф не преувеличивал. Жатва, быстро созревшая, благодаря жаркому январю, уничтожалась тысячами птиц. Оставшейся части урожая грозила полная гибель. Бен-Зуф во дни путешествия «Добрыни» не оставался в праздности. На равнине виднелось много сжатого хлеба. Эти стаи птиц представляли собой весь пернатый мир, унесенный Галлией, когда она отделилась от земного шара. Вполне естественно, что они искали себе убежище на острове Гурби; ведь только там они нашли поля, луга и пресную воду. Между прочим, это указывало, что нигде, ни в какой другой части астероида, их питание не было обеспечено. Но здесь они могли жить только в ущерб обитателям Галлии, и против этого надо было принять меры.

— Поживем, увидим!—решил Сервадак.

— А кстати, капитан,—спросил Бен-Зуф,—что стало с вашими африканскими товарищами?

— Африканские товарищи попрежнему в Африке,—ответил Сервадак.—Только Африки уже нет.

— Нет Африки? А Франция?

— Она очень далеко от нас, Бен-Зуф.

— А Монмартр?

Кратко Сервадак объяснил ординарцу, что случилось и почему Монмартр, Париж, Европа и весь земной шар находились за сотни миллионов километров от острова Гурби. Надо было отказаться от надежды когда-либо вернуться туда.

— Полно!—воскликнул пылко Бен-Зуф.—Никогда не увидеть больше Монмартра?! При всем моем почтении к вам, говорю: пустяки.

— Надейся, голубчик. Никогда не надо отчаиваться. Но устроимся на острове Гурби так, как будто мы остаемся на нем навсегда.

Разговаривая, дошли до хижины, вновь отстроенной Бен-Зуфом. Караульня тоже была в порядке, и для Галетта с Зефиром были устроены хорошие стойла. Затем в хижине началось совещание, за какое дело приняться прежде всего. Самым важным вопросом был вопрос о помещении. Как разместиться на острове, чтобы перенести ужасный холод, который придется испытать Галлии в междупланетных пространствах? Продолжительность холодного времени зависела от длины орбиты Галлии, и могло пройти много лет прежде, чем она снова приблизится к солнцу. А топлива было не много. Угля не было, деревья были довольно редки, а в период ужасных холодов, конечно, ничего не могло расти. Что делать? Необходимо было изобрести какое-нибудь средство, и притом в самый короткий срок.

Питание в близком будущем было обеспечено. Несколько ручьев текли в долине, и вода наполняла водохранилища. Если бы ручьи замерзли, их лед доставлял бы влагу для питья.

Что касается населения Галлии, то на ней было кроме 13 англичан на Гибралтаре, о которых пока можно было не заботиться, восемь русских, два француза и одна итальяночка. Остров Гурби должен был прокормить 11 обитателей. Но когда Сервадак установил это число, Бен-Зуф замахал руками:

— Да нет же, капитан! Я не хотел бы вам противоречить, но вы неверно считаете.

— Как это?

- А так, что нас свыше двадцати.
— На острове?
— На острове.
— Объяснись, Бен-Зуф!
— Дело в том, что... Виноват, я расскажу вам все по порядку. Посмотрите, как много сжато хлеба. Мои две руки не могли бы столько поработать.
— Действительно,—сказал лейтенант.
— Пойдемте же. Это недалеко. Только два километра. Я вам все покажу. Захватите и ружья.
— Для защиты?—спросил Сервадак.
— Не от людей, а от этих проклятых птиц!—ответил Бен-Зуф.

Все, сильно заинтересованные, пошли за ординарцем. Дорогой Сервадак и его спутники стреляли птиц, посадившихся тучей над их головами. Здесь были тысячи диких уток, шилохвосты, жаворонки, ласточки, куропатки, перепела, бекасы, чайки. Промахов не было. Это была не охота, а истребление птиц-грабителей. Через четверть часа все подошли к обширным зарослям диких смоковниц и эвкалиптов, живописно разросшихся у подножия холма.

— Ах, негодяи, ах, разбойники!—закричал Бен-Зуф, топая ногой.

— Ты говоришь о птицах?—спросил Сервадак.

— Нет, капитан, я говорю о разбойниках, которые опять бросили свою работу. Посмотрите-ка!

И Бен-Зуф указал на валявшиеся на земле серпы, грабли, косы.

— Да скажешь ли ты мне, наконец, в чем дело?—крикнул Сервадак, потеряв терпенье.

— Тише, капитан, тише! Послушайте-ка,—прошептал Бен-Зуф.—Я не ошибся.

Прислушавшись, Сервадак и его спутники услышали

ление, гитару и кастаньеты, резко отбивавшие такт.

— Испанцы?—спросил Сервадак.

— А кто же иначе?—ответил Бен-Зуф.—Послушайте-ка, вот один запел.

Кроме певшего, был слышен другой голос, отчаянно ругавшийся. Сервадак, как гасконец, достаточно понимал поиспански, и пока голос пел:

Твоя красота и сигара
И стакан хереса,
Мой конь и большой мушкетон.—
Что может быть лучше на свете?

другой голос с негодованием повторял:

— Мои деньги, деньги мои! Когда вы заплатите то, что вы мне задолжали, негодяи?

Оба француза и оба русских взглянули за кусты. Испанцы только что начали танцевать свой национальный фанданго. Ради шутки, четыре здоровых молодца ухватились за сердито ругавшегося старика, и он волею-неволей должен был высоко подпрыгивать с ними. Перейдя заросли, Сервадак и его спутники очутились на маленькой полянке. Здесь два музыканта с гитарой и кастаньетами покатывались со смеха, подзадоривая танцоров. При виде вновь пришедших музыканты замолкли, а танцоры вместе с своей жертвой опустились на землю. Старик бросился к инженеру и заговорил пофранцузски с сильным английским акцентом.

— Ах, господин генерал-губернатор!—крикнул он,—эти мошенники хотят обокрасть меня. Умоляю вас, поступите по справедливости!

Сервадак смотрел на Бен-Зуфа, спрашивая взглядом, что значит этот почетный титул. А Бен-Зуф весело кивал головой, будто говоря:

— Да, да, капитан, вы—генерал-губернатор! Я всех осведомил об этом.

Капитан сделал знак старику замолчать; тот наклонил голову, скрестив на груди руки. Теперь его можно было хорошо рассмотреть. Это был человек лет 60. Маленький, сухощавый, с подвижными хитрыми глазками, с рыжеватой бородкой, с всклокоченными волосами, он был очень характерным представителем мелкого английского ростовщика. Это был ростовщик, жестокий, жадный до денег скряга. Деньги притягивали его, как магнит притягивает сталь. Звали его Исаак Хаккабут. В сущности главным его занятием была торговля по приморским городам во время плаваний. Его тартана, суденышко в двести тонн, настоящая пловучая мелочная лавка, привозила на побережье тысячи различных предметов, начиная с химических спичек и кончая лубочными картинками. У Хаккабута не было другого жилища, кроме его суденышка—«Ганзы». На суденышке находились еще капитан и три человека экипажа; этого было достаточно для управления «Ганзой», которая плавала только близ берегов Алжира, Туниса, Египта, Турции и Греции. Исаак развозил кофе, сахар, рис, табак, материи, порох, продавал, менял, скупал и на всем этом зарабатывал много денег. Когда произошла катастрофа, «Ганза» находилась в Чеуте, на конце Марокканского мыса. Капитан и экипаж не были на судне в ночь на 1 января и погибли. Но крайние скалы Чеуты, против Гибралтара, были пощажены, а с ними случай пощадил и десяток испанцев, которые ничего не знали о том, что случилось.

Эти испанцы, андалузцы, беззаботные по природе, всегда потовые играть на гитаре, по ремеслу были земледельцами. Старшим среди них считался Негретто. Когда в одиночестве испанцы очутились на скалах Чеуты, они страшно перепугались. «Ганза» стояла здесь же

с своим хозяином, и они упросили Хаккабута принять их на судно.

После этого Негретто навестили два англичанина с Гибралтара, о чем уже рассказано выше. Неизвестно, что было нужно англичанам от испанцев, но после этого посещения Негретто заставил Хаккабута отвезти его с товарищами в местность, наиболее близкую к мароккскому берегу. Исааку пришлось согласиться на просьбу испанцев, но, привыкнув из всего извлекать пользу, он потребовал, чтобы испанцы заплатили ему за перевоз. На это испанцы согласились очень охотно, тем более, что в душе решили не платить ни гроша. «Ганза» пустилась в путь 3 февраля. А через несколько дней Бен-Зуф утром увидел не похожее на «Добрыню» судно, которое ветер пригнал к порту Шелифа.

Бен-Зуф закончил историю Хаккабута, добавив, что порядочный груз «Ганзы» пригодится жителям острова. Конечно, с Хаккабутом трудно столкнуться, но не будет зазорно просто отобрать у него товар для общего блага. Ведь распродать его он все равно не сможет.

— Что же касается недоразумений хозяина «Ганзы» с пассажирами,—прибавил Бен-Зуф,—то мы решили, что они уладятся при содействии генерал-губернатора.

Сервадак не мог удержаться от улыбки. Затем он обещал Хаккабуту, что безусловно с ним будет поступлено по справедливости. По уходе его командир «Добрыни» спросил:

— Но чем же испанцы заплатят?

— У них есть деньги,—ответил Бен-Зуф.

— Это невероятно!

— Я видел английские деньги у них своими глазами.

— А,—воскликнул Сервадак, вспомнивший посещение англичан в Чеуте.—Ну, все равно, мы займемся этим де-

лом попозже. А знаете, друзья, на Галлии теперь имеются представители чуть не всех народов Европы. Есть представители Франции, России, Италии, Испании и Англии. Только последняя, надо признаться, имеет не особенно достойного представителя в виде этого старика-ростовщика.

XV. НА „ГАНЗЕ“

Испанцев на «Ганзе» было десять человек, считая и мальчика 12 лет, Пабло. По уходе Сервадака с поляны, они вновь взялись за работу. Между тем, капитан и его спутники в сопровождении Хаккабута пошли к той части берега, где стояла «Ганза».

Теперь положение вещей было хорошо известно. От прежней земли, кроме Гурби, осталось только три островка: Гибралтар, занятый англичанами, Чеута, покинутая испанцами, и Мадалена, с которой увезли Нину с козочкой. Эти острова были окружены Галлийским морем, которое занимало около половины прежнего Средиземного моря; скалистые утесы неизвестных пород происхождения окружали это море. Только два из островков были населены—Гибралтарская скала, занятая тринадцатью англичанами, обеспеченными на много лет, и остров Гурби с двадцатью двумя жителями, которых он должен прокормить своими средствами. Да на каком-то неведомом островке жил еще таинственный автор найденных «Добрыней» записок. Значит, население новой планеты состояло из тридцати шести душ. Земля острова Гурби легко могла бы прокормить даже их всех. Вопрос был только в том, через сколько времени можно будет вновь взяться за обработку почвы на Гурби, другими словами, через какой промежуток времени Галлия освободится от холода звездных про-

странств. Следовало решить, представляла ли орбита Галлии кривую линию, которая когда-нибудь снова приблизит планету к солнцу, другими словами—была ли эта кривая эллипсом. Если да, то каковы размеры этого эллипса, то есть, в какое время Галлия, пройдя через самую отдаленную от солнца точку (афелий), снова вернется к солнцу. К несчастью, галлийцы, лишённые инструментов для наблюдения, не могли легко решить этих задач.

Итак, следовало рассчитывать только на те средства к жизни, которые у них были. Запасов на «Добрыне»—сахара, вина, консервов, муки—могло хватить месяца на два. Командир «Добрыни» предоставил эти запасы в общее пользование. Далее шел значительный груз «Ганзы», который Хаккабут, рано или поздно, по доброй воле или против воли, должен будет отдать; наконец имелись растительные продукты и животные на островах; они могли обеспечить пищу населению в течение нескольких лет.

По дороге к морю все говорили именно об этих важных вещах. Командир «Добрыни», между прочим, сказал Сервадаку:

— Капитан, вас представили этим молодцам как губернатора острова. Я думаю, что вы и должны занять эту должность. Вы—француз, мы же здесь на оставшемся клочке французской колонии. Место губернатора принадлежит вам по праву.

— Согласен,—ответил Сервадак,—но, конечно, я беру на себя и всю связанную с этой должностью ответственность. А прежде всего нам надо решить очень важный вопрос: следует ли объяснять испанцам действительное положение вещей.

— Нет, капитан,—быстро выпалил Бен-Зуф.—Боюсь, что с отчаяния они совсем потеряют голову.

— Да к тому же,—заметил лейтенант,—они так невежественны, что, по всей вероятности, ровно ничего не поймут.

— Ну,—заговорил снова Сервадак,—если бы они поняли что-нибудь, это бы их не убило. Испанцы такие же фаталисты, как народы Востока. Впечатления их не глубоки. Были бы только гитара, вино и кастаньеты—и они все забудут. Согласны ли вы с этим, командир?

— Я думаю,—ответил Тимашев,—что лучше открыть им правду, как я открыл ее экипажу «Добрыни».

— Я тоже думаю. Едва ли следует скрывать положение вещей от тех, кому придется разделять опасности вместе с нами. Как ни невежественны эти испанцы, они, конечно, заметили некоторые изменения в физических явлениях,—сокращение дней, уменьшение силы тяжести. Поэтому скажем им, что мы унесены в пространство на крошечном клочке прежней земли.

— Отлично. Сказать все без без утаек!—решил Бен-Зуф.—Но позабавлюсь же я над Хаккабутом, когда он услышит, что находится в миллионах километров от прежней земли, где у такого паука, как он, остались на верно сотни должников. Побегика за ними, приятель!

Хаккабут шел далеко сзади и не мог ничего слышать из этого разговора. Сам он давно заметил новые явления в природе и не раз заговаривал о них с Бен-Зуфом. Но на все запросы Бен-Зуф отделялся шутками. Он говорил, например, что вследствие уменьшения веса на земной поверхности бремя его преклонных лет не покажется ему чересчур тяжелым. Он прибавлял, что если луна и улетела, то для него это безразлично: все равно Хаккабут никому бы не дал ни гроша под заклад луны. Когда же Хаккабут слишком приставал к нему, Бен-Зуф отвечал:

— Подожди генерал-губернатора. Он все объяснит тебе.

— И будет охранять мой товар?

— Ну, конечно. Он скорее сам заберет его, чем позволит разграбить.

Между тем Сервадак и его спутники подошли к берегу. На воде тихо покачивалась «Ганза». «Ганза» была в полной исправности. Вероятно, и груз ее не пострадал. В трюме были свалены сотни голов сахара, стояли ящики с чаем, мешки с кофе, кипы табаку, бочки вина, кадочки с селедками, свертки материй, тюки ваты, шерстяная одежда, инструменты, хозяйственная утварь и сотни других вещей. Все представляло ценность свыше ста тысяч франков. За несколько дней до катастрофы судно Хаккабута приняло в Марсели новый груз.

— Прекрасный источник для нас этот чудесный груз!—сказал Сервадак.

— Если его владелец позволит нам черпать из него.

— Да что же Хаккабуту делать с этим богатством, лейтенант? Когда он поймет, что нет более покупателей на земле, ни французов, ни арабов, он волей-неволей покорится.

— Не знаю. Во всяком случае, он пожелает платы за свой товар.

— Что же, лейтенант, мы заплатим. Но заплатим векселями на банки нашей старой земли.

— Как бы то ни было, но нельзя оставить «Ганзу» на этом причале. Она здесь погибнет при первой буре, не выдержит и натиска льдин, когда море замерзнет, а этого ждать уже недолго.

— Отлично. Вы с вашим экипажем приведете ее в порт Шелифа.

— Завтра же, капитан.

Составив инвентарь «Ганзы», Сервадак и лейтенант

вернулись с судна на берег. Здесь они уговорились всей компанией собраться в караульне Гурби и мимоходом прихватить испанцев. Час спустя все двадцать два жителя острова сошлись в караульне. Здесь впервые Пабло встретился с маленькой Ниной, которая очень обрадовалась, увидев товарища по возрасту.

Первым заговорил Сервадак; он старался выяснить Хаккабуту и испанцам те необычайные условия, в которых им приходится жить. Затем он прибавил, что рассчитывает на их преданность и на то, что теперь все будут работать на общую пользу. Испанцы слушали спокойно, но ничего не ответили; они не знали, чего от них ждут. Все же Негретто счел нужным спросить:

— Господин губернатор, мне и моим товарищам хотелось бы знать, когда явится возможность вернуться в Испанию?

— Не раньше, чем они заплатят свои долги, господин губернатор,—воскликнул Хаккабут.—Эти бездельники обещали мне по 20 реалов с человека за перевоз их на «Ганзе». Их 10, так что все они должны мне 200 реалов, и я взываю к свидетелям.

— Вам заплатят,—сказал Сервадак.

— Каждому его плата, и если русский командир одолжит мне двух или трех матросов, чтоб отвести мою «Ганзу» в Алжир, я тоже заплачу им, если они запросят не слишком много.

— Алжир?!—воскликнул снова Бен-Зуф,—так узнай же...

— Подожди! Я сам хочу сообщить этим добрым людям то, чего они еще не знают. Послушайте, друзья мои,—обратился Сервадак к испанцам,—какое-то непонятное явление природы отделило нас от Испании, Италии, Франции,—словом, от всей Европы. От нее остался один этот остров, где вы нашли себе приют. Сейчас

мы уже не на земле, а на осколке земного шара. Увидим ли мы когда-нибудь наш прежний мир, никому неизвестно.

Сомнительно, чтоб испанцы поняли объяснение Сервадака; тем не менее, Негретто попросил повторить его. На этот раз испанцы как будто догадались, в чем дело, но отнеслись к поразительной новости вполне равнодушно. Хаккабут же только сжал губы, скрывая насмешку. Сервадак обратился лично к нему и спросил, рассчитывает ли он и теперь пуститься в море и провести судно в Алжирский порт, от которого не осталось и следа. На этот раз Хаккабут усмехнулся, но украдкой от испанцев, и заговорил порусски, чтоб понял только командир «Добрыни» и его свита.

— Все это—неправда, и господин губернатор хочет только пошутить!

Командир «Добрыни» пожал плечами; тогда Хаккабут сказал Сервадаку пофранцузски:

— Подобные сказки хороши для испанцев: они будут держать их в страхе. Меня же это ничуть не касается.

И, подойдя к Нине, сказал ей поитальянски:

— Все это вздор, крошка, не так ли?

Затем Хаккабут ушел из караульни, пожимая плечами.

— Это животное говорит на всех языках,—сказал Бен-Зуф с досадой.

— Да, Бен-Зуф!—ответил Сервадак.—Но на всех языках он говорит только о деньгах.

XVI. ОГОНЬ НА ГОРИЗОНТЕ

На следующий день Сервадак отдал приказ привести «Ганзу» в гавань Шелифа. Хаккабут наружно отнесся равнодушно к перемещению шкуны, потому что это было в его интересах. Втайне он надеялся под-

купить двух-трех матросов и при помощи их достичь Алжира.

Тотчас же все принялись за работу по устройству зимнего помещения. Испанцы в работе не отставали от русских. По распоряжению Сервадака караульня обрелась в общежитие для испанцев. Русские временно оставались на «Добрыне», а Хаккабут на «Ганзе». Караульня или вообще каждая каменная постройка могли служить только временным помещением, до наступления зимы. Поэтому нужно было заблаговременно позаботиться о более надежном приюте на дни холодов. Таким приютом жителям острова Гурби могли служить ямы для хранения зернового хлеба. В них было тепло, хотя за недостатком топлива температура не могла подняться высоко. Но так или иначе там можно будет не замерзнуть в те дни, когда поверхность Галлии покроется толстым слоем льда. Конечно, Сервадаку и его товарищам придется влачить жалкое существование, худшее, чем существование пещерного человека, но что же делать? Другого выбора не было.

Кирки, молоты, заступы—все было пущено в ход. Но непредвиденный случай приостановил работы. Когда начали окапывать избранное место близ караульни, всех поразило, что на этом месте была совершенно рыхлая земля. Но едва работники дошли до глубины восьми футов, они встретили такую твердую почву, что инструменты не могли ее пробить. Бен-Зуф известил об этом Сервадака и Тимашева. Осмотрев, они узнали здесь ту же почву неизвестного состава, которая уже встречалась им на побережье Галлийского моря. Целые горы состояли из этой неведомой породы. Копать глубже было невозможно. Для того чтобы добиться чего-нибудь, следовало пустить в ход порох или динамит.

— Никогда не встречал подобного минерала!—пожал

плечами капитан Сервадак.—Может ли это быть частью земного шара?

— Да, это необъяснимо,—ответил командир «Добрыни».—Но если мы не выкопаем себе жилища в этой почве, нам не избежать смерти.

В самом деле, если отметки документа были верны, то Галлия, следуя законам движения планет, неизменно удалялась от солнца и должна была теперь находиться на расстоянии, почти в три раза превышающем то, которое отделяет от солнца землю в афелии.

Командир «Добрыни» был прав. Температура заметно понижалась, и холод увеличивался. Местами уже образовался лед между скал, что очень беспокоило Нину. Холода, могущие вскоре дойти до 60°, являлись злой насмешкой над работою поселенцев. Эта работа даст только краткую отсрочку неизбежной смерти.

Термометр пока указывал только 6° ниже нуля. Устроенная в караульне печь брала очень много дров, но доставляла галлийцам только посредственное тепло. Это тепло было совершенно недостаточным при дальнейшем понижении температуры. На «Добрыне» и «Ганзе», о чем уже поминалось, устроиться было невозможно. Суда эти едва ли могли уцелеть при давлении на них огромных ледяных глыб.

С каждым днем обстоятельства становились все более и более тяжелыми. Сокращение солнечного диска, вследствие удаления Галлии от солнца, было все заметней. Когда солнце стояло над головой галлийцев, его перпендикулярные лучи еще кое-как грели. Но ночью холода давали себя сильно чувствовать.

Сервадак и Тимашев, оседлав Зефира и Галлета, объехали весь остров, чтоб найти хоть какое-нибудь убежище, где можно было бы приютиться. Обе лошади перелетали все препятствия, как на крыльях. Но поиски

были напрасны. Всюду, где они пробовали рыть почву, под верхним слоем рыхлой земли лежал пласт тверже гранита. За неимением теплой ямы галлийцы решили жить в караульне и там защищаться от холода чем возможно. Было отдано распоряжение отправиться на равнину, срубить деревья и выкопать кустарники, хотя Сервадак и его товарищи сознавали, что топлива на зиму едва ли хватит. Но в конце концов природа сжалась над галлийцами и сама указала им на верную защиту от холодов.

10 марта Сервадак и лейтенант исследовали вершину острова к юго-западу. В пути они разбирали роковые случайности, которые им готовило будущее. Капитан Сервадак настаивал на необходимости искать на зиму нового убежища, лейтенант предлагал усовершенствовать отопление и оставаться на прежнем месте. Вдруг лейтенант остановился, как вкопанный, замолчал, не окончив убедительных доводов, и протер глаза.

— Нет, я не ошибся!—крикнул он, внимательно поглядев вперед.—То, что я вижу вдали, действительно, огонь.

— Неужели огонь? Где?

— Впереди нас.

— Совершенно верно!

На юге, близ горизонта, появился огонь и становился тем ярче, чем больше темнело кругом.

— Не корабль ли это?—спросил Сервадак.

— Нет. Если допустить, что это корабль, то он охвачен пламенем. Никакой фонарь нельзя увидеть на таком расстоянии.

— Этот огонь остается без движения,—добавил Сервадак,—и сквозь вечерний туман как будто начинают пробиваться какие-то лучи.

Оба галлийца несколько минут глядели вперед с на-

пряженным вниманием. Вдруг Сервадак радостно крикнул:

— Послушайте, лейтенант, это вулкан! Это, несомненно, вулкан. Мы его уже видели, но действие огня усилилось после нашего возвращения на «Добрыне». Сама природа посылает нам и топливо и все удобства, неистощимый очаг, таящий в себе и свет и тепло. Идемте домой. А завтра утром мы вернемся на это побережье.

Слушая Сервадака, лейтенант вспомнил, что на возвратном пути «Добрыня», проезжая Галлийским морем, остановился перед огромным мысом, загородившим ему проход. Чтоб итти дальше, «Добрыня» должен был обогнуть высокую скалистую гору, вершина которой дымилась. После клубов дыма появилось пламя, и вулкан выбрасывал раскаленные камни, которые освещали горизонт.

— Вы правы, Сервадак,—сказал лейтенант.—Это вулкан, и завтра мы его исследуем.

Возвратившись в хижину, они прежде всего поделились своим открытием с командиром «Добрыни». Он охотно согласился сопровождать их на утро.

— Думаю,—сказал лейтенант,—что не стоит трогать «Добрыню». Большая паровая лодка «Добрыни» отлично довезет нас. Тем более, что погода прекрасная и ехать нам придется только около пятидесяти километров.

На утро пятьдесят километров, отделявшие остров от горы, на которой дымился вулкан, были пройдены менее чем в три часа. Вершина высокого мыса казалась залитой огнем. Извержение вулкана становилось заметным. После долгих поисков наши исследователи нашли небольшую бухту. Лодку причалили к берегу. Приближаясь к вулкану, все, к большой радости, убе-

дились, что температура заметно повышалась. Веяло теплом. Если бы им удалось найти достаточно большое углубление или пещеру, галлийцы, несомненно, избежали бы смерти от холода. Немудрено, что Сервадак влезал на самые крутые склоны горы и, борясь с широким слоем камней, перепрыгивал с ловкостью серны с одной скалы на другую. Все они обладали исключительной легкостью. Но было странно, что их ноги все время ступали на то загадочное вещество, состав которого так и остался им неизвестным.

Их розыски были удачными. За большим скатом утесов открылось что-то вроде узкой галлерей с боковой стороны горы. Они скоро достигли отверстия, которое находилось приблизительно в двадцати метрах от уровня моря. Сервадак и его товарищи медленно двинулись вперед, среди непроницаемой тьмы, нащупывая стены мрачного туннеля, принаравливаясь к понижению уровня земли. По возрастающей силе громовых раскатов они поняли, что центральный очаг вулкана очень близок. Но капитан Сервадак не думал об остановке.

— Идемте!—говорил он.—Исключительные препятствия не должны останавливать нас. Чувствуется жар—значит очаг вулкана недалек. Сама природа доставляет нам топливо. Клянусь честью, в худшем случае мы только согреемся.

Температура поднялась до 15° выше нуля. Прикоснувшись к стене извилистого коридора, разведчики почувствовали, как горячи стены. Казалось, что вещество, образовавшее скалистую гору, проводило тепло, как металл. Наконец яркий свет озарил узкий проход, и перед ними открылась просторная пещера, которая ослепила зрителей. Температура в ней была сильно повышена, но все же терпима. Казалось, целый Ниагар-

ский водопад летел с подземных скал, но, вместо прозрачной, белоснежной завесы, здесь кипел пламенный поток, извивавшийся под сводами пещеры.

— О, случай, посылающий нам помощь!—воскликнул Сервадак.—Ты даешь больше, чем я просил.

XVII. ВЕЧЕРИНКА

Действительно, пещера оказалась великолепным жилищем, чудесно нагретым и освещенным; в нем могло поместиться все население Галлии. Обе лошади и значительное число домашних животных тоже могли укрыться в пещере до конца зимы, если только этой зиме наступит конец. Когда огромную пещеру исследовали, оказалось, что из нее шло до двадцати коридоров, разветвлявшихся по всем направлениям. Повсюду среди них температура была заметно повышенной, благодаря непрерывной деятельности вулкана. А по справедливому замечанию командира «Добрыни», вулкан был единственным на Галлии, и работа его могла длиться веками. Не следовало терять ни дня ни часа. Нужно было вернуться на остров Гурби, поспешно отправить людей и животных в их новое жилище, сложить в надежное место зерновые хлеба и прочие припасы и окончательно поселиться на «Огненной земле»,—так метко галлийцы окрестили этот участок земли у мыса.

Втечение трех следующих дней «Добрыня» сделал три путешествия. Нагруженный доверху, он перевез сначала запасы зернового хлеба, которые сложили в глубоких ямах, заменявших амбары. 15 марта было отведено место для быков, коров, телят и свиней. Других животных, которые были не в состоянии пережить мороз, зарезали; их мясо могло хорошо сохраниться в суровом холоде надвигавшейся зимы. Таким образом у галлий-

еще был сделан большой запас, обеспечивавший их будущим.

Что касается питья, то и на этот счет можно было не беспокоиться: пресная вода близ вулкана не иссякала ни зимой ни летом.

Сбор и размещение вещей в пещере были закончены довольно быстро. Новые исследования привели к открытию новых коридоров. Гора походила на просторный улей, прорезанный сотами. Это подземное помещение на «Огненной земле» было названо в честь итальянской девочки «Нина-Руж»¹⁾. Бен-Зуф был от него в восторге.

— Не плохо было бы, если б в каждом доме, вместо камина, находился маленький вулкан, не стоящий даже сентима!—говорил он.

Большая пещера должна была служить залой; в ней разместили лучшую мебель хижины и «Добрыни». Паруса шкуны были отвязаны от рей и отнесены в «Нина-Руж», где послужили для разных целей. Морская библиотека была перенесена в большую залу. Стол, стулья дополнили меблировку, а стены украсились географическими картами. Поток лавы, колыхавшийся подобно занавесе, закрывал главный вход в пещеру, и это одновременно и согревало и освещало ее. Изливался он в небольшой бассейн, который, казалось, не имел никакого сообщения с морем. Было ясно, что при таких условиях воды этой пещеры не могли замерзнуть, как бы ни был велик мороз на новой планете.

Вторая пещера, расположенная в глубине, налево от общей залы, была кабинетом Сервадака и командира «Добрыни». Лейтенант и Бен-Зуф устроились вместе в небольшом углублении, выдолбленном в скале. В дру-

¹⁾ Rouge, франц.—красный, алый.

гом углублении устроили комнатку для маленькой Нины. Койки испанцев и русских матросов были расставлены в коридорах. Маленькая колония «Нина-Руж» могла без боязни ждать суровой зимы.

Во время лихорадочной деятельности по устройству жилища совсем забыли о Хаккабуте, оставшемся на острове Гурби. Всегда подозрительный, недоверчивый, он жил на борту своей тартаны, охраняя товары, как скупой охраняет сокровища, ворча, охая, вздыхая, поглядывая на горизонт в ожидании прихода какого-нибудь корабля. Колония ничуть не сожалела об отсутствии Хаккабута; его характер внушал всем отвращение. Хаккабут решительно заявил, что не откажется от торговли, пока ему не уплатят всех денег за товары. Сервадак отдал приказание, чтоб у него никто ничего не покупал.

Хаккабут полагался только на земной сферический период и на то, что катастрофа разрушила часть его. Он рассчитывал, что рано или поздно покинет остров и возобновит свою торговлю на побережье Средиземного моря. Не веря ничему, он думал, что его хотят разорить, лишив товаров. Не желая быть одураченным, он укрылся на «Ганзе». Но увидав «Добрыню», перевозившего хлеб и домашних животных, он убедился, что Сервадак и его товарищи готовились покинуть остров Гурби. Это пугало его. Все, чему он не хотел верить, оказывалось правдой. В такие минуты он бросал тартану и бродил среди испанцев и русских, но они изводили его насмешками. Он пробовал подкупить Бен-Зуфа, угощая его табаком, но Бен-Зуф отказывался.

— Издан указ—ничего не брать у тебя!—говорил Бен-Зуф.—Не надо мне даже щепотки. Сам ешь свои запасы, сам пей свое вино и кури свой табак.

В конце концов Хаккабут решился спросить Серва-

дака, правда ли, что он запретил покупать у него товары.

— Правда,—ответил Сервадак.—Но у вас еще есть время, чтоб укрыться в «Нина-Руж». Хотите, мы дадим вам людей, чтоб ввести «Ганзу» в новое помещение.

— Я хотел бы отправиться в Алжир.

— Я вам говорил уже, что Алжира не существует. В последний раз спрашиваю: хотите ехать за нами в вашей тартане к «Огненной земле», где мы будем зимовать?

— Увы! Все это клонится к тому, чтоб завладеть моим имуществом.

— Так вы не хотите? В таком случае мы отведем «Ганзу» в надежное место и без вас. Я не допущу, чтоб из-за вашего дикого упрямства драгоценный товар погиб, не доставшись никому.

— Но ведь это будет для меня разореньем?

— Вы сами добровольно устраиваете себе разоренье, и плохо будет, если мы оставим вас на произвол судьбы,—пожал Сервадак плечами.

Хаккабут уныло вернулся к тартане, проклиная алчность «грабительской расы», с которой его столкнула судьба.

К 20 марта дела на Гурби были закончены. Термометр опустился до 8° ниже нуля. Было решено, что утром все переселятся в «Нина-Руж». Порешили туда же захватить и тартану, несмотря на протесты Хаккабута. Лейтенант объявил, что если «Ганза» останется в гавани Шелифа, она неминуемо разрушится от сжимания льда. В бухте «Огненной земли», лучше содовой, она скорее уцелеет, и даже при ее гибели все же будет спасен товар. Вот почему, едва «Добрыня» снялся с якоря, «Ганза» пошла за ним, несмотря на крики и злые причитания Хаккабута. Когда через три часа

«Ганза» очутилась в новой бухте, Хаккабут, увидя себя и свою тартану в безопасности, в душе был очень доволен. Тем более, что он не собирался платить за свой перевоз. Об этом можно было догадаться из его шопота:

— Дураки! Идиоты! Они привели меня сюда против воли, и, конечно, я не обязан платить.

Остров Гурби был окончательно покинут людьми. С этого дня Сервадак и его товарищи торжественно вступили во владение их новым жилищем. Вечером привинтили крюк для подвешивания котла и положили в котел всяких приправ, которые аппетитно кипели на вулканическом огне.

За ужином несколько тостов было провозглашено за «генерал-губернатора» и за командира «Добрыни», в погребке которого хранились лучшие вина Франции. Бен-Зуф во всем принимал самое горячее участие. Было оживленно и весело. Испанцы отличались живостью и заразительным весельем. Одни из них взяли за гитару, другие за кастаньеты. Составился хор.

Русские матросы исполняли народный танец, очень понравившийся всем, даже после удивительного испанского фанданго. В 9 часов вечера закончилась вечеринка, несомненно, первая на Галлии. Благодаря танцам, в зале сделалось жарко, и чувствовалась потребность в чистом, свежем воздухе. Бен-Зуф, со своими друзьями, пошел к выходу главного коридора; Сервадак, Тимашев и лейтенант шли за ним.

Вдруг раздались крики. Отставшие ускорили шаги. Но это были не крики ужаса, а радости, и восклицания «браво» звучали точно ружейные выстрелы в сухой атмосфере.

Когда показался Сервадак, Бен-Зуф в страшном экстазе торжественно указал рукой на небо.

— Ах, господин губернатор!—воскликнул он.

— Что такое? Говори толком.

— Луна!—ответил Бен-Зуф.

Действительно, луна, выглянув из-за тумана и мрака ночи, в первый раз появилась на горизонте Галлии.

ХVIII. ИНТЕРЕСНЫЙ ФИЗИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Луна! Но если это луна, почему она так быстро скрылась? И где она была во время движения Галлии близ солнца? Не покинула ли луна землю, присоединившись к Галлии в качестве ее спутника?

— Нет, это невозможно!—сказал лейтенант.—Земля в миллионах километров от нас, и луна, конечно, не ходит при ней.

— Почему же?—спросил Сервадак.—Может быть, луна также оторвалась от земли и сделалась спутником Галлии.

— Нет. Масса Галлии и сила ее притяжения не настолько велики, чтоб увлечь луну.

— Но ведь возможно, милейший лейтенант, что тот же удар, который оторвал нас от земного шара, увлек и луну и, поблуждав в мировом пространстве, она теперь вздумала присоединиться к нам.

— Нет, и еще раз нет. Об этом не может быть речи. Масса Галлии так незначительна, что скорее Галлия сделалась бы спутником луны, чем луна спутником Галлии.

— Не спорю, лейтенант. Но кто докажет нам, что Галлия не луна луны, и что мы не следуем за ней в межпланетном пространстве?

Во время этого спора таинственный спутник Галлии появился опять. Были принесены подозрительные трубы, и вскоре все убедились, что это не луна. Диск этот

спутника составлял только десятую часть диска луны. Это была уменьшенная луна, которая довольно слабо отражала свет солнца. Самое же главное, на ней не видно было ни выемок, ни кратеров, ни гор, ни одной детали, которые так характерны для лунной поверхности. Вероятно, это был какой-нибудь астероид, захваченный Галлией при ее движении через пояс телескопических, то есть видимых только в телескоп планет. Среди этих астероидов есть такие миниатюрные, что хороший ходок, идя по экватору, обойдет их в 24 часа.

Первая ночь, проведенная в «Нина-Руж», прошла без всяких приключений. А с утра, по распоряжению Сервадака, всем пришлось приняться за работу. Забота о домашних животных, соображения насчет обеда, стряпня, рыболовство, так как море еще не замерзло, расчистка коридоров,—все это не позволяло бездействовать.

Маленькая колония жила в полном согласии. Русские и испанцы подружились и выучились немного говорить пофранцузски. Французский язык был господствующим на Галлии. Пабло и Нина сделали учениками Сервадака. Что же касается того, чтобы их позабавить и развеселить, это было делом Бен-Зуфа.

Больших холодов еще не было. Сервадак с товарищами предпринимал прогулки вдоль побережья и делал кое-какие наблюдения. Был исследован небольшой участок нового материка, километрах в шести от «Огненной земли». Он представлял скалистую пустыню без следа растительности. Пройдет много веков, прежде чем в этой каменистой почве появятся реки, пробьют ее напором воды и понесут эту воду в море. Что же касается до «Огненной земли», то нельзя было решить, материк это или остров. Исследования состава ее почвы тоже не привели ни к чему.

Сервадак и командир «Добрыни» хорошо ознакоми-

лись с местностью, окружавшей вулкан. Вулканическая гора выступала вперед на крайней точке мыса «Огненной земли» и высотой была около тысячи метров. Это была огромная скала, походившая на усеченный конус. На верхней площадке конуса расширялся кратер, из которого вылетали вулканические вещества и целый столб огня и дыма. До этого вулкана при прежних условиях было бы нелегко добраться. Его отвесные, крутые покатости были бы почти непреодолимы даже для жителей гор. Но, благодаря значительному уменьшению в весе и соответственно возросшей мускульной силе, галлийцы почти не устали, дойдя до краев кратера. С вершины горы при помощи подзорной трубы наблюдатели увидали, что внешний вид астероида остался прежним. К северу простиралось Галлийское море. Маленькая точка, вырисовывавшаяся в тумане, обозначала место острова Гурби. На востоке и западе развertyвалась долина, пустынная, как всегда. К югу, на границе горизонта, тысячи маленьких шестиугольных призм унизывали почву и делали ее недоступной для пешехода.

— Как мала Галлия в сравнении с земным сфероидом!—заметил командир «Добрыни».

— Без сомнения. Но Галлия более чем достаточна для ее жителей. К тому же, заметьте, что ее почва, пригодная для обработки, хотя и не обширна, но очень плодородна.

— Да, капитан. Но возможно, что плодородие короткого летнего периода ведет за собой неплодородие очень длинного периода зимы.

— Что же делать?—улыбнулся Сервадак.—С нами не совещались о том, желаем ли мы поселиться здесь, в Галии, а высадили, и самое лучшее—это сделаться философами.

Прежде чем спуститься, им захотелось исследовать кратер вулкана. Они заметили, что извержение происходит сравнительно спокойно; оно не сопровождается беспорядочными толчками и оглушительным громом, служащими обычно предвестниками землетрясения. Жидкие породы, приведенные в раскаленное состояние, поднимались в кратер медленно и спокойно. Не было никаких других вулканических веществ, кроме лавы, ни раскаленных камней, ни золы, смешанной с дымом. Эта особенность, которую заметил Сервадак, была хорошим предзнаменованием и позволяла думать, что продолжительность вулканического извержения бесконечна. Самые ужасные грозы и бури никогда не бывают продолжительными. Здесь же поток огня падал так равномерно и спокойно, что источник его казался неиссякаемым.

В этот день произошло изменение в физических условиях жизни на Галлии. Но это устроили сами переселенцы. Они разместились на скале, возвышавшейся над морем на границе мыса. Несмотря на понижение температуры, море еще было свободно от льда. Перед замерзанием оно становится абсолютно неподвижным; и одно дуновение ветра не колеблет его поверхность. При этих условиях вода, не замерзая, может вынести холод в несколько градусов ниже нуля. Но малейшее потрясение приводит к внезапному замерзанию огромной массы воды.

Маленькая Нина и ее друг Пабло сторожили интересный момент начала замерзания.

— Крошка,—сказал Сервадак,—сможешь ли ты ловко сосать кусочек льда в море?

— Конечно,—ответила девочка.—Но Пабло умеет брать лучше и дальше меня.

— Попробуй сначала сама,—возразил Сервадак, по-

ложив осколок льда в руку Нины. При этом он добавил:—Посмотри, Пабло, какой волшебницей окажется наша Нина.

Девочка, слегка размахнувшись, бросила кусочек льда в спокойную воду. Тотчас же донесся свистящий звук с поверхности воды, и на глазах у всех началось замерзание Галлийского моря.

ХІХ. СОБЫТИЕ, ВЗВОЛНОВАВШЕЕ ВСЮ КОЛОНИЮ ГАЛЛИИ

23 марта, через три часа после захода солнца, взошла луна, перешедшая в свою последнюю четверть. Итак, спутник Галлии переходил от одной фазы к другой в четыре дня, что указывало на период его видимости, равный приблизительно неделе. Новые лунные месяцы должны были длиться от 15 до 16 дней. Как солнечные дни, так и лунные месяцы сократились для Галлии наполовину. Через 3 дня спутник Галлии исчез в лучах солнца.

— Вернется ли луна?—сказал Бен-Зуф, интересовавшийся ее появлением, так как он первый увидал спутника Галлии.

26 марта погода была очень ясной, атмосфера сухой, а термометр указывал на 12° ниже нуля. На каком расстоянии от солнца находилась теперь Галлия? Каким путем обегает она по своей орбите с того дня, который указан в последнем, найденном в море, документе? Оставалось сожалеть, что галлийцы не имели дальнейших известий от таинственного ученого.

— Мне приходит в голову,—сказал Сервадак однажды,—что наш астроном продолжает отсылать свои записки в бочонках или футлярах, но они не доходят.

до нас. Теперь же, когда море замерзло, прощай все надежды получить от него хоть краткую записку.

В самом деле, поверхность Галлийского моря давно уже застыла. Застыла она, как замерзает озеро или бассейн клуба конькобежцев. Ни малейшей неровности, ни крошечного бугорка. Это был безукоризненно гладкий лед, простиравшийся до границы горизонта.

На «Добрыне» хранились коньки в большом количестве, и командир любезно предоставил их в распоряжение всех желающих. Охотников кататься на коньках нашлось много. Русские обучали испанцев. Нина и Пабло катались превосходно и вызывали ряд шумных аплодисментов. Этот здоровый спорт, в случае надобности, мог служить и средством для быстрого передвижения. Лейтенант, один из лучших конькобежцев Галлии, не раз совершал прогулки от «Огненной земли» до острова Гурби в два часа.

— Коньки на поверхности Галлии способны заменить железную дорогу,—сказал Сервадак.—Ведь коньки—это рельсы, движущиеся вместе с ногами путешественников.

Между тем температура все понижалась, и термометр уже показывал 16° ниже нуля. В то же время уменьшился свет, и казалось, что солнечный диск закрывался луной, как при частном затмении. Полутень скользила по всем предметам, и все это производило грустное впечатление. Не раз наши изгнанники, оторванные от земного шара, думали о своем безнадежном одиночестве. Кто мог сказать с уверенностью, что он снова увидит землю? Ничего невозможного не было и в том, что когда-нибудь Галлия покинет солнечную систему, чтоб удалиться в звездный мир и направиться к какому-нибудь новому солнцу.

Поистине в этом положении оставалось одно: следовать рецепту Бен-Зуфа и быть философами.

Удивительно было, что несмотря на суровость погоды, Хаккабут ни разу не появлялся среди колонии «Огненной земли». Но маленький дымок, поднимавшийся над трубой каюты, говорил, что хозяин тартаны постоянно находился на ее борту. Это, конечно, обошлось ему не дешево; пришлось сжечь все топливо шхуны, а его было не много. Хаккабут, впрочем, был согласен на все, лишь бы не покидать «Ганзы». Кто же в его отсутствие будет стеречь драгоценный товар?

В конце концов и тартана и шкуна были приспособлены к зимовке. Моряки поступили так, как поступают зимовщики северных морей. Они раскололи лед у носа шхун. Затвердевшая масса воды собралась под киль и уже не могла оказывать сильного давления с боков. Благодаря этому должны были уцелеть и «Ганза» и «Добрыня».

Галлийское море давно уже замерзло на всем своем протяжении. Но одно место водного бассейна было свободно от льда. За пещерой, в углублении скалы, была прозрачная чистая вода; ее предохраняла от замерзания огромная груда раскаленных камней. Льдины, готовые под влиянием холода образовать сплошную массу, таяли от прикосновения к ним. Вода чуть не кипела. Эта маленькая часть моря, всегда чистая и прозрачная, позволяла рыболовам ловить рыбу и среди зимы. Но, как выражался Бен-Зуф, «рыба там была слишком вываренная, чтоб ее приятно было грызть».

4 апреля, после восьмидневного отсутствия, луна появилась вновь. Опасения относительно исчезновения луны, к удовольствию Бен-Зуфа, не оправдались, и спутник Галлии стал правильно обходить вокруг планеты каждый лунный месяц.

Так как, кроме острова Гурби, не осталось больше возделанной земли, птицы, улетевшие искать лучшего, снова вернулись туда. Но с появлением сильных холодов земля покрылась снегом, и снег, образовав вскоре плотный лед, мешал птицам пробить его клювом и пробраться в почву за семенами. Поэтому инстинктивно птицы бросились к «Огненной земле». Она была обитаема. Птицы не только не избегали людей, но прямо искали человека. Каждый день для них выбрасывались в коридор из пещеры остатки пищи. Все это моментально исчезало. Несколько сотен птиц, страдая от холода, решились проникнуть в узкий проход «Нины-Руж» и свили там гнезда. Эти птицы считали себя хозяевами коридоров и никого другого в пещеру не пускали. Всех случайно залетевших в коридор птиц они быстро изгоняли или безжалостно убивали. Коридоры, по их мнению, принадлежали только им.

15 апреля внезапно раздались неистовые крики Нины при входе в главный коридор. Бен-Зуф и Пабло кинулись ей на помощь.

— Что случилось, Нина?—спросил мальчик.

— Постой, Пабло!—отвечала та, прижимая птицу к своей груди.

— Да это же голубь!—воскликнул Бен-Зуф.—Почтовый голубь. Да будут с нами все лучшие люди Мон-мартра! Смотрите-ка: к горлу птицы привязан мешочек. Через несколько минут голубь был в руках Сервадака.

— Пришли известия от нашего ученого!—сказал он товарищам.—По замерзшему морю нельзя доставлять записок, и он пустил в ход птиц. Ах, если бы хоть на этот раз узнать его имя и, главное, его адрес!

Маленький мешочек был изорван в клочья во время борьбы голубя с птицами у входа в коридор. Мешочек

был открыт; в нем лежала коротко составленная записка:

«Галлия. Пройденный путь с 1 марта по 1 апреля: 158 800 000 километров. Расстояние от солнца: 440 000 000 километров. Захвачена Нерина. Провиант убывает, испытываю большой недостаток...»

— Конец оторван. Вот проклятая неудача!—воскликнул Сервадак.—Там были подпись и число и, по всей вероятности, адрес. На этот раз все написано на французском языке. Наш ученый, несомненно, француз. И я не знаю, как помочь несчастному обездоленному ученому!

— Ах, друг мой, Бен-Зуф!—воскликнула внезапно Нина.—Взгляни-ка сюда.

И говоря это, она показала Бен-Зуфу на голубя, которого бережно держала обеими руками.

На левом крыле птицы обозначалась довольно ясно печать отсыревшего штемпеля, и на нем виднелось единственное слово, сообщавшее то, что требовалось узнать: «Форментера».

XX. ФОРМЕНТЕРА

— Форментера!—одновременно воскликнули Тимашев и Сервадак.

Форментера было название маленького островка из группы Балеарских островов, расположенных на Средиземном море. Голубь указывал точный пункт, где находился автор документов. За две недели до 15 апреля ученый был еще на своем посту. Но между этой депешей и прежними документами замечалась значительная разница. Не было больше торжествующих восклицаний. Кроме того, депеша, написанная только

на французском языке, отмечала, что дольше оставаться на Форментере было невозможно.

— Друзья, мы немедленно должны спешить на помощь этому несчастному,—сказал Сервадак.

— Да, конечно. Может быть, там не он один, а несколько лиц нуждаются в помощи,—ответил командир «Добрыни».—Капитан, я готов с вами ехать.

— Лейтенант, скажите, сколько от «Огненной земли» до Форментеры?—спросил Сервадак.

— Около пятисот километров. Спрошу, в свою очередь, как вы рассчитываете совершить этот путь?

— Конечно, пешком,—ответил Сервадак.—Ведь море замерзло. Мы отправимся на коньках.

— Да, да, на коньках,—подтвердил командир «Добрыни».—Другого способа нет.

— Я ничуть не хочу мешать выполнению нашего долга,—сказал лейтенант;—напротив, я настаиваю на том же, но желаю, чтоб путешествие было выполнено при возможно благоприятных условиях. На коньках ехать на Форментеру нельзя. Стоит нешуточный холод, термометр показывает 22° ниже нуля. На коньках вы не достигнете Форментеры раньше 5—6 дней. Где вы будете ночевать? На льду? Разве это возможно! А провиант? Ведь он нужен не только вам, но и несчастным на Форментере.

— Провиант в ранец, а ранец за спину. Как солдаты!—быстро ответил Сервадак, не желавший замечать трудностей путешествия.

— Допустим. Возможно, что вы лично доберетесь до Форментеры. Но как вы поступите с теми, которых найдете на островке изнемогающими от холода и голода? Живыми вы, конечно, не сможете привезти их сюда на коньках.

— Ах, если бы у нас были сани!—воскликнул Бен-Зуф.

— Сани легко сделать. Но где достать собак для упряжки?

— Разве у нас нет двух лошадей, которых мы можем подковать?

— Они не вынесут ужасного холода и падут дорогой.

— Ни в коем случае не падут!—горячо сказал Сервадак.—Нечего колебаться. Дело только за санями.

— Они уже готовы,—объявил лейтенант после короткого раздумья.

— Великолепно! Велите же скорее заложить в них лошадей.

— Нет, капитан. У нас есть двигатель, более надежный, чем ваши лошади. Это парус.

В самом деле, парус! Американцы превосходно умеют управлять своими парусными санями. При помощи паруса можно развить скорость до 60 километров в час и в один день домчаться до Форментеры. Роль саней на Галлии играла небольшая шлюпка «Добрыни», длиною в 12 футов. Она могла вместить 5 или 6 человек. К ней приделали 2 железных фальш-киля, которые поддерживали бока шлюпки, наподобие двух больших полозьев. При их помощи она могла легко и свободно скользить. На шлюпке устроили из грубого холста, сложенного вдвое, навес вроде крыши. Сиденья устлали мехом разных сортов. Взяли меха на запас и для жителей Форментеры. Не забыли о лекарствах, спирте, вине, съестных припасах и одеялах.

Для того чтоб управлять снастями и парусом и следить за направлением саней, нужна была опытная рука моряка. Ввиду этого ехал с Сервадаком лейтенант, а командир «Добрыни» остался на «Огненной земле» исправляющим должность «генерал-губернатора».

16 апреля, при восходе солнца, капитан и лейтенант приготовились к отъезду. Провожала их вся колония. Бен-Зуф имел мрачный вид. Русские матросы и испанцы горячо жали руки отъезжающим. С командиром «Добрыни» они обнялись. Затем поставили парус, и маленькая шлюпка, подхваченная ветром, через несколько минут скрылась за горизонтом. Посредством компаса путники могли определить направление саней по прямой линии к Форментере.

Сани целый день безостановочно мчались вперед; затем день сменился ночью; ночь была совершенно темной, потому что новолуние было только накануне; но зато созвездия отличались дивным блеском, ярко выделяясь на небе. Лейтенант руководствовался новой полярной звездой, сверкавшей почти на самом горизонте.

Лейтенант думал о таинственных документах. Скорость Галлии по ее орбите должна была значительно уменьшиться. В то же время ее расстояние от солнца возросло до 440 000 000 километров. Галлия находилась почти в поясе телескопических планет, вращающихся между орбитами Марса и Юпитера. Это объясняло появление спутника, названного в документе Нериной.

По временам лейтенант делился своими соображениями с Сервадаком. В разговорах и вычислениях они не заметили, как ночь внезапно сменилась днем. Вычислив сделанный путь, они увидели, что прошли свыше четырехсот километров. Скорость хода шлюпки приходилось уменьшить. Паруса были собраны. Равнина была совершенно пустынна. Ни один выступ не нарушал ее величественного однообразия. Шлюпка направлялась к северо-восточному мысу.

Вдруг Сервадак на линии горизонта увидел точку,

бывшую, повидимому, вершиной какого-то островка. Взгляд капитана загорелся.

— Вот Форментера!—крикнул Сервадак.

Он указал лейтенанту на что-то вроде сруба, выступавшего на горизонте. Лейтенант посмотрел в подзорную трубу.

— Да!—ответил он.—Форментера там, несомненно.

Минут через 10, в расстоянии километра от острова, лейтенант задержал ход шлюпки, которая могла бы разбиться о скалы. На вершине сруба ветер трепал лохмотья голубой ткани. Это все, что осталось от флага Франции. У подошвы холма ютилась убогая хижина, ставни которой были плотно закрыты. Чтоб вскарабкаться на скалы и достичь хижины, капитан и лейтенант не потратили много времени,—они с быстротой молнии очутились на вершине. Сервадак кулаком постучал в дверь, запертую изнутри засовом. Затем крикнул. Ответа не было.

— Ко мне, лейтенант!—сказал он.

Напирая плечом изо всех сил, они вышибли дверь, наполовину источенную червями. В единственной комнате было темно и безмолвно. Где же находился последний обитатель этой комнаты? Он покинул ее или был еще здесь, но уже мертвый? Выбив ставни, путники впустили дневной свет. В застывшем камине не было ничего,—ни золы, ни погасшего огня. Но в углу на постели лежало человеческое тело. Капитан Сервадак приблизился и крикнул печально:

— Он мертв! Он умер от холода и голода.

Лейтенант склонился к телу несчастного.

— Он еще жив!—воскликнул лейтенант.

Открыв флягу с вином, он впустил несколько капель вина сквозь сжатые губы умирающего. Послышался

легкий вздох и несколько слов, произнесенных слабым голосом:

— Галлия.

— Да, да, Галлия!—ответил ему капитан Сервадак.

— Это мое светило, моя комета!

Произнеся это, умирающий впал в беспамятство. Сервадак пожал плечами.

— Но я знаю этого ученого! Где я его встречал?

Спасти его от смерти среди холода хижины было невозможно. Сервадак и лейтенант поступили быстро и решительно. Осторожно приподняв и взяв умирающего на руки, они перенесли его в шлюпку. Туда же были отправлены его физические и астрономические инструменты, одежда, бумаги, книги и старая дверь, заменявшая ему черную доску для вычислений.

Ветер, к счастью, изменился и был благоприятным. Воспользовавшись этим, они не медля отправились в обратный путь. 16 апреля, через 36 часов после начала путешествия, ученый был внесен в большую пещеру «Нины-Руж». Члены маленькой колонии радостно встретили капитана и лейтенанта громким «ура».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. 36-й ОБИТАТЕЛЬ ГАЛЛИЙСКОГО СФЕРОИДА

Итак, на Галлии появился 36-й обитатель. Единственные, малопонятные слова его были: «Это мое светило, моя комета!» Что означали они? Несомненно, умирающий был автором документов о полете Галлии. Только он мог бросить в море футляр и бочонок и возвратить свободу голубю, чтобы тот, повинаясь инстинкту, разыскал населенную землю новой планеты.

Этому ученому, конечно, известны элементы Галлии. Он мог измерить увеличивающееся расстояние между нею и солнцем, определить уменьшение скорости и т. п. Но изучил ли он характер движения Галлии, чтобы сказать, какую кривую представляет орбита астероида? Известно ли ему, наконец, когда можно ожидать второго приближения Галлии к земле? Только он мог ответить на это, и он находился на краю могилы. С его смертью исчезала надежда получить сведения о будущем Галлии. Необходимо было во что бы то ни стало его спасти.

Бен-Зуф и Негретто должны были применять растирания. Задачу они выполнили добросовестно: растирание производилось с такой силой, что едва ли бы было безвредно и для здорового. Подкрепляющий напиток в состоянии был воскресить даже мертвеца.

Все это время Сервадак напрасно старался вспомнить, где он встречался раньше с астрономом Галли. На самом деле лежавший в пещере «Нина-Руж» ученый был профессором физики Гектора Сервадака в лицее Карла Великого. Звали его Пальмирэн Розетт. Это был настоящий ученый с глубокими знаниями во всех отраслях физики и математики. Покинув лицей для Сен-Сирского училища, Сервадак забыл Пальмирэна Розетта. Но когда-то своими шалостями он немало досаждал ему. То прибавит соли в дистиллированную воду, что вызывает самые неожиданные химические реакции; то просверлит едва заметное отверстие в пластинке пневматического колокола, и бедный ученый выбивается из сил, пытаясь выкачать постоянно прибывающий воздух. Все эти злые шалости приводили профессора в ярость, что еще более подливало масла в огонь.

Через два года по выходе Сервадака из лицея Пальмирэн Розетт бросил педагогическую деятельность, чтобы посвятить себя исключительно астрономии. Но его утрюмость и неуживчивость, вредившие ему в педагогическом мире, закрыли для него и дверь обсерватории. Имея небольшое состояние, он занялся астрономическими работами на собственный риск. Ученый мир был обязан ему открытием трех телескопических планет и вычислением элементов 325-й кометы.

Но вернемся в пещеру «Нина-Руж». После двадцатиминутного растиранья ученый разжал сжатые губы; слышался вздох, второй, третий. Затем Пальмирэн Розетт поднес правую руку к лбу. Там ничего не было, лицо его сморщилось, и он крикнул: «Очки! Где мои очки?» В этом приступе гнева сразу сказала вернувшаяся жизнь. Бен-Зуф нашел внушительные очки, и они были насажены на тонкий нос ученого. Капитан Сервадак наклонился над астрономом и внимательно взглянул

на него. На этот раз больной широко открыл глаза и, бросив на капитана сквозь очки грозный взгляд, крикнул хриплым от раздражения голосом:

— Ученик Сервадак, пятьсот строк к завтрашнему дню!

По этой фразе, хотя и произнесенной в бреду, капитан узнал своего старого учителя физики.

— Господин Пальмирэн Розетт!—воскликнул он.— Мой старый профессор!

— Остались одни кости от вашего профессора,—ответил Бен-Зуф.

— Вот удивительная встреча.

— Будьте покойны, капитан,—сказал Бен-Зуф,—он будет жив, ручаюсь за это. Такого сорта человечки сотканы из нервов. Мне случалось видеть еще более высохших субъектов, прибывших из очень отдаленных стран.

— Из каких стран, Бен-Зуф?

— Из Египта, в красиво размалеванной коробке.

— Какой ты дурень! Ведь это мумии.

— Так точно, капитан.

Профессор уснул; его перенесли в теплую постель; расспросы о комете отложили до его пробуждения. Сервадак охарактеризовал ученого своим товарищам таким, каким он был в действительности: человеком тяжелого нрава, отношения у которого со всеми были натянуты. По его мнению, это был неисправимый чудак, упрямый и вспыльчивый, но в сущности добрый.

В ожидании пробуждения ученого галлийцы занялись просмотром его двери и бумаг; та и другие состояли единственно из вычислений, и знакомство с ними не представляло особой нескромности. Характер цифр напоминал почерк лица, писавшего записки. На листках записок виднелись скрещенные гиперболы и целый ряд

других кривых. Лейтенант заметил, что все эти кривые относятся именно к кометным орбитам, которые бывают параболическими, гиперболическими и эллиптическими. В первых двух случаях кометы, следующие по этим орбитам, уже никогда не могли появиться в солнечном мире; в третьем случае кометы появляются в нем периодически через определенные промежутки времени. По всему было ясно, что астроном занялся изучением элементов комет. Но по какой кривой движется Галлия, из его заметок не было видно.

— Я положительно горю от нетерпения!—заявил Сервадак.

— Я бы не хотел лишать вас надежды, капитан,—ответил лейтенант,—но если у профессора есть сведения о комете Галлия, из этого не следует, что он может сообщить нам что-нибудь об увлекающей нас части земли. Еще вопрос, есть ли вообще отношение между появлением кометы на земном горизонте и осколком земного шара в пространстве.

— Конечно, есть. Ясно, как день, что земля столкнулась с кометой и что этому столкновению мы обязаны происхождением осколка земли, увлекающего нас.

Выслушав это предположение, лейтенант и командир «Добрыни» молча посмотрели друг на друга. Столкновение это было маловероятным, но возможно. Такого рода толчок мог послужить объяснением непонятого явления.

— Возможно,—сказал лейтенант,—что вы правы. Следствием удара могло быть отделение от земли значительного осколка. Если это верно, то диск, виденный нами ночью после катастрофы, не что иное, как комета, уклонившаяся от своего нормального пути.

— Непонятно одно,—покачал головой командир «Добрыни».—Почему астроном занимается более кометой, чем частью земли, унесшей его в пространство?

— Можно предположить, что вычисление элементов Галлии предшествовало столкновению. Профессор мог наблюдать комету до катастрофы.

Замечание лейтенанта было справедливо. Таким образом гипотеза капитана по существу была принята. Сводилась она к следующему: пересекая земную орбиту, комета столкнулась с землею в ночь на 1 января. От земного шара отделился осколок; осколок этот несется с тех пор в межпланетном пространстве. Галлийцы еще не пришли к окончательному выводу, но они были близки к нему. И только Пальмирэн Розетт мог пролить свет на эту загадку.

II. СООБЩАЕТСЯ ТО, О ЧЕМ ЧИТАТЕЛЬ, ВЕРОЯТНО, УЖЕ ДОГАДАЛСЯ

Так окончился день 19 апреля. Когда утром взошло солнце, астроном еще спал, а Бен-Зуф сторожил его сон; вдруг раздалось несколько ударов в дверь главного коридора «Нины-Руж».

— Однако!—изумился Бен-Зуф.—Что бы это могло быть?

Бен-Зуф направился к главному коридору.

— Кто там?—спросил он сурово.

— Я,—ответил сладкий голос.—Исаак Хаккабут.

— Что тебе надо? Не продавать ли свой товар?

— Вы отлично знаете, что мне не хотят платить за него. Я пришел поговорить с генерал-губернатором.

— Он еще спит.

— Я подожду, пока он проснется.

— Жди!—предложил Бен-Зуф, собираясь уходить, но Сервадак, разбуженный шумом, появился в коридоре.

— Что случилось, Бен-Зуф?—спросил он.

— Ничего или почти ничего. Английская собака, Хаккабут, желает говорить с вами.

— Впусти его. Надо узнать, что привело его к нам.

— Корысть, провал его возьми! Только корысть.

Бен-Зуф отпер дверь. Закутанный в старый плащ Хаккабут тотчас же вскочил в коридор.

— Что вам нужно?—спросил Сервадак Хаккабута.

— Ах, господин губернатор. На «Огненную землю» вчера прибыла новая личность. С своей утлой тартаной я видел, что вы уезжали куда-то далеко. Затем возвратились с большой осторожностью.

— Ну, так что же?

— Правда ли, господин губернатор, что вы приютили незнакомца? Если да, мне бы очень хотелось поговорить с ним. Может быть, он прибыл...

— Откуда?

— С северного побережья Средиземного моря и, быть может, привез с собой...

— Что привез?

— Вести из Европы,—сказал Хаккабут, пожирая Сервадака жадным взглядом.

Упрямец оставался все тем же после своего пребывания на Галлии в течение трех с половиной месяцев. Он мечтал о том, что «Ганза» будет плавать вдоль европейских берегов, не имея возможности заниматься торговлей на африканском побережье, и эта перемена может послужить даже к лучшему. Вот почему Хаккабут так поспешно отправился за европейскими новостями в «Нина-Руж». Сервадак не стал разубеждать Хаккабута. При его упрямстве это было бесполезно. Он только молча пожал плечами.

— Стало быть, я не ошибся?—продолжал торгаш с горящим взглядом.—Незнакомец прибыл?

— Да,—ответил Бен-Зуф.

— А нельзя ли узнать, господин Бен-Зуф, из каких стран Европы прибыл путешественник?

— С Балеарских островов.

— Славное местечко для торговли! Выгодно я поторговал там в свое время. «Ганза» была хорошо известна в этом архипелаге. Но так как эти острова находятся близко от испанского берега, то нельзя допустить, чтобы этот достойный путешественник не имел вестей из Европы.

— Ну, еще бы! Он сообщит очень радостные для тебя вести.

— Правда, господин Бен-Зуф? Вы знаете, я человек бедный, но я не пожалел бы десятка реалов за возможность поговорить с ним.

— Вон оно что!—усмехнулся Бен-Зуф.—К несчастью, наш путешественник очень утомлен и спит.

— А если б его разбудить?

— Хаккабут,—строго сказал Сервадак,—если вы осмелитесь разбудить его для чего бы то ни было, я велю вытолкать вас за дверь.

— Господин губернатор,—смирненно возразил Хаккабут,—мне хотелось бы знать...

— Вы все узнаете!—ответил Сервадак.—Мне самому хочется, чтобы вы были здесь, когда наш новый товарищ будет делиться с нами новостями о Европе.

— И мне тоже, Хаккабут!—вмешался Бен-Зуф,—мне любопытно было бы видеть твою сияющую физиономию.

Хаккабуту не пришлось долго ждать. Послышался нетерпеливый голос астронома. На этот зов все бросилось к постели профессора. Проснувшись наполовину, он звал какого-то Иосифа. Иосиф был, вероятно, слугой Пальмирэна Розетта, но не мог явиться по той простой причине, что проживал на прежней земле. Постепенно пробуждаясь, профессор продолжал призывать:

— Иосиф, дьявол ты этакий, где моя дверь?

— Вот и я!—сказал, наконец, Бен-Зуф.—Дверь же ваша в полной сохранности.

— Отлично! А теперь, чтоб сию минуту был подан кофе.

— Подать кофе!—грозно крикнул Бен-Зуф и бросился со всех ног в кухню.

— Дорогой профессор, узнаете ли вы вашего ученика?—спросил Сервадак, помогая ученому подняться.

— Да, Сервадак, да!—ответил Розетт.—Надеюсь, вы исправились за эти 14 лет?

— Совершенно исправился!—ответил, смеясь, Сервадак.

— Это хорошо. Но где мой кофе? Без кофе ни одной ясной мысли, а сегодня необходима свежая голова.

В этот момент явился Бен-Зуф с громадной чашкой черного кофе. Опорожнив чашку, ученый прошел в общую залу и сел в лучшее из кресел «Добрыни». С хмурым видом, но довольным тоном, напоминавшим его восклицания, в роде «ол райт», он спросил:

— Ну, господа, что вы скажете о Галлии?

Прежде чем Сервадак успел ответить, Хаккабут вмешался в разговор. При виде его профессор нахмурился, но это не испугало Хаккабута.

— Господин!—умолял он,—заклинаю всем, что для вас дорого, сообщите нам вести из Европы.

— Вести из Европы?—подпрыгнул ученый на кресле.—Он хочет вестей из Европы! Зачем вам?

— Чтоб возвратиться туда.

— Туда возвратиться? Которое сегодня число? Кажется, 20 апреля? Да, да, 20 апреля. Неужели у вас ничего не знают?

Сервадак в нескольких словах объяснил профессору, что галлийцы знали о положении дел. Рассказал о том

что произошло в ночь на 1 января и о путешествии «Добрыни».

— Так!—усмехнулся астроном по окончании рассказа.—Ну-с, господа, как вы полагаете, где же теперь мы находимся?

— На новом астероиде, отколовшемся от земного шара.

— Но почему же, в силу чего это могло произойти?

— В силу удара кометы, которую вы называете Галлией, дорогой профессор!

— Ну, так нет же, господа,—покачал головой Пальмирэн Розетт.—Это будет нечто более солидное.

— Более солидное?—с живостью повторил лейтенант.

— Да, нечто более солидное и любопытное. Совершенно верно, что неизвестная комета столкнулась с землей в ночь на 1 января в 2 часа 47 минут 35,6 секунды, но она только слегка задела земной шар, увлекши за собой некоторые части земли, которые вы и нашли во время ваших разведок.

— В таком случае мы находимся...

— На комете, которую я назвал Галлией,—закончил Пальмирэн Розетт с торжеством.—Господа, вы находитесь на моей комете!

III. СВЕДЕНИЯ О КОМЕТАХ СОЛНЕЧНОГО МИРА

По определению Пальмирэна Розетта, кометой называется светило, состоящее из центральной части—ядра и из туманной оболочки, заканчивающейся светящимся хвостом. Большинство комет невидимо простым глазом. К кометам галлийский астроном питал необычайную страсть. Особенно удручало его на острове Форментера то, что у него не было слушателей. Поэтому теперь он немедленно начал свою лекцию о кометах по такой

программе: 1) число комет в мировом пространстве; 2) кометы, возвращающиеся через определенный срок (периодические), и непериодические; 3) кометы, способные вызвать катастрофу, и безвредные; 4) последствия столкновения с кометой. Лекция была прослушана с интересом.

По первому вопросу астроном сообщил следующее: Кеплер утверждал, что кометы так же бесчисленны, как рыбы в воде. Араго составил список из 17 миллионов комет в пределах солнечного мира. Ламберт насчитывал до пятисот миллионов комет. Точно определить число комет, разумеется, невозможно. По сравнению Кеплера, если бы рыбак с поверхности солнца закидывал свою удочку в мировое пространство, он каждый раз зацепил бы и вытянул не меньше одной кометы.

На вопрос о периодических и непериодических кометах профессор ответил, что астрономы насчитывали около 600 комет, тщательно изученных в различные эпохи. Но из этого числа точно известны периоды только сорока комет. Между периодическими кометами насчитывается десять отличающихся короткими периодами и обращение которых вокруг солнца совершается с замечательной правильностью. Это—кометы Галлея, Энке, Гамбарта, Файе, Брерзена, д'Арреста, Тутла, Винеке, Вико и Темпеля. На них стоит остановиться подробнее.

Комета Галлея была известна еще в древности; утверждают, что она появилась в 134 и 52 гг. до нашего летосчисления; затем в годы: 400, 855, 930, 1006, 1230, 1759 и 1835. Движение ее совершается с востока на запад, то есть в направлении, противоположном движению планет вокруг солнца. Возвращается комета приблизительно через 76 лет. Комета Энке обращается вокруг солнца значительно быстрее, в среднем в 1205 дней.

Комета Энке была открыта 26 ноября 1818 года; после исследования ее элементов в ней признали комету 1805 года. Затем, как предвидели астрономы, она появлялась в 1822, 1825, 1829, 1832 и т. д. годах. Ее орбита простирается до орбиты Юпитера. Замечено, что среднее расстояние кометы от солнца все уменьшается. Вероятно, комета Энке кончит тем, что упадет на солнце. Комета Биела, открытая Гамбартом, появлялась в 1772, 1789, 1795, 1805 годах, но элементы ее были определены только в 1826 году. Период ее обращения вокруг солнца равняется семи годам. В 1846 году с этой кометой произошло редкое явление: она разделилась на две части, двигавшиеся с разными скоростями; при ее появлении в 1852 году обе части находились уже на расстоянии выше двух с половиною миллионов километров одна от другой. Больше кометы Биела никто не видел. Чрезвычайно благоприятные условия для наблюдения над ней были в 1872 году; но, вместо кометы, наблюдался только особенно сильный дождь падающих звезд. Несомненно, это были жалкие остатки знаменитой Биелы. Комета Файе, открытая в 1843 г., совершает оборот в 7½ лет, комета Брерзена, открытая в 1846 г., — в 4 лет.

Из комет с длинными периодами интересна комета Галлея, наблюдавшаяся в 1556 году. Ее ожидали в 1860 г., но она не явилась. Комета 1680 г., изученная Ньютоном, появлялась в 531 г. и в 1106 г. Ее период равен 575 годам. Комета 1811 г. обладала ядром в 4 километра в диаметре. Она была окружена туманной оболочкой в 1 800 000 километров и хвостом в 180 миллионов километров. Комета Донати, ярко блестевшая среди северных созвездий, по массе составляла семисотую часть земли. Наконец комета 1864 года, совершаю-

щая полное обращение в две тысячи восемьсот веков исчезла в бесконечном пространстве.

На третий вопрос о столкновении кометы с землей профессор ответил следующее. Если начертить на бумаге планетные и кометные орбиты, будет видно, они скрещиваются много раз. Но это кажется на плоскости. В пространстве же орбиты почти не пересекаются. Но столкновение все же возможно. В 1832 г. появление кометы Гамбарта вызвало панику. Странное астрономическое совпадение сделало то, что орбита кометы почти пересекла орбиту земли. Таким образом 29 октября после полуночи комета прошла очень близко от орбиты земного шара. К великому счастью, земля достигла этого пункта месяцем позже—30 ноября. Но если бы земля прибыла к этому пункту месяцем раньше или комета месяцем позже, столкновение было бы неизбежным. Так как столкновение едва не произошло, нет ничего невозможного в том, что когда-нибудь оно произойдет.

Оставался четвертый вопрос: в случае столкновения земли и кометы каковы будут результаты?

Если произойдет столкновение с кометой, не обладающей ядром, то собственно удара быть не может. Астроном Фай говорит, что паутина представит больше препятствий полету ружейной пули, чем кометная туманность движению земли. Другие результаты будут встречи с кометой, обладающей твердым ядром. Прежде всего, впрочем, действительно ли кометы обладают ядрами? Несомненно, так как иногда наблюдалось затмение звезд плотной частью кометы. По Анаксагору, времена Ксеркса, комета затмила даже солнце. Это «затмения», впрочем, Пальмирэн Розетт не признавал.

Прежде чем говорить о последствиях столкновения земли с кометой, можно отметить, что даже одно приближение кометы без удара может произвести зна-

тельные изменения на земле. Если, например, комета пройдет на расстоянии двухсот тысяч километров от земли, она может увеличить продолжительность года на 16 часов и изменить на два градуса наклонение эклиптики. Кроме того, комета по пути может захватить луну. В случае же столкновения комета может или слегка задеть земной шар, или же унести часть земли, как это случилось с Галлией.

В случае удара скорость вращения земли может быть изменена. Удар кометы отбросит людей, животных, деревья, дома на огромное расстояние. Моря выступят из берегов, чтоб уничтожить материки. Ось земли переместится, и новый экватор заменит прежний.

Наконец поступательное движение земли может прекратиться, и тогда притягательная сила солнца повлечет к себе землю по прямой линии. Через $64\frac{1}{2}$ дня земля упадет на солнце.

Закончив лекцию, Пальмирэн Розетт сказал:

— Араго отметил, что испытать столкновение с кометой так же трудно, как вынуть единственный белый шар из урны, в которой находится 280 миллионов черных шаров. А между тем мы вынули этот единственный белый шар.

IV. СЧАСТЛИВЫЙ АСТРОНОМ

После лекции Пальмирэн Розетт с важным видом ожидал, когда иностранцы, собравшиеся в общей зале, представятся ему, как хозяину Галлии. Сервадак приступил к церемонии, чтоб не раздражать обидчивого астронома.

— Командир «Добрыни» — Тимашев, — сказал он, представляя товарища.

— Милости просим, — любезно ответил астроном.

— Господин профессор,—сказал Тимашев,—не думайте, что я забрел на вашу комету по доброй воле; случай привел меня сюда. Тем не менее, горячо благодарю вас за радушный прием.

Сервадак, чувствуя иронию в ответе приятеля, слегка улынулся и сказал:

— Лейтенант Прокофьев. С ним на шхуне «Добрыня» мы совершили плавание вокруг всей Галлии.

— Вокруг всей Галлии?!—обрадовался профессор.

— Точно так, вокруг всей Галлии,—ответил Сервадак и затем продолжал:—Бен-Зуф, мой орди...

— Адьютант генерал-губернатора Галлии,—поспешил перебить Бен-Зуф, который хотел удержать этот титул ради себя и капитана.

Были представлены испанцы, русские матросы, Пабло, маленькая Нина, на которую профессор посмотрел очень недружелюбно сквозь свои грозные очки; как человек нелюдимый, он не любил детей. Что касается Хаккабута, он сам вышел вперед, говоря:

— Господин астроном, один единственный вопрос: когда мы можем вернуться на землю?

— Чудак!—ответил профессор.—Мы едва успели прибыть сюда, а он ведет речь о том, чтоб вернуться.

Представления были окончены, и Сервадак упросил Пальмирэна Розетта рассказать свою историю. Эта история была очень коротка.

Французское правительство созвало научную комиссию для проверки длины дуги парижского меридиана. Розетт не попал в эту комиссию, обиделся и решил работать самостоятельно. Подозревая, что первые геодезические вычисления заключают неточности, он решил проверить измерения части тригонометрической сети, которая соединяла Форментеру с испанским побережьем. На Форментере он поместил свою обсерваторию на

вышке острова и расположился там с слугой Иосифом. Между тем один из его помощников установил на выступе испанского берега рефлектор, куда направлял свои приборы форментерский астроном. Несколько инструментов, книг, запас пищи на два месяца составляли все имущество профессора, не считая астрономической трубы.

Каждую ночь Пальмирэн Розетт должен был сторожить фонарь, который его помощник держал зажженным на испанском побережье. К несчастью, Средиземное море было покрыто большим туманом; с исключительной силой он окутал не только часть Европы, но почти и весь земной шар. Лишь изредка открывались случайные просветы среди густого тумана. Ввиду этого приходилось вечно бодрствовать по ночам, что не мешало астроному временами засматриваться на небо.

И вот, однажды, изучая созвездие Близнецов, он заметил блестящую точку, не помеченную ни на одной карте. Наблюдая за ней, по быстроте ее перемещения он понял, что имеет дело с кометой. Вскоре неясная вначале комета стала отлично видимой и, находясь на расстоянии 120 миллионов километров от солнца, развернула хвост. Забросив фонарь испанского побережья, Пальмирэн Розетт посвятил себя изучению кометы. Он жил исключительно частью неба около созвездия Близнецов. Убедившись с большой радостью, что эта комета еще неизвестна, он дал ей название «Галлия».

Знал ли астроном о возможности столкновения Галлии с землей? Да, он был убежден, что столкновение почти неизбежно. Сказать, что профессор был обрадован своим открытием, значит сказать очень мало. Он находился в «астрономическом исступлении», доходившем почти до безумия. Да, его комета должна была столкнуться с землей в ночь на 1 января. Оба светила двигались

в противоположных направлениях, и толчок должен был потрясти их.

Другой бежал бы с Форментеры. Он же остался на своем посту и никому не говорил о своем открытии. Это открытие доставило ему ясное небо Балеарских островов, между тем как повсюду оно было скрыто от астрономов туманом. Профессор продолжал жить на Форментере и еще с большим упорством отдался вычислениям; он вычислил, что комета должна ударить землю с юга, близ Алжира. Толчок произошел со всеми последствиями, уже известными читателям. Этим толчком астроном был отделен от его слуги Иосифа. Когда он очнулся от беспамятства, он был уже один на островке, единственном оставшемся от Балеарских островов. Такова была история Пальмирэна Розетта. Он закончил ее словами:

— Произошли значительные изменения, но, конечно, земля продолжает двигаться в пространстве, сопровождаемая своей луной. Комета слегка оцарапала землю, захватив несколько небольших частей, которые вы нашли. Теперь уже все кончено и кончено к лучшему. Нам не на что жаловаться. Мы могли бы быть раздавлены ударом кометы или остаться на земле. В обоих случаях мы лишились бы возможности странствовать на комете.

Астроном, видимо, был так счастлив, что не хватало духа ему возразить. Только Бен-Зуф бестактно заметил, что вместо Африки лучше бы комете наскочить на Монмартрский холм,—тогда ей пришлось бы плохо.

— Монмартр?—гневно вскричал Пальмирэн Розетт.— Этот пригорок был бы стерт в порошок, как кротовья куча.

— Кротовая куча?—вскричал в свою очередь Бен-

Зуф, задетый за живое.—Поверьте, мой холм растрепал бы вашу комету, как старую фуражку!

Сервадак, чтоб прекратить это комичное препирательство, велел Бен-Зуфу замолчать, а профессору объяснил, какой странный взгляд сложился у его денщика относительно прочности Монмартрского холмика. Вспышка погасла, но Бен-Зуф никогда не мог простить астроному презрительного отзыва об его родном холме.

Всем страшно хотелось узнать данные, добытые ученым относительно будущего кометы. Лейтенант спросил осторожно относительно пути Галлии в пространстве и о продолжительности ее обращения вокруг солнца.

— Да,—ответил астроном,—я определил путь моей кометы до столкновения и теперь должен начать свои вычисления снова.

— Но почему же? Почему?

— Да потому, что если орбита земного шара не изменилась от удара, то орбита Галлии не могла не измениться.

В дальнейшем как будто Пальмирэн Розетт уклонился от прямого ответа. Выжимать его и лейтенанту и Сервадаку казалось неловким. Но им помог Хаккабут. Убеденный фактами, он подошел к астроному и спросил горько:

— Господин профессор, когда же мы вернемся на землю?

— Вы очень озабочены этим?—ответил Пальмирэн Розетт.

— Вопрос Хаккабута, господин профессор, я хотел бы формулировать более научно,—сказал тогда лейтенант.—Вы говорите, что орбита Галлии изменилась?

— Несомненно.

— Если эта новая орбита гиперболическая, то комета увлечет нас в бесконечные пространства звездного мира.

Тогда не останется ни малейшей надежды вернуться на землю. Не так ли?

— Да, тогда возврата нет.

— Но, быть может, эта орбита эллиптическая?

— Именно эллиптическая.

— И пересекает орбиту земного шара?

— Да.

— Так, значит, Галлия периодическая комета?

— Да, да. И с коротким периодом обращения, потому что ее движение вокруг солнца, принимая во внимание притяжение Юпитера, Сатурна и Марса, завершается в два года.

— Но тогда,—сказал лейтенант,—есть шансы снова вернуться на землю после двух лет, когда комета вновь будет у места катастрофы?

— Да, этого можно опасаться.

— Опасаться?—переспросил Сервадак.

— Конечно!—топнул ногой астроном.—Нам хорошо и здесь, и насколько это зависит от меня, мы никогда не вернемся на землю.

V. ПРОФЕССОР И УЧЕНИК

Итак, для галлийцев все стало ясным. Они находились на комете. То, что после столкновения Сервадак увидел за густым слоем туч, было землей, несущейся в пространстве. И, в конце концов, комета вновь должна была вернуться к земле, хотя бы ряд профессоров утверждал противное.

Следующие дни были посвящены заботам о том, чтоб лучше устроить 36-го галлийца. В вулканической пещере был открыт узкий проход, что-то вроде редута, вполне пригодный для наблюдателя и его инструментов. Здесь нашлось место для постели, стола, кресла, шкафа и

знаменитой астрономической трубы. Этот проход сделался жилищем профессора. В назначенный час ему приносили обед, и больше он не требовал ничего. Спал он очень мало; день у него уходил на вычисления, а ночью он изучал звезды.

Холод доходил до 30° ниже нуля. Но ветра не было, и галлийцы могли без тревоги переносить сильные холода. Их согревали меха, в которых у них не было недостатка. Спокойствие атмосферы позволяло им без наказания делать большие прогулки. Но что же подбуживал Хаккабут?

Паук оставался верным себе. Он понял, что шансы вернуться на землю были слабы. Но, принимая во внимание, что в маленькой колонии было достаточно золота и серебра, Хаккабут обдумывал способ поглотить мало-помалу это денежное богатство Галлии. Способ заключался в том, чтоб продать товары на Галлии, где из-за их редкости они будут оплачены более щедро, чем на земле. Но надо выждать и дожидаться увеличения спроса. Это сулило верную прибыль.

Однажды Пальмирэн Розетт, как бомба, влетел в общую залу.

— Лейтенант,—вскричал он,—ответьте мне, без обиняков и пустословия, на вопрос, который я вам сейчас предложу. Правда ли, что вы совершили плавание на своей шхуне вокруг Галлии и были близ ее экватора?

— Да, профессор,—ответил лейтенант, которому командир «Добрыни» сделал знак не раздражать чудака.

— Отлично! А во время плаванья вы не измерили длину пройденного «Добрыней»?

— Приблизительно, да.

— И что же вы нашли?

— То, что окружность Галлии равна примерно двум

тысячам тремстам километрам, а диаметр—семистам сорока километрам.

— Ну, так вот что,—произнес Пальмирэн Розетт,—чтоб закончить исследование Галлии, мне остается узнать, каковы ее поверхность, объем, масса, плотность и напряжение тяжести.

— Что касается поверхности и объема, узнать не так легко, раз нам известен диаметр Галлии.

— Разве я говорю, что это трудно?—пожал ученик плечами.—Воспитанник Сервадак, возьмите ваше перо и так как вам известна длина большого круга Галлии, определите ее поверхность.

— Сейчас, господин профессор,—ответил Сервадак, решивший вести себя образцовым учеником.—Множилось 2323 километра—окружность Галлии—на диаметр ее, то есть на 740.

— Да, и не мешкайте!—командовал профессор.—Пора бы уже иметь результат. Ну, что там у вас?

— У меня получается 1 719 020 квадратных километров. Это и есть величина поверхности Галлии.

— Ну, что же дальше? Каков, по-вашему, будет объем Галлии?

— Объем... Галлии?—переспросил, запинаясь, Сервадак.

— Воспитанник Сервадак, ужели вы не можете вычислить объем шара, раз вам известна его поверхность?

— О, конечно, могу. Но вы мне не даете времени подумать, профессор.

— При математических вычислениях не дышат, Сервадак!

Слушатели сделали над собой усилие, чтоб не разразиться хохотом.

— Ну, что же, придем ли мы с вами к концу? Если объем сферы...

— Объем сферы равен поверхности,—ответил не без смущенья Сервадак,—помноженной на...

— На треть радиуса, сударь! На треть радиуса. Теперь все?

— Да, приближаемся к концу. Третью радиуса Галлии составляет сто двадцать три целых, три, три, три...

— Довольствуйтесь первыми двумя десятичными знаками, откиньте остальные. Что получилось у вас?

— 211 439 460 кубических километров.

— Воспитанник Сервадак, вы получили объем моей кометы!—с удовольствием потер руки профессор.— Можно по справедливости сказать, что это уже нечто.

— Конечно. Но Галлия все же меньше луны,—замечил лейтенант.

— Кто вам сказал это?—быстро спросил профессор с видом человека, уязвленного в самое сердце.

— К тому же,—продолжал безжалостный лейтенант,— Галлия, как звезда седьмой величины, не может быть видима с земли простым глазом.

— Чорт побери!—вскричал Бен-Зуф.—Вот так комета. Стоит на такой комете лететь.

— Молчать!—вскипел Пальмирэн Розетт, выходя из терпения.

— Вся-то комета с орешек, с плохую горошину, с горючее зерно.

— Замолчи, Бен-Зуф!—сказал капитан Сервадак.

— С булавочную головку! Ничтожество из ничтожеств!—не унимался Бен-Зуф.

— Да замолчишь ли ты, наконец?

Бен-Зуф вышел, и Пальмирэн Розетт закончил свою речь:

— Господа, мы знаем теперь диаметр, окружность, поверхность и объем Галлии. Этого мало. Я хочу опре-

делить ее массу, плотность и напряжение тяжести на ее поверхности.

— Это будет трудно,—сказал командир «Добрыня».

— Все равно. Я хочу узнать вес моей кометы и узнать его.

— Не так-то легко решить эту задачу,—заметил лейтенант.—Мы ведь еще не знаем состава вещества Галлии.

— О, это, господа, сущие пустяки.

— Когда вы пожелаете, дорогой профессор, мы всегда к вашим услугам!—сказал Сервадак.

VI. ПОСЛЕДНИЕ ТАЙНЫ ГАЛЛИИ

Галлия продолжала двигаться в межпланетном пространстве под невидимым влиянием солнца. Ничто досих пор не нарушило ее движений. Планета Нерина, взяв ее в спутники среди пояса астероидов, оставалась верною Галлии. Казалось, все должно было идти без препятствий в течение галлийского года. Но некоторые из галлийцев—Сервадак, лейтенант и Тимашев—по временам задавали себе тревожные вопросы: вернутся ли они когда-нибудь на землю или навсегда останутся здесь, не ошибся ли Пальмирэн Розетт в своих вычислениях, точно ли он определил орбиту Галлии?

Что касается до других членов колонии, они, за исключением Хаккабута, очень мало заботились о возвращении на земной шар. Между прочим, испанцы, терпевшие нужду на своей родине, никогда не были так счастливы, как теперь. Какое им дело до орбиты Галлии? Ленивые и беспечные, они цели без конца в свободное время находили, что лучше этого ничего не могло быть.

Всех счастливее на Галлии были Пабло и Нина. Они постоянно устраивали прогулки по льду или носились

по коридорам «Нины-Руж». Причина, по которой эта пара не задумывалась о будущем и не сожалела о прошлом, была проста. Однажды Пабло спросил:

— У тебя есть родители, Нина?

— Нет, Пабло. Я совсем одинока. А ты?

— Я тоже одинок. Что ты делала на родине?

— Стерегла коз.

— А я должен был следить за упряжью лошадей в дилижансе и день и ночь бежать вместе с лошадьми.

— Но теперь мы уже не одиноки.

— Нет, Нина, мы теперь никогда не бываем одни.

— Сервадак—наш отец, а командир и лейтенант—наши дяди.

— Бен-Зуф—наш товарищ, и все остальные очень добры к нам.

Действительно, для них не скупилась на ласки, и ласки частью перепали и на долю козочки Марзи. При таких условиях мог ли Пабло жалеть о жгучих равнинах Андалузии, а Нина—оплакивать бесплодные скалы Сардинии? Им казалось, что Галлия—их настоящая родина.

Настал июль. Втечение июля Галлия должна была обжать только 88 миллионов километров вдоль своей орбиты. Ее расстояние от солнца равнялось 688 миллионам километров.

Наконец, однажды пришла записка на имя Сервадака. Астроном сообщал в ней, что сегодня рассчитывает явиться в большой зал, и просил его ждать.

— Господа, — объявил профессор собравшимся, — нынче мы должны закончить исследование моей кометы. Когда мы определим напряжение тяжести на ее поверхности, ее массу и плотность, тогда для нас больше не будет на Галлии тайн. Между прочим, мы узнаем и вес Галлии.

Бен-Зуф, услышавший, входя в залу, только послед-

ние слова астронома, тотчас же вышел; вернувшись через несколько минут, он сказал лукаво:

— Я обегал все кладовые, чтоб найти весы, на которых мы будем взвешивать комету. Только не знаю, куда бы их прицепить?

И Бен-Зуф пристально смотрел на небо, как будто искал там гвоздя. Взгляд профессора и жест Сервадака заставили Бен-Зуфа прекратить неуместные шутки.

— Господа, — продолжал астроном, — прежде всего надо узнать, сколько весит на Галлии гиря в один килограмм. Вследствие меньшей массы Галлии ее притяжение слабей; все тела на ее поверхности весят менее, чем на поверхности земли. Но какова разница двух тяжестией, это и надо узнать.

— Да, но обыкновенные рычажные весы не могут служить для исследования, — заметил лейтенант. — Обе чашки весов одинаково подчинены притяжению Галлии. Они будут в равновесии здесь, как и на земле, и не смогут нам определить различия в весе.

— Действительно, — добавил командир «Добрыни», — если гиря теряет в весе столько же, сколько и взвешиваемое ею тело, то...

— Господа, — перебил сердито астроном, — если вы говорите это для меня, вы напрасно теряете время. Ответьте просто, есть ли у вас безмен и гири с обозначением величины веса? Если есть, то они укажут нам разницу в весе, благодаря пружине, которая действует в силу упругости. Действительно, если я положу на безмен гирю, чтоб определить изменение веса килограмма земного шара, безмен точно укажет, сколько весит этот килограмм на поверхности Галлии. Итак, есть ли у вас безмен?

— У нас нет ни безмена, ни гирь, — ответил Бен-Зуф, отлично знавший инвентарь колонии.

Профессор в досаде яростно топнул ногой.

— Но я знаю, где и у кого можно достать безмен. Безмен есть на тартане Хаккабута,—продолжал Бен-Зуф.

— Чудак, с этого и следовало бы начать!—пожал профессор плечами.

— Идемте все вместе на тартану,—предложил Сервадак.—Посмотрим, как Хаккабут устроился на борту «Ганзы».

Все собрались итти; но вдруг Пальмирэн Розетт спросил у командира «Добрыни»:

— Не может ли кто из ваших людей точно выточить мне кубический дециметр из скалистой массы?

— Мой механик сделает это легко, если дать ему мерку.

— А у вас самих нет метра?

Метра не оказалось; но Бен-Зуф утешил профессора:

— Возможно, что мы найдем метр на борту «Ганзы».

— Так идем же, идем,—ответил ученый, быстрым шагом идя в глубину коридора.

Несмотря на температуру в 35° ниже нуля, хорошо закутанные, одетые в дорожные плащи из меха, Сервадак и его товарищи могли легко дошагать до «Ганзы». Их бороды, брови, ресницы покрылись ледяными кристаллами, так как пар от их дыханья тотчас же замерзал в воздухе. Их фигуры, усыпанные белыми иглами, тонкими и острыми, как колючки дикобраза, приняли забавный вид. Лицо профессора, который своей маленькой фигурой напоминал медвежонка, было еще безобразнее, чем обычно.

Было 8 часов утра. Солнце быстро поднималось к зениту. Его сократившийся диск походил на луну во время полнолуния, так как лучи солнца падали на землю, но не грели. Все скалы побережья были покрыты только

что выпавшим снегом. Позади, до самой вершины дымящегося конуса, лежал ослепительно белый снежный ковер.

Придя в бухту, лейтенант обратил внимание на ватерлинию «Ганзы» и «Добрыни»; она начала постепенно повышаться; тартана и шкуна находились уже на высоте 20 футов над поверхностью моря.

— Неприятная вещь,—сказал лейтенант;—очевидно, под корпусом судна образовался лед.

— Но ведь есть же предел нарастанию ледяного слоя,—заметил командир «Добрыни».

— Не знаю,—покачал головой лейтенант,—потому что холод не дошел еще до своего максимума.

— Очень надеюсь на это!—воскликнул профессор.—Разве стоило удаляться от солнца на 800 миллионов километров, чтобы найти только температуру земли у полюсов?

Подошли к «Ганзе», покрытой ледяным щитом. Легкий голубоватый дымок поднимался из медной трубы, выступавшей из-за снежных затверделых глыб, по которым, как по мосту, можно было пробраться в тартану. Скрыга тратил топливо очень скупно, но мало страдал от холода: ледяная кора, облепившая «Ганзу», служила плохим проводником тепла.

— Эй, Навуходоносор, выходи-ка на свет!—крикнул Бен-Зуф.

VII. УДАЧНЫЙ ДЕНЬ ХАККАБУТА

Дверь, завешенная солдатским плащом, распахнулась, и Хаккабут высунулся из нее.

— Кто там пришел?—кричал он.—Чего от меня хотят? У меня ничего нет.

— Мы хотим поболтать с вами,—ответил Сервадак,—

но холод так силен, что, надеюсь, вы не откажете нам в гостеприимстве на четверть часа.

— Как? Вы хотите войти?—спросил Хаккабут с ужасом.

— Да, мы хотим войти.

— Мне нечего вам предложить!—сказал Хаккабут жалобно.—Я человек бедный.

— Ты уже начал свои причитанья!—рассмеялся Бен-Зуф.—Ну, пошел прочь, Валтасар, дай же дорогу.

Сервадак и его товарищи спустились в каюту «Ганзы». Несколько скамеек, еловый стол сомнительной чистоты, домашняя кухонная утварь, шкаф, тщательно запертый на ключ,—все это не отличалось комфортом.

Первой заботой Бен-Зуфа, когда он закрыл дверь, было подбросить углей в чугунную печку, из опасения, чтобы в каюте не было холодно. Хаккабут бранился и жалобно причитал, готовый скорее сжечь себя самого, чем так щедро тратить топливо, если бы такой обмен был возможен. Но его никто не слушал. Бен-Зуф был настороже возле печки. Посетители, усевшись поудобнее, предоставили Сервадаку объяснить цель их посещения. Мрачный Хаккабут стоял в углу, с видом человека, терпеливо ожидающего приговора.

— Мы пришли к вам, Хаккабут,—сказал Сервадак,—чтоб попросить вас оказать нам услугу.

— Просить услуги у меня, бедного человека?—жалобно воскликнул Хаккабут.

После длинной и торжественной речи Сервадак убедил, наконец, Хаккабута, что от него не собираются требовать его имущества.

— Нам необходимо получить от вас только безмен, Хаккабут,—закончил Сервадак.—Можете ли вы одолжить его нам?

— Безмен?—с ужасом переспросил Хаккабут, как буд-

то у него просили взаймы несколько тысяч франков.— Вы говорите, что вам нужен безмен?

— Да, безмен для измерения веса,—нетерпеливо сказал Пальмирэн Розетт.

— Гм... кажется, безмен у меня есть. Думаю, что есть,—ответил Хаккабут, который ничего не хотел обещать.

— Если есть, вы нас крайне обяжете, одолжив ваш безмен.

— Одолжить?—переспросил ростовщик.—Господин губернатор, вы просите одолжить вам...

— На один только день,—вступился профессор.—Вам возвратят ваш безмен непременно.

— Но это очень нежный инструмент, мой добрый господин. Пружина может сломаться от холода.

— Ах, животное!—вскричал Пальмирэн Розетт.

— И вы собираетесь вешать, быть может, что-нибудь очень тяжелое...

— Не думаешь ли ты, Хаккабут, что мы будем вешать гору на твоём безмене?—рассмеялся Бен-Зуф.

— Больше чем гору,—сказал астроном.—Мы свешаем Галлию.

Хаккабут пришел прямо в ужас. Чтоб успокоить его, Сервадак объяснил, что вешать будут вещь, тяжестью, самое большее, в один килограмм.

— И эта тяжесть весит гораздо менее вследствие меньшего притяжения Галлии. Вы видите, что вам нечего опасаться за ваш безмен. Если же вы не хотите дать безмен на время, тогда продайте его.

— Продать?!—завопил Хаккабут.—Продать мой безмен? Но если я продам его, чем я буду определять вес моих товаров? У меня нет других весов. У меня нет ничего, кроме этого бедного инструмента; очень точного, очень нежного, и его хотят отнять у меня!

— Бросьте молоть вздор!—сказал Сервадак, теряя терпение.—Никто не собирается у вас что-либо отнимать. Последний вопрос: не хотите ли дать нам безмен напрокат?

Это было подходящим делом. Глаза Хаккабута сверкнули, как горящие угли.

— А вы ответите за всякую случайность и порчу?—с живостью спросил он.

— Да.

— И внесете сто франков залога на всякий случай?

— Сто франков за инструмент, который стоит двадцать? Не много ли, Хаккабут?

— Но, господин губернатор, ведь этот безмен является единственным в новом мире. Смею надеяться, что эти сто франков будут внесены золотом?

— Да, французским и русским золотом.

— И вы хотите взять напрокат так необходимый мне безмен на один только день?

— Да, на один день.

— А плата за пользование?

— Двадцать франков,—ответил командир «Добрыни».—Надеюсь, вы согласны?

— Увы, я беспомощен,—жалобно пробормотал Хаккабут.—Надо уметь безропотно покоряться.

Торг был заключен, и, конечно, к страшной выгоде Хаккабута. Двадцать франков за прокат, сто залогу и все—настоящим золотом. Давно уж английский паук не видел таких барышей. Получив безмен, посетители встали, готовясь покинуть «Ганзу». Но вдруг профессор вспомнил, что ему нехватало метра и гири. Безмен будет бесполезен, если они не смогут подвесить к нему точно измеренный образчик галлийской породы, составляющий хотя бы кубический дециметр.

— Ах, это еще не все,—сказал Пальмирэн Розетт, останавливаясь.—Нам нужно взять у него...

Хаккабут затрясся.

— Нам надо взять от вас метр и гирию весом в килограмм.

— Это, мой добрый господин, к сожалению, невозможно. Я был бы счастлив, если бы мог их одолжить.

Хаккабут, к великому своему огорчению, говорил правду; у него не было ни метра, ни гири, и он не мог, пустив их в прокат, сделать выгодную аферу.

— Ну, что ж, придется обойтись как-нибудь без них,—сказал профессор, почесывая голову.

И он начал спускаться с лестницы; его товарищи спускались за ним. Но не успели они сойти с тартаны, как в каюте послышался звон золотых и серебряных монет. Очевидно, Хаккабут, проверяя золото, выдвигал ящики своего шкафа.

Услышав звон золота, Пальмирэн Розетт быстро вернулся в каюту.

— У вас есть деньги?—крикнул он, хватая Хаккабута за старый плащ.

— У меня... деньги...—ответил Хаккабут с испугом, как будто увидев грабителя.

— Да, деньги!—продолжал ученый.—Это французские монеты в 5 франков?

— Да... нет,—ответил Хаккабут, не зная, что выгоднее говорить.

Но профессор наклонился над ящиком; Хаккабут напрасно старался закрыть его.

— Это французские монеты, и они мне нужны!—решительно заявил профессор.

— Никогда!—отвечал торговец таким тоном, как будто его хотели изрезать заживо.

— Они мне нужны, и они у меня будут!

— Скорей меня убьют!—хрипел Хаккабут.

— Дорогой профессор,—сказал Сервадак, решив, что настало время вмешаться,—разрешите мне уладить это дело.

— Помогите мне, господин губернатор! Спасите мое добро от грабежа!

— Тише! Успокойтесь, Хаккабут,—сказал Сервадак и, обратившись к ученому, спросил:

— Вам нужны деньги,—определенное число монет для ваших исследований?

— Да,—ответил профессор.—Мне надо 40 монет по пяти франков, 10 монет по два франка и 20 монет по пятьдесят сантимов.

— В общем 230 франков?

— Да, 230 франков.

Обращаясь к командиру «Добрыни», Сервадак спросил:

— Есть ли у вас еще, что можно дать в залог Хаккабуту, чтоб обеспечить заем, который я хочу сделать?

— Мой кошелек в вашем распоряжении, капитан, но сейчас у меня всего 200 рублей кредитными билетами.

— Кредиток не надо! Кредиток не надо!—закричал Хаккабут.—Они на Галлии не в ходу.

— Хаккабут!—сурово сказал Сервадак.—К вашим беспричинным упрекам, жалобам, стонам я относился снисходительно. Но не испытывайте моего терпения дольше. Волей-неволей, выложите нам требуемые 230 франков.

— На помощь! Грабители!—закричал Хаккабут, но замолк, потому что сильная рука Бен-Зуфа сжала его горло.

— Оставь его, Бен-Зуф,—сказал Сервадак.—Он сам решит в конце концов, что надо отдать добровольно.

— Никогда! Никогда!

— Не могу понять, почему вы не хотите одолжить нам взаймы 230 франков?

— Это заем? Только заем?—спросил Хаккабут, оживившись.

— Конечно, самый простой заем. Заключим перемирие, и довольно глупых слов и споров. Сколько вы запросите с нас?

— Десять франков процента, господин губернатор.

— В день?

— Без сомнения, в день.

Деньги были тотчас же уплачены Хаккабуту, а французские монеты переданы профессору; он с большим удовольствием положил их в карман. Сервадак с товарищами покинул тартану, и Пальмирэн Розетт воскликнул:

— Господа, я уношу с собой не 230 франков, а то, из чего я могу изготовить совершенно точно килограмм и метр!

VIII. ПРОФЕССОР ОПЕРИРУЕТ С КВИНТИЛЛИОНАМИ И КВАДРИЛЛИОНАМИ

Через четверть часа все посетители «Ганзы» собрались в большой зале «Нина-Руж». Деньги, взятые у Хаккабута, были разложены на столе.

— Господа!—сказал Пальмирэн Розетт с довольной улыбкой.—Так как вы не предвидели возможности столкнуться с кометой и не успели запасти метр и гирию весом в килограмм, я должен найти средство заменить эти два предмета, которые мне необходимы для вычисления напряжения тяжести, массы и плотности моей кометы. Эти монеты почти новы. Они удовлетворяют всем условиям, какие мне нужны, чтобы решить нашу задачу совершенно точно.

Сервадак и его товарищи поняли мысль профессора; что касается до Бен-Зуфа, то он смотрел на Пальмирэна Розетта как на монмартрского балаганного фокусника, который готовится произвести опыт глотанья монет.

Вот на чем основывал профессор свою попытку, мысль о которой пришла ему в голову при звоне монет в ящике Хаккабута. Как известно, во Франции введена десятичная система; монеты кратны десяти; кроме того, диаметр всех монет точно установлен законом ¹⁾. Тщательно прикладывая друг к другу известное число монет различной ценности, можно было достичь строгого определения длины метра. Действительно, сделав быстро на клочке бумаги следующее вычисление, Пальмирэн Розетт представил его слушателям:

10 монет по 5 франков, помноженные на	0,037 = 0,370
10 " " 2 " " "	0,027 = 0,270
20 " " 50 сантимов " " "	0,018 = 0,360
Итого 1,000	

— Очень хорошо, дорогой профессор!—сказал Сервадак.—Уложив эти монеты по прямой линии, мы будем иметь точную длину метра.

Монеты были разложены; на столе помечены границы составленной линии.

— Вот точная длина метра земного шара!—с торжеством сказал астроном.

Этот метр был разделен на десять дециметров, и длина дециметра передана механику «Добрыни», которому уже нетрудно было изготовить из массы Галлии кубический дециметр. После метра оставалось изгото-

¹⁾ Диаметр 5 франков равен 37 миллиметрам, 2 франков — 27 миллиметрам, 50 сантимов — 18 миллиметрам.

вить гирию—килограмм. Это было значительно легче, так как французские монеты имеют не только определенный диаметр, но и строго определенный вес. В частности монета в пять франков весит 25 граммов. Достаточно было сложить 40 монет по пяти франков, чтобы получился вес в один килограмм.

— Из всего виденного мной,—сказал Бен-Зуф,—я понял, что быть только ученым недостаточно, надо еще..

— Что?—спросил Сервадак.

— Быть богатым!

Слова Бен-Зуфа вызвали общий смех.

Владея гирею в 1 килограмм, осколком галлийской массы, полученным от механика и равным кубическому дециметру, затем безменом для измерения веса, Пальмирэн Розетт имел все необходимое для раскрытия последних тайн Галлии.

— Господа!—сказал он.—В этом мешочке 40 монет по пяти франков, весом в 1 килограмм. Если б на земле я привесил на крючок безмена этот мешочек, острие указало бы ровно один килограмм. Понятно?

Говоря это, Пальмирэн Розетт не переставал поглядывать на Бен-Зуфа. Он подражал Араго, который во время лекций посматривал всегда на того из слушателей, который казался ему менее смышленным. И когда этот слушатель усваивал его лекцию, Араго считал, что лекция была понята всеми.

— Итак, господа, я вешаю этот мешочек на крючок безмена. В виду того, что опыт производится на Галлии, мы будем знать, сколько весят эти монеты на комете.

Мешок был привешен к крючку; острие безмена, чуть-чуть поколебавшись, указало 133 грамма.

— То, что весит на земле килограмм, на Галлии весит только 133 грамма, то есть приблизительно в 7 раз менее. Ясно ли вам?

Бен-Зуф сделал знак одобрения; профессор принял его к сведению.

— Теперь вы понимаете, что результаты, которых я достиг безменом, были бы недостижимы при употреблении обыкновенных весов? Утратили часть веса земные монеты, но утратила часть веса и земная гирия. Определить ничего нельзя. Понятно?

— Даже и для меня,—ответил Бен-Зуф.

— В итоге—напряжение тяжести в семь раз меньше, чем на земном шаре. Теперь приступим к вычислению плотности Галлии. Этот кубик изготовлен из неизвестного состава, на который вы наталкивались в море во время вашего кругосветного плавания. Тот же состав попадался вам и на поверхности Галлии. Повидимому, все на Галлии сплошь составлено из этого минерала. Перед нами кубический дециметр этого вещества. Сколько он весит на земле? Чтоб узнать это, надо его вес на Галлии помножить на семь. Свесим же этот осколок. Это все равно, как если б я навесил на крючок безмена мою комету.

Кубик был привешен к безмену; острие указало 1 килограмм 430 граммов.

— Помноженные на 7, они составят около 10 килограммов. Плотность земли равняется приблизительно только 5 килограммам. Плотность Галлии вдвое больше.

Профессор имел полное право гордиться. Если земля значительнее в объеме, то комета превышает ее в плотности. Таким образом диаметр, окружность, поверхность, объем, плотность Галлии и сила тяжести на ее поверхности были уже известны. Оставалось вычислить массу Галлии, или, иначе, вес ее на земле. Это вычисление было сделано быстро. Так как кубический дециметр вещества Галлии весил бы на земле десять килограммов, то ясно, что Галлия весила столько раз

по десяти килограммов, сколько ее объем содержал в себе кубических дециметров. Объем ее равнялся 211 439 460 куб. килограммов; вес Галлии выражался огромным числом в 21 цифру; число это—211 квинтиллионов 439 квадриллионов 460 триллионов.

— Позвольте, дорогой профессор, задать вам еще один вопрос,—сказал Сервадак.—Не знаете ли вы название вещества, из которого образовалась Галлия?

— Это металл—теллур.

— Пуф! Только-то! Теллур!—воскликнул Бен-Зуф.

— Теллур с золотом. Вещество это часто встречается и на земле, но на Галлии из каждых ста частей 70 частей теллура и 30 частей золота.

— Комета из золота!—сказал Сервадак.

— Астроном Мопертюи допускал, что это возможно, и Галлия подтверждает его правоту.

— Если Галлия упадет на землю,—заметил командир «Добрыни»,—увеличив золото на земле, она произведет коренной переворот в обращении денег.

— Золото значительно упадет в цене,—закончил Сервадак,—и более чем когда-либо к нему можно будет применить название презренного металла!

IX. ЮПИТЕР—НАРУШИТЕЛЬ ДВИЖЕНИЯ КОМЕТ

На следующий день наступило 1 августа. Комете оставалось обежать еще 324 миллиона километров по своей орбите, чтобы к 15 января достигнуть афелия. С 15 января Галлия начинала приближаться к солнцу. Ночи Галлии были прекрасны. Ни малейшего дуновения ветра, ни малейшего облачка, которые могли бы мешать наблюдениям. Звездное небо расстилалось перед галлийцами, широко открытое, удивительно ясное, точно книга, которую манило читать.

Галлия приближалась к великолепному Юпитеру, самой огромной из планет, обращающихся вокруг солнца. 1 августа оба светила разделяло расстояние только в 260 миллионов километров, и они продолжали приближаться друг к другу. Не грозило ли это Галлии катастрофой? Подойдя так близко к Юпитеру, не слишком ли опасную игру затеяла Галлия? Притяжение Юпитера, масса которого громадна, могло нарушить движение Галлии по орбите. Ведь недаром Юпитер назван нарушителем движения комет.

Если вычисления профессора были не совсем правильны, Галлии грозила опасность четырех сортов: 1) благодаря неодолимому притяжению Юпитера, Галлия могла упасть на его повехность; 2) захваченная гигантской планетой, Галлия могла сделаться ее спутником; 3) уклонясь от старой орбиты, Галлия могла итти по новому пути, который уже не приведет ее в солнечный мир; 4) замедлив движение, Галлия достигнет до места встречи слишком поздно и уже не встретится с землей.

Пальмирэн Розетт боялся только двух из этих случайностей: второй и первой. Астроному вовсе не улыбалось, чтобы Галлия очутилась в положении луны у Юпитера. Но ему очень нравилась мысль избежать столкновения с землей. В этом случае Галлия будет постарому блуждать вокруг солнца или устремится в какой-нибудь новый, совершенно неизвестный и до крайности любопытный мир. Что может быть для астронома прекраснее этой перспективы?

Прошел месяц в тревожных думах галлийцев и светлых надеждах Пальмирэна Розетта. К 1 сентября расстояние Галлии от Юпитера равнялось только 149 миллионам километров, то есть расстоянию земли от солнца. 15 сентября это расстояние уменьшилось

до 104 миллионов километров. Диск планеты увеличился заметно. Юпитер безусловно нарушил движение Галлии; ведь по сравнению с Галлией это был настоящий гигант.

Действительно, диаметр этого гиганта равнялся 142 000 километров и в одиннадцать раз был больше диаметра земли; его объем в 1 295 раз превышал объем земного шара,—другими словами, надо было сложить 1 295 земных шаров, чтобы получить одного Юпитера. Вокруг солнца он обегает в 12 лет, а вокруг своей оси обращается в 9 часов 50 минут. Ось планеты была почти перпендикулярна плоскости его орбиты; следствием этого являлось равенство дней и ночей на Юпитере. Спутников у Юпитера было 9, из которых 5 открыты сравнительно недавно. Когда-то наблюдением над первыми четырьмя спутниками Юпитера впервые определили скорость распространения света.

Втечение двух недель, с 15 сентября по 1 октября, в наблюдателях, более беспристрастных, чем наши галлийцы, Юпитер безусловно мог вызвать восхищение. Его диск, освещенный солнечными лучами, ярко отражал их и отбрасывал на Галлию. Предметы, освещенные его лучами, принимали на поверхности Галлии новые оттенки.

Пальмирэн Розетт, неизменно находившийся в своей обсерватории, все время только на Юпитера и направлял свою подзорную трубу. Гигантская планета, которой ни один из земных астрономов никогда не видал ближе чем на расстоянии 600 миллионов километров, находилась всего на расстоянии 82 миллионов километров от профессора-энтузиаста.

За несколько дней до наибольшего сближения планет спутники Юпитера стали отчетливо видимы простым

глазом. С земли спутников Юпитера без трубы видеть нельзя.

Пальмирэн Розетт почти не покидал своей трубы, но тайну его наблюдений вытянуть из профессора было трудно. Люди, хорошо знавшие астронома, впрочем, могли кое-о-чем догадаться.

— Если бы движение Галлии, благодаря Юпитеру, сильно замедлилось,—говорил Сервадак,—Пальмирэн Розетт не в силах был бы скрыть своего удовольствия. Он выдал бы себя выражением лица, движениями, всей фигурой; и наверно стал бы злорадствовать и дразнить нас.

— Человеку свойственно ошибаться, и я думаю, что Пальмирэн Розетт мог ошибиться в своих первых вычислениях!—возразил командир «Добрыни».

— Он, Пальмирэн Розетт, сделает ошибку? Что вы говорите! Это мне кажется невозможным. Как математик, он—крупная величина. Я верю в точность его первых вычислений о движении Галлии, как верю в точность и его дальнейших вычислений, хотя бы он заявил, что мы должны отказаться от всякой надежды снова пасть на землю.

— Ну хорошо, капитан!—сказал тогда Бен-Зуф.—Разрешите мне поделиться с вами тем, что меня мучает и волнует.

— Поделись, Бен-Зуф, и скажи, что тебя мучает.

— Ведь ваш ученый почти не слезает с обсерватории. Не так ли?—сказал ординарец серьезным тоном человека, привыкшего логически мыслить.

— О, да, без сомнения,—отвечал Сервадак.

— И день и ночь,—мрачно продолжал Бен-Зуф,—его адская подзорная труба направлена на господина Юпитера, который хочет нас поглотить.

— Ну, и что же?

— Уверены ли вы в том, капитан, что профессор своей проклятой трубой не притягивает к нам Юпитера мало-помалу?

— О, если в этом все дело, я говорю—нет!—ответил капитан, смеясь от души.

— Довольно, капитан, довольно! — поник Бен-Зуф головой с видом человека, мало убежденного.—Я в этом не так уверен, как вы, и берусь...

— Что сделать?

— Уничтожить его инструмент, приносящий одни несчастья.

— Разбить его подзорную трубу, Бен-Зуф?

— На тысячу частей!

— Попробуй только, и я велю тебя повесить.

— Уж и повесить?

— Разве я не генерал-губернатор Галлии?

Бен-Зуф вздохнул. Приходилось отложить нападение на трубу астронома.

1-го октября расстояние между светилами равнялось только 72 миллионам километров. Наблюдатели Галлии хорошо видели огромный диск Юпитера. Отчетливо рисовались полосы, пестревшие параллельно экватору; сероватые к северу и югу, они к полюсам переходили в чередующиеся светлые и темные линии. Резко выступавшие пятна нарушали там и тут правильность этих полос и изменяли на разные лады их форму и величину.

Чем можно было объяснить появление этих пятен и какова их природа? Не были ли они следствием атмосферических явлений на Юпитере? Не были ли они скоплением паров? Все это должен был исследовать Пальмирэн Розетт. Если Галлия вернется к земле, у него исчезнет надежда разгадать одну из интереснейших тайн этого загадочного мира.

В половине октября опасность встречи светил возросла еще более. Галлия стремительно приближалась к роковому пункту. Командир «Добрыни» и Сервадак, вообще сдержанные и хладнокровные, были охвачены тревогой. Порой им казалось, что их надежды беспочвенны и возвращение на землю невозможно; тогда они начинали думать о том, что ожидает их в будущем, если они обречены блуждать в солнечном мире. Приходилось покориться судьбе. Они видели себя перенесенными в новый, более обширный мир человечества, думали о многочисленности обитаемых миров во вселенной и отрешались от узкого взгляда, будто мир создан только для человека. Но в глубине души они чувствовали, что ничто не может заглушить в них непреодолимого желания снова увидеть землю и никакая надежда не заставит их отречься от земли. К тому же, если только они ускользнут от Юпитера, Галлии нечего бояться ни слишком отдаленного Сатурна, ни Марса, орбиту которого она пересечет, возвращаясь к солнцу.

15 октября светила находились только на расстоянии 52 миллионов километров. Предстояло одно из двух: или притяжение Юпитера увлечет Галлию, или комета будет следовать по своей орбите. Но... Галлия прошла мимо.

И утром всем бросилось в глаза отвратительное настроение Пальмирэна Розетта. Если он радовался как астроном, совершивший правильные вычисления, то был опечален как искатель астрономических приключений.

Галлия по своей неизменной орбите направлялась к солнцу.

Х. ВЫГОДЫ ТОРГОВЛИ НА ЗЕМЛЕ ПЕРЕД ТОРГОВЛЕЙ НА ГАЛЛИИ

— Клянусь честью, я начинаю думать, что мы ускользнули от влияния Юпитера!—весело сказал товарищам Сервадак, когда отчаяние профессора доказало ему, что опасность миновала.—Все идет хорошо, и через 15 месяцев мы вернемся на нашу старую землю.

— И увидим снова Монмартр!—добавил Бен-Зуф.

Сервадак от души радовался тому, что галлийцы «отразили абордаж», как сказал бы моряк. Но если допустить, что под влиянием Юпитера комета замедлила свое движение только на час, земля в момент встречи будет находиться в сотнях тысяч километров от пункта, где она должна бы встретиться с кометой. И кто знает, как долго придется ждать новой встречи? Может быть, до нее пройдут тысячелетия, пройдут века.

К 1 ноября свет и тепло солнца, казалось, еще уменьшились. Предметы, находившиеся на комете, были освещены только в течение половины дня. Свет и тепло равнялись 25-й части того, что солнце давало земле.

Но что за это время поделял Исаак Хаккабут?

Знал ли этот эгоист, как в течение двух месяцев тревожились Сервадак и его товарищи? Нет, он не мог этого знать. Хаккабут не покидал своей «Ганзы» после сделанного у него займа, давшего ему большие выгоды. Когда профессор закончил свои вычисления, Бен-Зуф поспешил отнести Хаккабуту его деньги и безмен. Ростовщик вернул билеты, данные ему в залог, и его отношения с галлийцами «Нины-Руж» были прерваны. День шел за днем.

— Удивительно,—замечал иногда Бен-Зуф,—как легко привыкаешь к тому, чтоб не видеть Хаккабута.

Но Хаккабут часто подумывал о том, как бы завязать сношения с галлийцами. Эти думы вызывало стремление к наживе. Затем его товары начинали портиться. С другой стороны, ему важно было обменять товары на деньги до соединения кометы с землей. Ведь на земле эти товары пошли бы по обычной цене. На рынке же Галлии цена на товар должна была все расти и расти. Расчет Хаккабута был правильным, потому что как раз в это время в складах Бен-Зуфа начал ощущаться недостаток в предметах первой необходимости: масле, кофе, сахаре, табаке. Бен-Зуф обратил на это внимание Сервадака. Капитан решил идти за товаром к Хаккабуту. Это совпадение желаний продавца и покупателей придало осуществление мечты ростовщика о захвате всего золота и серебра колонии.

— Только,—размышлял в своей каюте Хаккабут,—ценность моих товаров превышает количество денег моих покупателей. Таким образом, когда у меня в сундуке очутятся все их деньги, на что они будут покупать остаток моих товаров? А впрочем, почему мне не продавать им этот остаток на векселя? Галлийские векселя и на земле не потеряют своей ценности. Капитан Сервадак и особенно командир «Добрыни»—люди обстоятельные и не станут смотреть на таксу, лишь бы приобрести нужную вещь. Я буду брать с них векселя, тем, чтоб они оплатили их деньгами в настоящем мире, а есть на земле.

Сам не зная об этом, Хаккабут в способе давать займы подражал приему галлов; галлы выдавали векселя, которые должны были оплачиваться в другой жизни. Правда, для них эта другая жизнь была вечностью. Для Хаккабута же это была жизнь на земном шаре, где все они будут через 15 месяцев.

И вот, подобно тому, как земля и Галлия непреодо-

лимо стремились друг к другу, так Хаккабута и Сервадака сближало «взаимное притяжение».

Встреча произошла 15 ноября в каюте «Ганзы».

— Хаккабут,—сказал капитан Сервадак, сразу приступив к делу,—нам необходимы кофе, табак, масло и другие продукты, которыми заполнена «Ганза». Завтра и Бен-Зуф закупим все, что нам нужно.

— Сжальтесь!—вскричал Хаккабут по привычке, хотя восклицание это в данном случае было совсем неуместно.

— Я говорю о покупке товара. Значит, вам совсем незачем голосить.

— Ах, господин губернатор,—ответил Хаккабут, у которого голос дрожал,—я хорошо слышу. Я знаю, что вы не позволите себе сдирать с меня шкуру, с меня, несчастного жалкого торговца, имущество которого и так пострадало.

— Оно ничуть не пострадало, Хаккабут, и я повторяю еще раз, что у вас ничего не возьмут без оплаты.

— В будущем? Пока же в кредит?

— Допустим, в кредит.

— Нет, я не в состоянии давать в долг, господин губернатор! И вы понимаете, что если я дам в долг одному, я буду в большом затруднении, когда придется отказывать другому. Это приведет к большим неприятностям, и я думаю, что... всего лучше будет никому ничего не давать в долг.

— Я держусь того же мнения. Я пошутил. Ваш товар будет оплачен.

— Осмелюсь спросить, какими монетами будет производиться расплата?

— Золотом, серебром, медью, а когда металл истощится, банковыми билетами.

— Билетами?!—воскликнул Хаккабут,—это именно то, чего я боялся.

— Разве у вас нет доверия к билетам Франции, Англии и России?

— Ах, господин губернатор, нет лучше денег, чем золото и серебро.

— Отлично! Пока что все ваши товары и будут оплачены золотом и серебром по курсу, который установлен на земле.

— Золотом, золотом!—с живостью воскликнул Хаккабут.—Это самая лучшая монета.

— Золотом, так золотом. Русское, английское, французское—оно находится в изобилии на комете. Итак, решено.

— Позвольте, господин губернатор, предложить вам еще один последний вопрос. Я свободен, не так ли? Я вправе назначать на свои товары подходящую для меня цену?

— Хаккабут, я своей волей могу устанавливать таксу, но я не хочу этого делать. Назначьте сами те цены вашим товарам, по которым обыкновенно торгуют на европейских рынках.

— Сжальтесь, господин губернатор! Но это же разоряет меня, это лишает меня законных барышей! Это против торговых правил. Я имею право установить свои цены на рынке, потому что все товары в моих руках. Если действовать по справедливости, вы должны разрешить мне мою оценку, господин губернатор. Иначе это будет похоже на грабеж моего добра.

— Повторяю, вы назначите цену товарам по европейскому курсу, Хаккабут.

— Вы хотите, чтоб я очутился в положении, при котором вам удобно будет извлекать выгоды!

— Да, это именно то, что вы хотите проделать отно-

сительно нас и чему я хочу помешать. Не забудьте что в общих интересах я имею право располагать вашими товарами. Будьте довольны, что можете вообще продать свой товар и что вас не обязывают отдать его даром. Итак, до завтра.

Утром 16 ноября Сервадак в сопровождении Бен-Зуфа и двух русских матросов отправился на тартану.

— Как поживаешь, Валтасар?—спросил Бен-Зуф при встрече.—Да, впрочем, что с тобой, старым мошенником приключится?!

— Вы очень любезны, господин Бен-Зуф,—ответил Хаккабут.—Что же вам требуется?

— Для первого раза отпусти-ка нам кофе, табак, сахару, всего по десятку кило,—отвечал Бен-Зуф.—Помни одно, не послужишь хорошим товаром, не сдобровать тебе. Берегись тогда за твои старые кости! С сегодняшнего дня я назначен капралом.

— А я думал, что вы адъютант генерал-губернатора.

— На приемах и церемониях—да, а когда мне приходится идти на рынок, я простой капрал. Однако поворачивайся живей. Не теряй время попусту!

Хаккабут спустился в трюм «Ганзы» и принес оттуда 10 пачек табаку с печатью акцизного управления, плотно сжатых бандеролями с государственным гербом; каждая пачка весом была в килограмм.

— Вот 10 килограммов табаку,—сказал он.—Всего на 120 франков, по 12 франков за килограмм.

Бен-Зуф уже хотел расплатиться, но капитан Сервадак остановил его, говоря:

— Подожди расплачиваться, Бен-Зуф! Нужно убедиться, верно ли взвешено.

— Вы правы, капитан!

— К чему же?—удивился Хаккабут.—Взгляните на обертку этих пачек цела, а на бандеролях указан вес

— Это ничего не значит,—ответил Сервадак.—Табак мог усохнуть, да и мало ли от чего потерять часть веса.

— Полно, старый плут, не упрямясь! Возьми-ка свой безмен,—сказал Бен-Зуф.

Хаккабут принес безмен и повесил на крючок пачку табаку в килограмм. Когда ростовщик взглянул на стрелку безмена, ноги у него подкосились: стрелка указывала только 133 грамма.

— Ловко!—сказал Бен-Зуф.—Вот так обвес! Плачет, Валтасар, о тебе скамья подсудимых.

— Вы сами видите, Хаккабут, что я был прав, настаивая на взвешивании,—сказал Сервадак, сохраняя непоколебимую серьезность.—Добавьте же столько табаку, чтоб получился килограмм веса.

— Господин губернатор, выслушайте меня!

— Поворачивайся живей. Тащи табак без разговоров!—скомандовал Бен-Зуф.

Хаккабут должен был покориться, но сделал это со вздохами и причитаньями, чуть не обливаясь слезами и вызывая оглушительный смех Бен-Зуфа и русских матросов. В конце концов, вместо одного килограмма табаку, он должен был дать семь; то же самое произошло с сахаром и кофе.

— Уступай, уступай, Гарпагон, ничего не поделаешь,—повторял Бен-Зуф, державший безмен.—Неужели тебе хочется, чтоб мы взяли товар без всякого вознаграждения? Скажу по секрету, что во всем виновата Галлия. И для чего ты только пришел сюда торговать, Хаккабут?

Отпустив по семидесяти килограммов табаку, кофе и сахару, Хаккабут уныло готовился получить за каждый товар стоимость десяти килограммов. Но капитан Сервадак хотел только позабавиться над Хаккабутом и на

самом деле уплатил ему действительную стоимость товаров. Все покинули «Ганзу», и Хаккабут долго слышал веселый напев военной песенки, исполняемой Бен-Зуфом:

Люблю гудящий звук рожка,
Бой барабана и трубы,
И полон радостью, когда
В бою я слышу треск пальбы.

XI. ИЗУЧЕНИЕ ПЛАНЕТ

Прошел месяц. Галлия продолжала двигаться к солнцу. Галлийцы смотрели на себя, как на путешественников, совершающих круговой обход солнечного мира. Это кругосветное путешествие должно было окончиться после двухлетнего пребывания на комете. Конечно, новая встреча Галлии с землей была опасна. Но она была вопросом будущего, который придется обсуждать в свое время.

15 января комета должна была достигнуть конца большой оси своей орбиты, то есть точки афелия. Пройдя этот пункт, комета с возрастающей скоростью направится к солнцу. Через 9—10 месяцев солнечное тепло освободит от льдов воды Галлии и вернет земле плодородие. «Ганза» и «Добрыня» доставят людей и животных на остров Гурби. На земле все быстро начнет расцветать во дни короткого и жаркого галлийского лета. Земля, своевременно засеянная, даст пшеницу и маис для людей и траву,—необходимый корм для животных.

На острове Гурби прежде жилось привольно, здоровой, широкой жизнью, процветала охота. И только наступившая зима заставила галлийцев перейти к образу жизни пещерного человека в коридорах и помещениях огнедышащей горы.

Во всяком случае, разве в свое время они не пыта-

лись в своих долгих и упорных разведках открыть источник топлива или напасть на залежи угля? Несомненно, они приложили много стараний, но все их поиски были напрасны. Они все испробовали, прежде чем осудили себя на продолжительное лишение свободы в пещерах «Огненной земли». Надо быть Пальмирэном Розеттом, чудачком, ушедшим с головой в звезды и цифры, чтоб не чувствовать тяжести лишений и желать остаться на Галлии при нынешних условиях жизни до конца. К тому же, ужасная случайность всегда угрожала обитателям «Огненной земли». Вулкан, который согревал их пещеры, в один печальный день мог истощиться. Поручиться за то, что внутренний жар Галлии был неистощим, никто не мог. Если прекратится работа огня и извержение лавы, что станут делать обитатели «Нины-Руж»? Не придется ли им идти в глубину кометы, чтоб найти температуру, при которой они могли существовать? И если ее внутренний огонь погаснет, она сделается пустынным холодным светилом, родною сестрою луны. Но это будущее теперь не особенно заботило галлийцев: они рассчитывали покинуть Галлию прежде, чем она охладится.

15 декабря Галлия находилась в восьмистах шестидесяти четырех миллионах километров от солнца, недалеко от конца большой оси своей орбиты. Взорам галлийцев представился новый мир. Хорошо изучив Юпитера, Пальмирэн Розетт принялся за изучение Сатурна. Но условия наблюдения этой планеты были менее благоприятны, чем условия наблюдения Юпитера. Сатурн был в 13 раз дальше от Галлии, чем Юпитер. Зато не было нужды бояться влияния Сатурна на ход кометы.

Пальмирэн Розетт больше не испытывал желания

читать лекции. Не легко было заставить его покинуть обсерваторию; подзорная труба была чуть не все время привинчена к его глазам. К счастью, в библиотеке «Добрыни» имелось немало книг по астрономии.

Заглянув в книги, галлийцы узнали, что Сатурн совершает свое движение вокруг солнца в $29\frac{1}{2}$ лет и что его экваториальный поперечник равняется 120 000 километров. Удален от солнца Сатурн на 1 428 миллионов километров, то есть почти в десять раз далее, чем Земля. Объем Сатурна в 745 раз больше объема земли, масса в 95 раз больше массы земного шара. Так как Сатурн пробегает свою орбиту в $29\frac{1}{2}$ лет, то каждое время года длится на нем свыше 7 земных лет. Спутников у Сатурна 10,—более чем у каждой из других планет.

Тройное кольцо Сатурна, обращающееся вокруг планеты,—отчего планета кажется оправленной в овальную раму,—делает ночи Сатурна прекрасными.

Кольцом из всех планет обладает только Сатурн. Это ставит его в исключительное положение в солнечном мире. Каково строение кольца? Довольно долго в астрономических книгах о нем писали кратко: «Происхождение и природа этого кольца неизвестны». В последнее время пришли к выводу, что оно не может быть ни твердым, ни жидким. В этом виде оно было бы неустойчиво и разрушилось довольно быстро. Наоборот, оно будет устойчивей, если его образовать из отдельных маленьких телец, обращающихся вокруг планеты, независимо друг от друга, в качестве ее спутников. Таким кольцом могло бы быть вокруг солнца кольцо астероидов, если бы число их было значительнее и распределено равномернее. Поэтому можно предположить, что кольцо не вращается вокруг Сатурна как

целое, но каждая его частица обращается тем быстрее, чем она ближе к планете ¹⁾).

Для обитателей Сатурна это тройное кольцо должно порождать любопытные явления. Оно то вырисовывается на горизонте в виде огромной арки, которая прерывается в средней части тенью Сатурна, то является цельным в виде полусияния. Часто это кольцо должно затмевать для обитателей Сатурна солнце. Если прибавить к этому восход и заход 10 лун, то станет понятным, что вид небесного свода Сатурна во время ночи великолепен.

Галлийцы не могли проникнуть в еще более отдаленный мир Урана. Он находится от солнца на огромном расстоянии в 2873 миллиона километров и обегает свою орбиту в 84 года. Его поперечник в 4 раза больше поперечника земли, объем в 63 раза, а масса в 14,6 раза превышает земные. По плотности и по полосам на поверхности он напоминает Юпитер и, вероятно, так же, как Сатурн и Юпитер, не совсем еще остыл, и в его хозяйстве собственная теплота имеет гораздо больше значения, чем ничтожное тепло, посылаемое ему солнцем. Сутки Урана равны 11 часам. Спутников у него четыре.

Что касается последней планеты солнечной системы,—последней, если не будет открыта еще одна, более отдаленная,—то она была недоступна взглядам галлийцев. Имя этой планеты Нептун. По сравнению с землей, Нептун в 30 раз далее отстоит от солнца. Орбиту свою он обегает в 165 лет. Размеры его немногим больше Урана. Ни положения оси, ни времени вращения Нептуна мы не знаем. Вокруг него движется один спутник—Тритон.

1) В. А. Костицын. „Происхождение вселенной“, ГИЗ. изд. 1926 г.

Расстояние в 4 501 миллион километров, отделяющее Нептуна от солнца, является пределом солнечной системы. Между тем, как ни громаден этот мир, он является незначительным в сравнении с звездной системой, к которой причисляется и наше солнце. В этой системе есть звезды, свет от которых доходит до земли только в 1 800 и даже в 6 000 лет.

Может быть, и прав был Пальмирэн Розетт, страстно желавший обежать на комете звездный мир со всеми его чудесами. Но галлийцы не допускали и мысли, что их комета может изменить солнцу и затеряться в звездных пустынях.

Нет! Галлия не покинет солнечного мира.

Ни за что.

ХII. ПОГАСШИЙ ВУЛКАН

Между тем, с удалением Галлии от солнца, холод значительно усилился. Термометр показывал минус 42°. При этих условиях приходилось обратиться к спиртовому градуснику, так как ртуть при 42° замерзает. С «Добрыни» был снят термометр с безводным спиртом, и он показывал 52° ниже нуля. В то же время близ «Ганзы» и «Добрыни» образовались толстые наслоения льда, которые медленно, но упорно добирались до подводной части судов. Шхуна и тартана были подняты ледяными массами уже на высоту 50 футов над уровнем Галлийского моря. Никакая человеческая сила не могла помешать их будущему паденью. Весь инвентарь «Добрыни» был снят. Остался только корпус судна, рангоут и машина.

Оставаться в тартане было тоже небезопасно. Но Хаккабут не решался расстаться с товаром, желая охранять его день и ночь. Если сам Хаккабут в глазах галлийцев не имел никакой цены и значения, то его

товар, несомненно, был ценен и даже необходим. Сервадак предложил Хаккабуту переселиться в «Нина-Руж», но Хаккабут упорно отказывался покинуть «Ганзу».

— Живите, где хотите,—решил в конце концов Сервадак,—но ваш товар я отправлю в склад «Нина-Руж».

Несмотря на жалобные причитания Хаккабута, 20 декабря товар был перевезен. Хаккабут, впрочем, ничего не проиграл от этого, так как ему разрешили поселиться в «Нина-Руж», где он мог и охранять и, при желании, продавать товары. Никто из окружающих не покушался на его права. Нужно было признать, что Хаккабут не стеснял галлийцев своим присутствием. Он редко попадался им на глаза. Спал Хаккабут возле своих товаров и питался своими съестными припасами. На спиртовой лампочке он приготавливал себе более чем скромное кушанье. Хозяева «Нина-Руж» не имели с ним никаких сношений, кроме торговых. Было очевидно, что мало-помалу все золото и серебро колонии исчезнет в выдвижном ящике, с ключом от которого Хаккабут никогда не расставался.

Приближалось 1 января по земному календарю. Через несколько дней исполнялся ровно год с момента роковой встречи земли с кометой, отделившей 36 человеческих душ от их ближних. Несмотря на то, что 1 января не было началом галлийского года, капитан Сервадак хотел, чтоб это число было отпраздновано в «Нина-Руж».

— Находясь на земле,—сказал он лейтенанту и командиру «Добрыни»,—мы всегда встречаем новый год. Отпразднуем же его и здесь, на комете. Солидарность чувств—хорошая вещь. Я думаю, нами очень интересуются на земле. Астрономы давно уже наблюдают за Галлией.

— Я вполне разделяю вашу мысль,—ответил Тима-

шев.—Несомненно, что обсерватории очень заинтересованы и много занимаются новой кометой.

— Я тоже думаю,—сказал лейтенант.—И думаю, что на земле, помимо научного, руководятся еще и другим интересом. Земные обсерватории обставлены прекрасно. Там давно уже известны элементы Галлии и отлично вычислена ее орбита. Там давно определено, когда именно Галлия должна вновь столкнуться с землей. Это ожидание наверно заставляет многие умы серьезно и тревожно задумываться. Смею утверждать, что на земле приняты все предосторожности, чтобы ослабить печальные последствия нового удара, если это возможно.

Возвращение Галлии на землю, точно вычисленное, доставляло немало тревоги и обитателям «Нины-Руж». Приходилось более страшиться, чем желать, столкновения земли и кометы в те минуты, когда трезвый разум брал верх над чувством. Если на земле, как предполагал лейтенант, приняты меры, чтоб ослабить бедствия столкновения, то не следует ли сделать того же и относительно Галлии. Позже все это галлийцы предполагали рассмотреть и изучить.

Как бы то ни было, решено было отпраздновать 1 января.

Удовольствия не могли быть особенно разнообразными на Галлии. Решено было, что праздничный день начнется с отличного завтрака и закончится большой прогулкой по льду. Галлийцы зажгут факелы и будут ими освещать себе путь к острову Гурби.

К вечеру 31 декабря все было готово. На большом столе главного зала были расставлены холодные заливные, паштеты из дичи, студни из мяса с разными приправами, купленными у Хаккабута по хорошей цене.

Жаркое должно было готовиться на другой день утром в большой печи.

В этот вечер заговорили о Пальмирэне Розетте. Пригласить ли профессора на торжественный завтрак? Без сомнения, его следовало пригласить. Но примет ли он это приглашение? Сомнительно. Приглашение, в виде любезной записки, было послано с Пабло. Пальмирэн Розетт отказался. Отказался «научно». По его мнению, завтра наступало только 1 июля галлийского года, а эта дата к новому году не имеет никакого отношения. До земного же нового года ему нет никакого дела.

1 января через час после восхода солнца русские, испанцы и маленькая Нина, как представительница Италии, были размещены за столом, на котором был сервирован завтрак, какого никогда еще не было на поверхности Галлии. Бен-Зуф и повар «Добрыни» превзошли самих себя. Прекрасное блюдо из куропатки, начиненной капустой, было так тонко приправлено, что от одного его вида разыгрывался аппетит. Провозглашались тосты в честь Франции и Испании. Не забыта была и Россия. В заключение были предложены тосты за комету и за старый сфероид. Тост за возвращение на землю был встречен таким могучим «ура», что Пальмирэн Розетт не мог его не услышать,—он находился в это время на вышке своей обсерватории.

Завтрак кончился. Оставалось 3 дневных часа. Солнце стояло над головой, но его небольшой диск скупозарял поверхность кометы и ничуть не согревал ее. Все присутствовавшие на завтраке закутались с ног до головы, готовясь к прогулке, которая должна была длиться до ночи. Они решили не обращать внимания на суровую температуру, так как ветра не было, и мороз был безвреден.

«Нину-Руж» покинули с пением и так дошли до мор-

ского берега. Здесь все надели коньки, и некоторые умчались вперед, другие собрались в группы. Сервадак, Тимашев и лейтенант держались вместе. Негретто и испанцы с неподражаемой быстротой перелетали из стороны в сторону, пока не достигли границ горизонта.

Что касается до Пабло и Нины, то они катались рука об руку, издавая крики радости, как две птицы, которых выпустили на волю. Они катались на коньках с невыразимой грацией, то возвращаясь к группе Сервадака, то вновь удаляясь прочь. Эти милые дети сосредоточили в себе всю радость и надежду галлийской земли. Следует упомянуть и Бен-Зуфа, который перелетал на коньках от одного к другому с неистощимым запасом хорошего настроения.

Увлечшись, катающиеся неслись все дальше и дальше по круговой линии за горизонт «Огненной земли». Постепенно исчезали из виду обледенелые скалы, белые уступы берега, затем пропала и верхушка вулкана с колыхающимся столбом пара и дыма.

Солнце уже клонилось к востоку, быстро, как бы падая,—явление, к которому давно привыкли галлийцы. Закат солнца совершался при особых условиях на этом странном горизонте. Ледяное море с своей зеленоватой поверхностью мешало глазу схватить последнее преломление лучей заходящего солнца, последнюю игру света. Солнце представляло сильно увеличенный, отчетливо рисовавшийся диск. И вдруг он резко скрылся, точно попав в какую-то западню на ледяном поле. Ночь наступила мгновенно.

Перед закатом Сервадак собрал всех и распорядился, чтобы его товарищи сгруппировались около него. Они шли в ряд, чтоб не заблудиться в темноте и всем вместе вернуться на «Огненную землю». Мрак становился все более и более густым, потому что было новолуние.

Зажгли факелы, и с этими факелами в руках галлийцы неслись по зеленоватому льду так быстро, что пламя, будто сильным ветром, отбрасывало назад.

Через час они увидели высокое побережье «Огненной земли», но оно было темно и мрачно, точно черное облако протянулось по всему горизонту. Не было сомнения, что случилось что-то недоброе и страшное. До сих пор вулкан всегда бросал яркий свет с вышины и освещал затемненную часть побережья. На ледяной поверхности всегда отчетливо выделялись отражения лучей раскаленной лавы, а теперь тянулись какие-то длинные могильные тени. Галлийцы ничего не могли понять. Прошло около получаса. Они приблизились к побережью, и вдруг крик ужаса пронесся по «Огненной земле».

Вулкан начинал гаснуть!

Лавы, которая до сих пор сочилась из верхнего конуса, не было видно. Казалось, дуновение холода пронеслось над кратером. Все поняли, что источник огня начинал иссякать. Исчезнет вулканическая лава, отоплявшая «Нину Руж». Не будет возможности бороться с суровостью галлийской зимы. Не было ли это равносильно неминуемой смерти от холода?

— Вперед!—крикнул Сервадак.

Факелы начали гаснуть. Глубокий мрак окружил конькобежцев. Они быстро бросились к побережью. С трудом добрались до ледяных скал. Поминутно наталкиваясь на камни, дошли до входа в коридор, а оттуда в большую залу. Сплошной мрак. Температура заметно понизилась. Огненная завеса уже не прикрывала главный вход. Лейтенант заметил, что лагуна с водой, поддерживающейся в жидком состоянии огненным водопадом лавы, затвердела от холода.

Так закончился на Галлии первый день нового года, начавшийся так оживленно и весело.

ХІІІ. В ГЛУБИНЕ ВУЛКАНА

В невыразимом страхе дожидались галлийцы утра.

Большая, широко открытая зала свободно пропускала наружный воздух, и холод ее был уже нестерпим. Вода по краям коридоров замерзла, и когда галлийцы добрались до отверстия, которое раньше прикрывалось завесой огненной лавы, чтобы загородить его, температура там была невыносимой. В глубине темных коридоров еще сохранялась кое-какая теплота, но, конечно, холод должен был проникнуть туда очень быстро.

На другой день утром Сервадак собрал своих товарищей.

— Друзья мои!—сказал он.—Новое несчастье обрушилось на нас. Но не будем унывать. Съестных припасов у нас достаточно. Консервов тоже. Нам необходимо только тепло, чтоб как-нибудь пережить несколько зимних месяцев. Я уверен, что тепло, которого мы будем искать, несомненно, существует в глубине Галлии, и мы отыщем его.

Эти слова капитана подбодрили его товарищей, начавших впадать в уныние.

— Слушай, Нина,—сказал Сервадак, смотря на девочку.—Ты не боишься спуститься в вулкан?

— Ничуть!—решиительно ответила Нина.—Я ничего не боюсь, капитан, если Пабло будет с нами.

— О, Пабло, конечно, будет с нами. Он смелый и тоже ничего не боится. Не правда ли, Пабло?

— Я пойду за вами всюду, куда вы направитесь, господин губернатор,—ответил Пабло.

Конечно, нельзя было проникнуть в глубину вулкана по главному жерлу. В виду сильного понижения температуры откосы горы были недоступны. Нога не находила точки опоры на скользких покатостях.

Лейтенант внимательно изучил расположение коридоров и заметил, что один узкий проход должен был вести к центру вулкана. Действительно, там чувствовалось тепло, когда раньше лава поднималась напором паров. Разрывая коридор, можно было на глубине 7—8 метров наткнуться на прежний путь лавы и спуститься в глубину. Немедленно принялись за дело. В этом случае русские матросы под управлением их лейтенанта проявили много искусства и ловкости. Работа спорилась, и все дело закончили в два дня.

В эти два дня галлийцы жестоко страдали от холода.

— Если наши попытки пробраться в глубину вулкана останутся безуспешными,—сказал командир «Добрыни»,—жизнь нашей галлийской колонии окончится очень быстро.

— Что-то подсказывает мне,—ответил Сервадак,—что извержение вулкана прекратилось не вследствие исчезновения огня в глубинах Галлии. Это слишком невероятно. Скорее, это явление временное и местное.

Лейтенант думал то же. Вероятно, на другом пункте кометы имеется второе вулканическое отверстие, и поток лавы пошел по новому пути.

Днем 4 января раздался последний удар лопаты. Слышно было, как падали камни в глубине вулкана. По их падению можно было определить, что канал вулкана был наклонный и более удобный для спуска. Это оказалось верным. Когда отверстие расширили так, что можно было пройти через него, лейтенант и Сервадак начали спуск по каналу, а Бен-Зуф, с зажженным факелом в руках, шел впереди.

Спускаться можно было без больших затруднений; спуск был изборозжен рытвинами и выступами скал.

— Великолепно!—сказал Бен-Зуф.—У нас тут лестница. Жаль, что она так узка.

Многих ступенек лестницы не доставало. Но через полчаса они все же были на глубине пятисот футов. К сожалению, нигде не было разветвлений канала, подобных коридорам «Нины-Руж». Ниже шестисот футов глубины под почвой термометр указал 6° выше нуля.

— Шесть градусов!—сказал Сервадак.—Этого недостаточно для людей, которых зима держит в заключении несколько месяцев. Спустимся глубже.

Было пройдено в глубину еще более четырехсот футов. Градусник указал 12° выше нуля. Эта температура была достаточной, если, впрочем, ее ничто не понизит.

Они могли спуститься ниже и идти дальше, но к чему? Приложив ухо к стене, они отчетливо слышали уже знакомый им глухой рокот. Это доказывало, что они были недалеко от центрального очага вулкана. Сервадак и его товарищи уселись на выступе и оттуда, при помощи зажженного факела, рассматривали помещение, где они думали основаться. Сказать по правде, ничего менее удобного нельзя было вообразить.

Центральная шахта была просто глубокой рытвиной; правда, она могла приютить всю их галлийскую колонию, но об удобствах не приходилось и думать. Ниже и выше имелись небольшие углубления для кладовых, но устроить комнаты для Сервадака и командира «Добрыни» было невозможно. С трудом удалось отыскать маленькую впадину для Нины.

Главный коридор служил для колонии столовой, залой и общей спальней. В нем нашим галлийцам пришлось прожить, как кроликам в норах, всю долгую зиму. Они освещали эту темную яму фонарями и лампами. В масле недостатка не было. Имелось и несколько боченков спирта, который служил им для варки кушанья. Одеты насколько возможно тепло, галлийцы могли гулять по всем коридорам «Нины-Руж» или бродить по прибреж-

ным скалам. Для получения пресной воды таяли лед. Но вернемся ко дням переезда.

Канал освободили от золы, которая была еще теплой. Работа шла быстро. Нельзя было терять ни минуты. Мерзло все на глазах; рвение работников было вполне естественным. Никогда еще ни одна переноска вещей не совершалась с такой поспешностью. Переносить приходилось койки, разную утварь, запасы со шхуны, товары с тартаны. Пальмирэн Розетт, в свою очередь, принужден был укрыться в глубине Галлии, но не позволил, чтоб туда же была перенесена его астрономическая труба. Желание это было вполне естественно, потому что, по мнению профессора, его труба была создана не для такой мрачной бездны. И знаменитая труба осталась на треножнике в большой пещере «Нины-Руж».

Одна из ям была отведена Хаккабуту для жилья и торговли.

К 10 января все уже разместились в подземелье, защищенные от внешней температуры, которая понизилась до 60°.

— Все хорошо!—воскликнул как-то неунывающий Бен-Зуф.—Вместо того чтоб жить в первом этаже, мы переселились в подвал. Вот и вся разница.

15 января Галлия прошла свой афелий, находясь от солнца на расстоянии восьмисот восьмидесяти миллионов километров.

XIV. С ЯНВАРЯ ПО АВГУСТ

С этого дня Галлия начала с возрастающей скоростью приближаться к солнцу по своей эллиптической орбите.

Вся галлийская колония, как уже упомянуто выше, нашла себе убежище в глубине вулкана. Оставались

только животные, которые должны были вскоре покинуть коридоры «Нины-Руж», где они могли околеть от холода. Не без труда спустили в глубину двух лошадей. Сервадак и Бен-Зуф очень старались сохранить Зефира и Галетта, чтоб затем захватить их с собою на землю. Они любили этих верных животных, мало приспособленных к суровым климатическим условиям Галлии. Что касается других домашних животных, то часть их приходилось оставить на произвол судьбы. Разместить их всех в подземельи было невыполнимой задачей. Чтоб закончить перечисление живых существ, нашедших себе убежище в глубине вулканической горы, следует упомянуть птиц. Холод заставил их покинуть «Нину-Руж» и променять ее на темные подземелья.

Существование галлийцев ухудшалось монотонностью жизни; дни их тянулись безрадостно и бесконечно. Главные члены колонии упорно старались вывести товарищей из морального оупения. Для этого устраивали беседы, в которых могли принимать участие все желающие, устраивали и чтение вслух книг, отчасти научного, отчасти художественного содержания.

Что поделявал в это время Исаак Хаккабут? Интересовался ли он беседами и чтеньями? Разумеется, нет. Он проводил долгие часы за счетной работой. С любовью глядя на деньги, которые перепадали в его руки, он знал одно удовольствие—пересчитывать драгоценный металл.

Из всех галлийцев был еще один чудака—Пальмирэн Розетт, который создал себе дело, захватившее его вполне. Среди своих цифр он никогда не чувствовал себя одиноким, и они сокращали ему длинные зимние вечера. О Галлии он знал уже все и теперь посвятил себя изучению ее спутника—Нерины.

К сожалению, у него теперь не было кабинета, где

бы он мог работать. По поводу этого кабинета в первые дни февраля профессор заговорил с Сервадаком.

— Вам необходимо иметь отдельный кабинет, дорогой профессор?—спросил Сервадак.

— Да, капитан, чтоб иметь возможность работать, не видя перед глазами докучливых людей.

— Мы найдем вам что-нибудь подходящее, хотя этот кабинет и не так удобен, как мне хотелось бы. Во всяком случае, он изолирован, и вы можете в нем спокойно работать.

— Большого я не требую.

Кабинет был найден ему часа через три. Пальмирэн Розетт, наконец, мог расположиться в кабинете, похожем на яму, где можно было поставить только кресло и стол. Затем на следующий день, несмотря на холод, он поднялся в прежнюю залу, чтоб наблюдать за Нериной. После этого он ушел в свой кабинет, и больше его не видели.

Много дней никто из галлийцев не поднимался на поверхность. Зато несколько раз спускались компанией в нижние части центральной шахты. Эти исследования показали, что центральный огонь сохранил свою деятельность. И было возможно ожидать появления других огнедышащих гор на поверхности Галлии.

Таким образом они провели февраль, март, апрель, май в состоянии какого-то отупения, вызванного отсутствием прогулок на свежем воздухе и отсутствием солнечного света. Чтения, которыми до этого времени интересовались, уже не собирали теперь кружков возле большого стола. Особенно удрученными казались испанцы. Они почти не покидали своих коек. Сервадак, Тимашев и лейтенант хорошо замечали, что состояние отупения у членов колонии увеличивается, но что они могли сделать? Увещания и поучения уже не действо-

вали ни на кого. Из всей галлийской колонии одна маленькая Нина не поддавалась этому состоянию. Она ходила, двигалась по шахте, обращалась с приветом то к одному, то к другому, и ее свежий голосок оживлял это мрачное подземелье, как пение птицы. Одного она заставляла есть, другому давала пить. Она была душой этого маленького мира. Она напевала веселые итальянские песенки, когда ее товарищей охватывала безнадежная грусть.

Жизнь кипела ключом в этом маленьком существе, и избыток жизни передавался всем. Присутствие Нины было спасением для многих.

Так прошло четыре месяца.

С наступлением июня оцепенение стало как будто ослабевать. Было ли это влиянием солнца, к которому приближалась комета? Возможно, хотя солнце было еще далеко. Лейтенант начал отмечать положение Галлии еще в первую половину ее пробега по орбите. Теперь, во второй половине, эти отметки давались легче. Таким образом к началу июня он отметил, что Галлия пересекла орбиту Юпитера, хотя все еще находилась на огромном расстоянии от солнца.

Во второй половине июня Сервадак и его товарищи, наконец, одолели тяжелое состояние оцепенения. Посещения пустых зал «Нины-Руж» устраивались все чаще и чаще. Сервадак, Тимашев и лейтенант пробирались даже на плоский песчаный берег. Было еще очень холодно, но атмосфера была попрежнему спокойна. Ни облака на горизонте, ни малейшего дуновения ветра. Лишь вид побережья изменился. У шкуны и тартаны продолжали увеличиваться наслоения льда. Суда поднялись на высоту ста пятидесяти футов, и спасти их уже ничто не могло.

К великому счастью, Хаккабут не покидал подземелья.

— Если бы он был здесь,—сказал однажды Бен-Зуф,—заорал бы павлиньим криком старый мошенник!

Прошли еще два месяца: июль и август. Нечто в роде весны, слабый намек на нее, подняло дух галлийцев. К ним вернулась энергия, вернулась надежда. Днем заметно увеличенный солнечный диск поднимался над горизонтом. Ночью среди звезд виднелся и диск земли, к которой так страстно стремились галлийцы.

XV. СТЫЧКА ПАЛЬМИРЭНА РОЗЕТТА С ХАККАБУТОМ

На смену августу явился сентябрь. К несчастью и счастью, в одно и то же время, вулкан не угрожал пробуждением деятельности. К счастью потому, что извержение могло бы врасплох застигнуть галлийцев в центральной шахте с единственным выходом наружу. К несчастью потому, что тогда было бы, к общему удовольствию, произведено немедленное переселение в «Нину-Руж», где жилось всем гораздо удобней и легче.

С первых дней октября холода сделались сносными даже по ночам. Расстояние Галлии от солнца теперь только втрое превышало расстояние, отделяющее землю от солнца. Термометр показывал 30—35° ниже нуля. Восхождения галлийцев на «Нину-Руж» совершались все чаще. Они выходили и на берега.

Самым усердным посетителем «Нины-Руж» был Пальмирэн Розетт. Он велел перенести свою трубу в его прежнюю обсерваторию и собирался возобновить астрономические наблюдения. Вскоре его товарищи заметили что ученый казался страшно расстроенным и недовольным. Он то спускался, то поднимался по косой центральной шахте. Часто он ворчал сквозь зубы и еще чаще посылал кому-то проклятья.

Бен-Зуф был в восторге, что профессору не везет.

— Кажется, ему не залететь так высоко, как он думал!—шептал Бен-Зуф.—Могу трижды поклясться, что ему не нарушить законов механики и не столкнуться нас с пути.

Сервадак, лейтенант и Тимашев уже не раз толковали о причине, которая до такой степени могла известить Пальмирэна Розетта. Может быть, профессор просмотрел вычисления орбиты Галлии и нашел в них ошибку? Для них это было роковым. Возможно, что тогда галлийцы не могли и мечтать о встрече с землею. Но спросить астронома о причинах его раздражения было нельзя.

Пальмирэн Розетт даже похудел от досады, если только он мог еще похудеть.

12-го декабря, когда Бен-Зуф бесцельно бродил по коридорам «Нины-Руж», он услышал крик за своей спиной; оглянувшись, он увидел профессора и подбежал к нему.

— Вы ушиблись, господин профессор?—спросил он с участием.

— Эврика!—отвечал ученый, топая и стуча ногами.

В его словах были одновременно слышны и радость и бешенство.

— Эврика?—переспросил Бен-Зуф.

— Да, эврика. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

— Ну, так убирайся к чорту!

Бен-Зуф убрался, но, конечно, не к чорту, а к Сервадаку.

— Капитан,—сказал он,—у нас новость.

— Что случилось?

— Наш ученый кричит о какой-то эврике.

— А! Значит, он нашел. Эврика погречески—«нашел», Бен-Зуф. Что же он нашел?

— Этого я не знаю.

— А это было бы любопытно узнать.

Капитан Сервадак взволновался. Между тем Пальмирэн Розетт прошел в свой рабочий кабинет, повторяя со злостью:

— Да, это так! Несомненно! Прохвост дорого мне заплатит за это. Но захочет ли он признаться? Никогда! Впрочем, я сумею вывести его на чистую воду.

Из слов астронома едва ли что можно было понять. Но одно было ясно: с этого дня Пальмирэн Розетт резко изменил свое обращение с Хаккабутом. Он стал с ним очень любезен. Он расспрашивал Хаккабута, с выгодой ли тот продает свои товары, как велик барыш? Хаккабут, недоверчивый и подозрительный, как старая лиса, отвечал уклончиво. Он думал, что астроном любезен с ним потому, что собирается его обмануть. Быть может, он думает занять у него денег. Но у Хаккабута никогда и в помыслах не было давать в долг деньги ученому. С ним следовало держать ухо остро.

Как раз в эти дни у Хаккабута, давно распродавшего свой товар, вышел весь кофе. Несмотря на то, что он расходовал его с мелочной бережливостью, Хаккабут не заметил, как истощился его запас. Кофе можно было достать только у Бен-Зуфа. Хаккабут отправился к нему.

— Господин Бен-Зуф,—сказал он самым любезным тоном.—Я пришел к вам с маленькой просьбой. Мне необходимо взять из запасов кофе для моего личного употребления. Половину кило.

— Кофе?—удивился Бен-Зуф.—Ты просишь кофе? Половину кило?

— Да. Но разве у вас нет его больше?

— Нет, есть еще сотня кило.

— Ну, так что же?

— Да то же, что без разрешения генерал-губернатора ты у меня зерна не получишь. Жди!

Ординарец ушел, оставив Хаккабута в тревоге. В это время подоспел Пальмирэн Розетт, слышавший беседу о кофе. Случай показался ему подходящим, чтоб устроить сцену, которой он упорно добивался.

— Послушайте, Хаккабут,—спросил он,—вам необходимо кофе? В большом количестве?

— Только половину кило. Я буду расходовать его экономно, и кофе мне хватит надолго.

— А как же взвесят это кофе?

— Моим безменом!—пробормотал Хаккабут.

— Да, придется прибегнуть к безмену. Других весов ведь здесь нет?

— Нет.

В это время вошел Бен-Зуф.

— Ну, что же?—с живостью спросил Хаккабут.

— А то же, что губернатор не хочет давать тебе кофе. Но если хочешь купить, я продам.

— Мне не на что купить. Сжальтесь!

— Ты же обобрал деньги всей колонии. Пойдем, полюбуемся на блеск твоих монет.

— Меня заставляют покупать, когда другие...

— Ты не другой, и никогда им не был. Покупаешь ты или нет?

— Сжальтесь!

— Отвечай, или я закрою кладовую перед твоим носом.

— Нет, нет, я куплю! Но по какой цене?

— По которой ты сам продавал. Не бойся, тебя обдирать не будут.

Пальмирэн Розетт становился все более внимательным и, казалось, только поджидал слов, которые должны были сорваться с губ Хаккабута.

— И вы будете вешать моим безменом?—спросил Хаккабут таким жалобным тоном, что это сделалось несколько подозрительно.

— А чьим же? Другого нет.

Взяв безмен, Бен-Зуф прицепил к его крюку чашку и насыпал столько кофе, что острие безмена указывало половину кило. Хаккабут следил глазами за всеми движениями Бен-Зуфа.

— Правильно ли стоит острие?—жалобно спросил он, наклонясь к инструменту.

— Да, верно же, старый Валтасар!

— Подвиньте немного пальцем, господин Бен-Зуф.

— Это для чего?

— Потому что... потому что мой безмен, может быть, не совсем... верен.

Едва были сказаны эти слова, как астроном схватил Хаккабута за горло и начал его душить.

— Каналья!—вопил он.

— На помощь! Ко мне!—хрипел Хаккабут.

Борьба продолжалась. Бен-Зуфу это доставляло удовольствие, и он, покатываясь от смеха, умышленно не вступался. Для него и тот и другой не стоили медного гроша. Дерущихся розняли лейтенант и Сервадак.

— Что случилось?—спросил Сервадак.

— Случилось то,—ответил профессор с яростью,—что этот негодяй дал нам неверный безмен, который указывает больший вес, чем в действительности. И когда я измерял вес его фальшивым безменом, я получил большую величину, которую взял в основу для дальнейших вычислений. Конечно, мои вычисления не согласовались с наблюдениями. Поэтому я начал думать, что она находится не на своем месте.

— Кто она? Галлия?

— Ах, нет! Нерина! Наша луна.

— А Галлия как?

— Эх, что Галлия! Она всегда на своем месте,— ответил уныло Пальмирэн Розетт.— Она направляется к земле, а с нею и мы и этот проклятый Хаккабут.

XVI. НЕУДАЧНАЯ ЗАТЕЯ

Слова астронома были справедливы. Хаккабут все время продавал свои товары по фальшивым весам, но когда из торговца он обратился в покупателя, его недобросовестность наказала его самого. Безмен, как было известно, грешил чуть не на четверть кило. Это позволило профессору исправить свои вычисления. Вполне понятно, что Хаккабут был осмеян всеми, и, удалившись в свою темную яму, старался как можно реже показываться на глаза.

С 7-го октября комета вступила в пояс телескопических планет, где когда-то она захватила Нерину.

Термометр показывал только 10—12° ниже нуля. Но не было заметно ни малейших признаков оттепели.

Снова был поднят вопрос об англичанах. Галлийцы не сомневались, что, находясь в хороших условиях, в хорошо отапливаемых помещениях, англичане безнаказанно перенесли ужасные холода галлийской зимы. Хотя прием, оказанный галлийцам англичанами, был очень плох, необходимо было вновь вступить с ними в сношения, чтоб предупредить их о новой катастрофе. Лейтенант и командир «Добрыни» вполне разделяли это мнение Сервадака. Раз дело шло о гуманности, они не могли оставаться равнодушными. Но как добраться до Гибралтара от «Огненной земли»?

После долгого обсуждения решено было совершить пробег на коньках. Путешествие на санях оказывалось невозможным за полным отсутствием ветра.

Сердавак взял на себя выполнение этой задачи. С собой он хотел взять только Бен-Зуфа. Он спросил его, нравится ли ему это предложение?

— Во имя Монмартра, путешествие на коньках мне очень нравится!—ответил Бен-Зуф.—Представляется отличный случай стряхнуть свою леность и размять ноги. И неужели вы могли думать, что я отпущу вас одного?

Отъезд был назначен на утро 2-го ноября. Конечно, главным мотивом, которым руководился капитан, было желание предупредить англичан о возможном столкновении с землей, но у Сервадака были и другие побуждения. Он ни слова не сказал о них командиру «Добрыни», но Бен-Зуф догадался кое-о-чем, когда Сервадак спросил у него накануне отъезда.

— Бен-Зуф, не найдется ли в главном складе французского флага?

— Да, капитан, он у нас есть.

— Отлично! Захвати этот флаг, чтоб никто не видел. Положи его в мешок и возьми с собой.

За последние дни инженер обдумал один проект. Этот проект, надо сознаться, был несколько фантастичен и мог зародиться только в голове Сервадака. Он вспомнил, что против Гибралтара был небольшой островок Чеута, принадлежавший испанцам. Покинутый ими, он должен был перейти в руки первого человека, который вздумает его занять. Следовало занять скалы Чеуты и объявить его владением Франции. Укрепить над скалами французский флаг,—вот что пришло в голову Сервадаку.

— Кто знает,—говорил он себе,—может быть, островок станет хорошим портом на земле и окажет Франции в Средиземном море значительные услуги.

Дорогой Сервадак посвятил Бен-Зуфа в свои планы. Хорошее настроение вызвало в памяти Бен-Зуфа старин-

ные военные песни, и надменным голосом будущего победителя он начал громко их распевать.

Через три дня, 5-го ноября, путешественники находились уже близ Чеуты.

— Чорт возьми, капитан, на острове кто-то есть!—воскликнул Бен-Зуф, у которого было очень хорошее зрение.

— Где?

— Да вон, взгляните, человек машет руками.

— Неужели мы пришли слишком поздно?

Бинокль открыл не только человека, но и телеграф на острове.

— Англичане уже заняли остров!—волнуясь, сказал Сервадак.

— Но, капитан, может быть, островок охраняют не больше 5—6 англичан?

— Нет, Бен-Зуф, англичане нас предупредили, и теперь уже ничего нельзя сделать.

Обескураженные неудачей, Сервадак и Бен-Зуф дошли до подножья скалы. Часовой крикнул:

— Кто здесь?

— Ваши друзья, Франция!

— А здесь—Англия!

Через несколько минут в сопровождении английских солдат показался губернатор Чеуты. Это был не кто иной, как майор Олифант. Сомнений не было. Островок заняли англичане. На скале они устроили отличный блокгауз. Густой столб дыма говорил о том, что у них есть большой запас топлива. А майор Олифант за галлийскую зиму страшно растолстел. В данный момент он холодно выжидал, чего хотят от него иностранцы.

— Смею думать, что вы майор Олифант?—спросил Сервадак с легким поклоном.

— Майор Олифант, губернатор острова. А с кем я имею честь говорить?

— Капитан Сервадак, генерал-губернатор «Огненной земли».

— Весьма приятно!

— Господин Олифант, позвольте выразить вам удивление по поводу того, что я вижу вас губернатором остатков прежнего владения Испании. Осмелюсь спросить, по какому праву?

— По праву лица, занявшего этот остров.

— Но разве вы не думаете, что испанцы, гости «Огненной земли», могут предъявить претензию на этот остров, и их требование будет вполне законным?

— Я не думаю этого, капитан Сервадак.

— Почему?

— Потому что именно эти испанцы уступили скалу Англии.

— По договору?

— По формальному договору. За эти права мы заплатили английским золотом.

— Так вот почему,—вскричал Бен-Зуф,—у Негретто и других испанцев всегда было много денег в кармане!

Действительно, все происходило так, как говорил майор Олифант. Завоевателя и начальника главного штаба постигла полная неудача.

— Могу ли я узнать,—спросил майор Олифант,—что привело вас на остров?

— Я пришел сюда, чтоб оказать услугу вам и вашим товарищам.

В нескольких словах Сервадак передал о столкновении земли с Галлией, затем прибавил, что почти все шансы на стороне возвращения к земному шару, и закончил предложением англичанам перейти на «Огнен-

ную землю», чтобы совместно с русскими и испанцами смягчить ужасы нового столкновения.

— Не знаю, как и благодарить вас, капитан Сервадак,—ответил майор Олифант холодно,—но мы не можем покинуть наш пост.

— Почему?

— Мы не получили распоряжений от нашего правительства. Пакет, который мы заготовили для передачи адмиралу Ферфакс, находится еще здесь, и мы все время настороже, в ожидании дальнейших событий.

— Но повторяю вам, что мы на комете, а не на земном шаре.

— Это ничего не значит, потому что Англия, если нужно, сумеет привлечь комету к земле.

Очевидно, майор не верил ни одному слову из того, что рассказывал ему Сервадак. Сославшись на обилие дел, в сущности для обдумывания шахматного хода, майор Олифант вернулся в блокауз: английские солдаты ушли вслед за ним, и оба «завоевателя» очутились одни у подошвы скалы.

— Что теперь делать, Бен-Зуф?

— Уберемся, капитан, пока ноги носят,—ответил Бен-Зуф, сразу потерявший охоту к военным песням.

И они вернулись, не солоно хлебавши. Англичане раньше их сумели прикарманить островок.

9-го ноября они уже были на «Огненной земле», как раз в минуту вспышки ярости Пальмирэна Розетта. Профессор предпринял целый ряд вычислений относительно Нерины. Когда он закончил их, Нерина... не взошла над горизонтом Галлии. Нерина исчезла, захваченная каким-нибудь более могучим астероидом.

Она унеслась от Галлии при прохождении пояса телескопических планет.

ХVII. СМЕЛОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА

По возвращении Сервадак рассказал командиру «Добрыни» неудачный результат своего посещения англичан. Рассказал о покупке англичанами острова, но умолчал о собственных планах.

Решено было предоставить англичан их судьбе.

Наступала пора обсудить важный вопрос—о новом столкновении с земным шаром. Этот вопрос обсуждался 10-го ноября. Пальмирэн Розетт был приглашен, но отказался притти на собрание: тема ничуть не интересовала его.

— Господа!—обратился Сервадак к присутствующим.—Сегодня 10-е ноября. Если вычисления профессора точны, через 51 день произойдет новое столкновение кометы с землей. В предупреждение этой случайности, должны ли мы принять некоторые меры предосторожности, или нет?

— Конечно, должны. Но есть ли у вас какой-нибудь план действия, капитан?—спросил командир «Добрыни».

— Никакого.

— Господа,—сказал лейтенант,—без сомнения, столкновение с землей угрожает нам различными опасностями. Но чтоб бороться с ними, нужно их разобрать. Не следует забывать, что оба светила направляются друг к другу, и в момент их сближения возможен удар. Будем рассматривать, как произойдет этот удар. Он может быть или боковым или центральным. В первом случае Галлия только заденет землю и унесется в мировое пространство. Но ее орбита, без сомнения, будет нарушена и у нас будет мало шансов вновь увидеть наших ближних. Теперь перейдем к центральному толчку, после которого Галлия, ударив землю, останется присоединенной к земле.

— Как бородавка на лице,—заметил Бен-Зуф.

— Тише, Бен-Зуф!

— Слушаю, капитан.

— Посмотрим теперь,—продолжал лейтенант,—последствия центрального удара. Если мы будем в момент столкновения находиться на ударяющей части, мы будем раздавлены. Если будем на диаметрально противоположной точке, нам грозит опасность задохнуться. Действительно, если произойдет соединение галлийской атмосферы с земной, то воздух сильно разрежится на вершине горы в 700 километров, которую представит Галлия, и мы не в состоянии будем им дышать.

— А если Галлия ударит землю одним из полюсов?—спросил капитан «Добрыни».

— Тогда мы будем сброшены с Галлии и при падении разобьемся.

— Очень хорошо!—сказал Бен-Зуф.

— Добавлю еще, что, если ни одно из этих предположений не осуществится, мы будем неминуемо сожжены. Скорость Галлии, вследствие сопротивления, будет уничтожаться, переходя в тепло; комета со всех сторон будет охвачена пламенем.

Все, что говорил лейтенант, было строго научно. Его товарищи смотрели на него с некоторым страхом. В его словах не было хороших перспектив.

— Будем ли мы,—сказал капитан Сервадак,—разбиты, раздавлены, задушены или изжарены, какова бы ни была судьба, нас ожидающая, столкновение неизбежно?

— Да, неизбежно.

— Ну, хорошо, господа,—сказал Бен-Зуф,—если все сложится таким образом, у нас остается только один исход.

— Какой?

— Покинуть Галлию до столкновения.

— Каким же образом?

— О, в этом-то и дело. Средство отличное и простое,—ответил спокойно Бен-Зуф,—но его совсем нет.

— А может быть, и есть?—сказал лейтенант.

Все с любопытством посмотрели на лейтенанта, который охватил голову руками, обдумывая свой проект.

— Может быть,—продолжал он,—мой план покажется вам безумным, нелепым, но я думаю, что его следует осуществить. Бен-Зуф правильно указал на единственно возможное средство спастись—покинуть Галлию до столкновения ее с землею.

— Разве это выполнимо?—спросил командир «Добрыни».

— Отчего ж? С помощью воздушного шара можно оставить Галлию до катастрофы. Раз мы в точности знаем даже минуту, когда совершится толчок, мы можем за час до этого взлететь над Галлией; атмосфера Галлии незадолго до столкновения может смешаться с атмосферой земли, быть может, наш шар будет колебаться то в одну, то в другую сторону, но, во всяком случае, он продержится в воздухе, пока не произойдет столкновения. Из ста шансов 99 против нас.

— Девяносто девять?

— Самое меньшее, потому что и воздушный шар может сгореть. Но мне все же кажется, что перед моментом толчка лучше покинуть почву Галлии.

— Несомненно!—сказал Сервадак.—Если будет хоть один шанс за нас, не следует им пренебрегать.

— Но у нас нет водорода, чтоб наполнить шар,—сказал командир «Добрыни».

— Мы наполним его теплым воздухом.

— А где мы достанем ткань для шара?

— Мы сделаем шар из легкого и прочного полотна, изрезав на шар паруса «Добрыни».

— Отлично придумано!—весело сказал командир «Добрыни».—Безусловно, ты решил задачу.

— Ура! Браво!—закричал в заключение Бен-Зуф.

План лейтенанта был, конечно, чересчур смел. Но у галлийцев не было выбора.

За изготовление шара взялись очень быстро. Работами руководил лейтенант. Паруса «Добрыни» были сложены в «Нина-Руж». Ткань парусов была очень плотна, а непроницаемой ее было можно сделать при помощи лака; лак имелся среди товаров тартаны и теперь лежал в складах Бен-Зуфа. Лейтенант начертил очень тщательно модель полос, на которые следовало резать паруса для шара.

В этих работах прошел целый месяц.

Для галлийцев было важно иметь одну справку. Они должны были знать совершенно точно момент столкновения кометы с землей. Но Пальмирэн Розетт был недоступен. День шел за днем, но никто не видал астронома.

Между тем Галлия неизменно приближалась к солнцу. Температура заметно повышалась. Наступила оттепель. Началось вскрытие рек, ледоход. 12-го декабря одна ледяная глыба, падая, увлекла «Ганзу» и «Добрыню», и они разбились о прибрежные скалы.

Это несчастье, которого все ожидали, не произвело особенно тяжелого впечатления на переселенцев. Исключение составлял один Хаккабут, обрушивший на головы галлийцев миллион проклятий.

14-го декабря воздушный шар был закончен. Старательно сшитый и хорошо пропитанный лаком, он отличался замечательной прочностью. Корзина была сплетена из ивовых побегов и легко могла вместить 23 человека.

День 15-го декабря прошел тревожно. Галлийцы ду-

мали даже, что пришел их последний час. Явственно чувствовалось колебание почвы: вулкан снова начал действовать, будто встряхнулся от сна. При первых колебаниях почвы галлийцы поспешно покинули подземелье. В то же время раздались крики из обсерватории, и астроном вбежал с разбитой подзорной трубой в руках. Но его не жалели.

В ту же ночь появился новый спутник Галлии; это была часть самой кометы. Под действием внутренних сил Галлия разделилась на две части, как некогда комета Биела. Огромная часть кометы откололась, была унесена в пространство и увлекла с собой англичан с их двумя островками.

ХVIII. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЛЕТУ

Что могло выйти в итоге из этого разделения?

Сервадак и его товарищи не решались ответить на этот вопрос.

Солнце скоро взошло, и притом появилось оно быстрее обычного. Причиной этого, вероятно, было разделение астероида. С изумлением галлийцы заметили, что промежуток времени между двумя восходами солнца равняется уже не двенадцати, а только шести часам. Галлийские сутки опять сократились вдвое.

Отколовшаяся часть Галлии не тяготела к своей комете. Напротив, она удалялась от нее. Галлийцы почувствовали новое увеличение мускульной силы. Масса Галлии безусловно сократилась. Но в силу этого не изменилась ли ее скорость и нельзя ли опасаться, что она или опоздает или придет слишком рано к месту встречи с землей?

Это было бы страшным несчастьем. Но, как будто, скорость Галлии не изменилась. Лейтенант не допускал

этого, но высказывался довольно неопределенно, так как у него не было достаточных знаний. Ответить на этот вопрос мог единственно Пальмирэн Розетт. Необходимо было во что бы то ни стало заставить его говорить.

18-го декабря Сервадаку повезло. Пальмирэн Розетт, возбужденный, ходил взад и вперед, поджидая Бен-Зуфа, чтобы вступить с ним в обычную распрю. Бен-Зуф оскорбил его, как владельца кометы.

— Вот так светило, которое раскалывается надвое, как сухой орех! Стоит жить на такой хлоплушке!

При встречах враги накидывались один на Галлию, другой на Монмартр. Сервадак застал их как раз во время горячей схватки и притворно принял сторону Бен-Зуфа. Ярость профессора проявлялась в самых оскорбительных словах. Сервадак заметил ему сурово:

— Господин профессор, вы чересчур смело пользуетесь свободой слова. Я решил больше не переносить этого. Не забывайте, что вы говорите с генерал-губернатором Галлии.

— А вы,—возразил с гневом астроном,—забываете, что говорите с самим владельцем Галлии!

— Ваши права на владение очень спорны.

— Кто осмеливается оспаривать мои права?

— Так как мы обречены остаться на Галлии и не можем вернуться на землю, я попрошу вас впредь подчиняться законам, которыми управляется Галлия.

— Ах, вот как! Я должен подчиняться вам потому, что Галлия, как вы думаете, не встретится с землей? Но почему же Галлия не встретится больше с землей?

В тоне профессора слышалось величайшее презрение.

— Потому что после деления кометы масса ее сократилась, и, следовательно, должно произойти изменение скорости движения.

— Кто это вам сказал?

— Я это вам говорю, и мои товарищи скажут вам то же.

— Ну, так вот что, капитан Сервадак, вы и все ваши...

— Профессор Розетт!

— Все вы—круглые невежды, тупицы, неучи, знакомые с небесной механикой.

— Остерегайтесь так выражаться. Вы забываетесь, профессор Розетт!

— Дрянной ученик!—продолжал ученый, гнев которого дошел до высших пределов.—Я все отлично помню, и не думайте, пожалуйста, что я забыл, как вы прежде позорили мой класс!

— Это уже слишком!

— Что вы были истинным позором в училище!

— Замолчите ли вы, или я не ручаюсь за себя!

— Нет, я не замолчу, и вы меня выслушаете до конца! Я не замолчу, пока вы не услышите о себе всего, самого худшего. Вот так знатоки! Повашему выходит, что раз масса Галлии сократилась, то должна измениться и скорость движения кометы. И ведь вообразили же такую вещь! Как будто эта скорость не зависит единственно от первоначального толчка, сложенного с притяжением солнца. Как будто отклонения происходят от подобных причин!

Профессор был вне себя от гнева. Бен-Зуф, не поняв игры капитана, сказал ему:

— Хотите, капитан, чтоб я разбил вашего профессора надвое, как раскололась его презренная комета?

— Только троньте меня, только попробуйте!—крикнул астроном, выступая вперед.

— Я хочу только образумить вас, господин профессор!

— А я хочу препроводить вас с вашими угрозами в суд.

— В суд Галлии?

— Нет, в суд на земле.

— Полноте! Земля недоступна. Она от нас далеко.

— Как бы далеко она ни была от нас,—вскричал Пальмирэн Розетт, не помня себя,—но знайте, что мы пересечем ее орбиту ночью с 31-го декабря на 1-е января. Мы прибудем на землю в 2 часа 47 минут 35,6 секунды.

— Дорогой профессор,—ответил Сервадак с любезной улыбкой,—мне более не о чем вас спрашивать. Я узнал более, чем предполагал.

Наконец-то галлийцы узнали то, чем так интересовались. И с приготовлениями к отлету на шаре стали спешить. Съездили в паровой шлюпке на остров Гурби. Скосили там траву и насушили сена, которое должно было служить для подогревания шара. На поверхности острова Гурби протекали ручьи. Птицы снова прилетели туда, где увидели зелень лугов и деревьев.

Вернуться на землю хотелось всем. Только один Пальмирэн Розетт приходил от этой мысли в бешеную ярость. Он клялся, что ни за что не сядет в дурацкую корзину, ни за что не покинет своей кометы.

Последние дни проходили в лихорадочном возбуждении. Две низких мачты были воткнуты в плоский песчаный берег и служили опорой огромному шару, который еще не был надут, но уже был опутан веревочной сетью.

Наступило 31-е декабря. Еще сутки, и огромный шар поднимется в галлийской атмосфере. Галлия с чрезвычайной быстротой приближалась к орбите земли.

Наконец в 2 часа утра галлийцы приготовились к подъему. Хаккабут первым забрался в корзину. Но в

этот момент Сервадак заметил, что на Хаккабуте надет слишком туго набитый пояс.

— Что это?—спросил он.

— Этот пояс, господин губернатор,—ответил Хаккабут,—хранит все мое скромное богатство, которое я хочу унести с собой.

— Сколько же весит ваше скромное богатство?

— О, оно весит только 30 кило.

— 30 кило?! А наш шар обладает подъемной силой, едва достаточной, чтобы нас поднять. Прошу вас, Хаккабут, освободите нас от этой бесполезной и обременительной тяжести.

— Но, господин губернатор...

— Мы не можем перегружать корзину. Это поведет к нашей верной гибели.

— Что мне делать? Гибнет все мое добро, с таким трудом нажитое!

— Полно причитать, Валтасар!—крикнул Бен-Зуф.— Мы тоже слезно молим тебя: освободи нас от твоего золота или от твоего присутствия. Выбирай любое.

Огромный пояс пришлось оставить на Галлии.

Пальмирэн Розетт послал и шар, и корзину, и путешествие на землю к чорту; с бешенством он кричал, что не хочет покидать своей кометы, и его посадили в корзину связанного по рукам и ногам.

На Галлии пришлось покинуть двух лошадей—Зефира и Галетта, к великому огорчению Сервадака и Бен-Зуфа. Покинули там и козочку Марзи, к такому же огорчению Нины. Из всех животных в корзине нашлось крошечное местечко только для голубка, спасенного Ниной.

Все усьелись в корзину. На Галлии оставались только Сервадак и Бен-Зуф.

— Теперь твой черед, Бен-Зуф! Идем.

— После вас, капитан!

— Нет, я должен остаться последним, как капитан на борту корабля.

Бен-Зуф перешагнул за борт корзины. Сервадак уселся возле него.

Взлетев на высоту, шар плавно понесся в воздухе.

ХІХ. В КОРЗИНЕ ВОЗДУШНОГО ШАРА

Когда шар достиг высоты 2500 метров, лейтенант решил придержать его на этой высоте.

Пассажиры бросили последний взгляд на Галлию.

Внизу была видна широкая поверхность Галлийского моря. На севере изолированно выступал островок Гурби. Английские острова исчезли. На юге был виден вулкан, господствовавший над побережьем и обширной территорией «Огненной земли».

По направлению к северо-западу виднелась новая планета, по объему меньшая, чем астероид. Это был осколок Галлии, отброшенный внутренним взрывом.

Наконец над корзиной, несколько наискось, появился диск земного шара во всем своем великолепии. Он, казалось, надвигался прямо на Галлию и закрывал громадную часть звездного неба. Расстояние до земли было уже так незначительно, что нельзя было охватить взглядом сразу два полюса. Различные пятна блестели на поверхности земли. Континенты ярко сияли; темными были океаны, слабее отражающие солнечные лучи. Над океанами медленно тянулись неясные полосы—облака.

По мере того как вырисовывались очертания морей и материков, галлийцы говорили:

— Европа!

— Россия!

— Франция!

Земля была обращена к Галлии той частью, где находился европейский материк. На земле был день, и узнать очертания земель было легко. Все любовались землею. Только один Пальмирэн Розетт, перекинувшись за борт корзины, глядел на оставленную Галлию.

Лейтенант с хронометром в руках все время считал минуты и секунды.

— Два часа сорок две минуты,—раздался среди всеобщего молчания его голос.

Через пять с небольшим минут два светила ударятся одно о другое. Лейтенант заметил, что комета шла не прямо к земному шару, и удар, вероятно, будет боковым.

Все думали о том, что если им не суждено вернуться к своим близким, их чудесное путешествие на комете по солнечному миру останется неизвестным земле. Эту тайну галлийцы унесут с собой. У Сервадака внезапно явилась мысль. Он оторвал листок записной книжки, на листке написал название кометы, упомянул о частях земли, захваченных кометой, перечислил имена товарищей и подписал свое имя и фамилию. Затем он взял у Нины ее почтового голубя. Поцеловав голубка, маленькая девочка отдала его, не колеблясь.

Сервадак привязал к шее голубя записочку и пустил его в пространство.

— Два часа сорок шесть минут,—сказал лейтенант.

Вдруг все почувствовали страшное сотрясение. Донесся слабый треск. Воздух Галлии был притянут землею. Атмосфера разредилась, и шар надулся, угрожая лопнуть и разлететься в клочки. Все ухватились за края корзины, испуганные и растерянные.

Обе атмосферы слились. От сгущения паров образовалось громадное скопище туч. Галлийцы ничего не видели больше ни над собою, ни под собою.

Казалось, их охватило огромное пламя. Опора ускользнула из-под их ног, и непонятым, непостижимым образом они снова очутились на земле в глубоком обмороке.

От воздушного шара не осталось и следа.

Галлия удалялась в пространство, почти не задев земной шар.

XX. В АЛЖИРЕ

— Капитан, да ведь мы в Алжире?

— И в Мостаганеме, Бен-Зуф!

Эти восклицания одновременно сорвались с губ Сервадака и Бен-Зуфа, едва они и их товарищи пришли в себя. Благодаря какому-то чуду они остались живы, и дело обошлось без всяких повреждений.

— Мостаганем! Алжир!

Они не могли ошибиться, потому что прожили несколько лет в этой части провинции. Они снова вернулись на то же место, откуда были унесены. Они были только в двух километрах от Мостаганема.

Через полчаса капитан и его товарищи вошли в город. Им показалось удивительным, что на поверхности земли все было спокойно. Все занимались своими делами.

— Ах, вот что!—сказал Сервадак.—Очевидно, здесь никто и не подозревал о близости кометы.

В воротах Маскара Сервадак столкнулся с двумя товарищами.

— Да вы ли это, Сервадак?—изумились они.

— Я самый.

— Откуда вы явились? Что было с вами? Ваше исчезновение было необъяснимо.

— Все расскажу вам подробно. Но только не сейчас.

Сервадак не хотел распространяться о всем пережи-

том. О таких вещах, не подумав, говорить было невозможно.

Командир «Добрыни» тоже не спешил с рассказами о необычайных явлениях, свидетелями которых они были. Самым удивительным явлением, впрочем, было то, что они увидали побережья Средиземного моря на старом месте.

На другой день колония галлийцев рассеялась. Русские вернулись в Россию, испанцы—в Испанию. Хак-кабут исчез неизвестно куда. Пабло и Нина были отданы в школу. Их содержали и платили за них Тимашев и Сервадак.

Два слова о Пальмирэне Розетте. Никакие соображения не могли заставить его молчать, и он говорил и писал обо всем, что с ним произошло. Но немногие ему верили.

Сервадак и Бен-Зуф до сих пор остались—один инженером при главном штабе, другой его ординарцем. Никто и ничто не могло их разлучить.

Однажды они прогуливались в окрестностях Мостаганема и, так как никто не мог их слышать, вспоминали о своих приключениях.

— Может быть, все это неправда, и нам только принилось. Как вы думаете?—спросил Бен-Зуф.

— По правде сказать, Бен-Зуф, я почти перестаю верить тому, что случилось с нами!—ответил капитан Сервадак.

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM THE FIRST SETTLEMENT
TO THE PRESENT TIME
BY
JOHN H. COLEMAN
OF THE CITY OF BOSTON
IN TWO VOLUMES
VOL. I.
BOSTON: PUBLISHED BY
J. B. LEECH, 15 NASSAU ST.
1857.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стр.

I. Гектор Сервадак и Бен-Зуф	5
II. Катастрофа	7
III. Необъяснимые изменения в природе	10
IV. Первое научное исследование Сервадака	19
V. Луна или не луна	25
VI. Новые страхи	30
VII. Сервадак задает ряд вопросов, остающихся без ответа.	35
VIII. Попытки найти кое-какие следы Алжирской провинции.	40
IX. Дальнейшие поиски	44
X. Английский майор, бригадир и капрал	50
XI. Неудача международных сношений.	55
XII. В поисках истины	60
XIII. Остатки обширного континента	65
XIV. Что случилось на Гурби	75
XV. На „Ганзе“	82
XVI. Огонь на горизонте	87
XVII. Вечеринка	93
XVIII. Интересный физический опыт	98
XIX. Событие, взволновавшее всю колонию Галлии	102
XX. Форментера	106

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. 36-й обитатель галлийского сфероида	115
II. Сообщается то, о чем читатель, вероятно, уже догадался	119
III. Сведения о кометах солнечного мира	123
IV. Счастливый астроном	127
V. Профессор и ученик	132

	<i>Стр.</i>
VI. Последние тайны Галли	136
VII. Удачный день Хаккабута	140
VIII. Профессор оперирует с квинтиллионами и квадриллионами	146
IX. Юпитер—нарушитель движения комет	150
X. Выгоды торговли на земле перед торговлей на Галли.	156
XI. Изучение планет	162
XII. Погасший вулкан	166
XIII. В глубине вулкана	172
XIV. С января по август	175
XV. Стычка Пальмирэна Розетта с Хаккабутом	179
XVI. Неудачная затея	184
XVII. Смелое предложение лейтенанта	189
XVIII. Приготовления к отлету	193
XIX. В корзине воздушного шара	198
XX. В Алжире	200

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

МАРК ТВЭН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Перевод с английского под ред. К. Чуковского.

Стр. 328.

Ц. 1 р. 30 к., в коленкор. перепл. 2 р.

Автор с неподражаемым поэтическим юмором выводит забавно-милых людей. Рассказы Марка Твена стали любимыми взрослых и подростков на всем земном шаре. Иллюстрации делают их еще более интересными для молодого читателя.

МАРК ТВЭН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА

Перевод с англ. под ред. К. Чуковского.

С 54 рис. в тексте.

Стр. 372.

Ц. 1 р. 50 к., в коленкор. перепл. 2 р. 20 к.

Г. МОРРИС

ШКОЛА МУЖЕСТВА

Рассказ.

Перевод С. Лялицкой. Обл. В. Милашевского.

Стр. 32.

Ц. 20 к.

Мальчик-индеец посвящается во взрослые. Для этого ему надо пройти ряд испытаний на мужество, выносливость, храбрость, догадливость и пр. Испытания обставлены таинственностью. Мальчик выходит победителем и становится „мужчиной“ в семье.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

К Н И Г И
НИКОЛАЯ ЧУКОВСКОГО
КАПИТАН ДЖЕМС КУК

Повесть для детей старшего возраста.

Рис. Петра Соколова.

Стр. 136.

Ц. 1 р. 20 к.

О том, как великий мореплаватель XVIII века капитан Кук совершил ряд путешествий, полных опасных и интересных приключений. Как открыл новые пути в Тихом океане и как погиб в столкновении с дикарями. Как европейские кунцы в поисках легкой наживы воспользовались открытиями Кука, грабили и истребляли беззащитных туземных жителей тихоокеанских островов.

РУССКАЯ АМЕРИКА

Повесть.

Рис. П. Соколова.

Стр. 112.

Ц. 75 к.

Экспедиция Беринга и Чирикова к Северо-Западным берегам американского материка — интереснейшая и еще неиспользованная тема для увлекательного приключенческого романа. Автор в своем повествовании опирается только на строго проверенные исторические факты. Читается книга с захватывающим интересом.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

*ЧИТАЙТЕ КНИГИ
МАЙН-РИДА*

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

БЕЛЫЙ ВОЖДЬ ИНДЕЙЦЕВ

Обработка З. Беяцкой.

Стр. 84.

Ц. 35 к.

Занимательная повесть о вожде индейцев, вступающем в борьбу с угнетателями индейцев—американцами.

ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОВ

Обработка А. Лазарева.

Стр. 284.

Ц. 1 р. 30 к.

Жестокий натиск американцев на индейцев с целью захвата их земель встречал, конечно, отпор со стороны индейцев. Борьба племени семиногов во главе с их вождем, героическим оцолой, составляет содержание этой интересной повести.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА РЕКЕ АМАЗОНКЕ

Обработка А. Лазарева.

Обл. худ. Гетманского.

Стр. 184.

Ц. 75 к., в пер. 1 р. 35 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Книги Вл. ВЕРЕВКИНА

АЛДАНСКИЕ ШЕРИФЫ

Стр. 96.

Повесть.

Ц. 40 к.

Иллюстрации М. Гетманского.

Приключения двух удалцов-милиционеров, отправившихся из Москвы в Сибирь на Алданские золотые прииски. Как они, вылетев на аэроплане, потерпели крушение, как встретились с волками, как боролись с бандитами, с самогонщиками и проч.

СТРАНА ТАЕЖНЫХ ТРОП

Стр. 91.

Рис. А. Могилевского.

Ц. 55 к.

БОЛЬШОЙ КАБОТАЖ

Вокруг Азии летом 1925 г.

С рис. В. Доброклонского и со многими фотографиями.
Стр. 156.

Ц. 75 к.

Путевой дневник комсомольца, совершившего плавание Одесса—Владивосток летом 25 года. Ярко описаны быт, этнография и нравы колониальных стран.

НА СВОИХ НА ДВОИХ

Повесть,

Стр. 153.

Рис. А. Могилевского.

Ц. 75 к.

Юмористические приключения двух комсомольцев в Крыму, обошедших пешком весь южный берег. Попутно даются сведения о Крыме—его географии, истории, этнографии, хозяйстве.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

ВЫСЛАЮТ НЕМЕДЛЕННО ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАКАЗА

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ“,

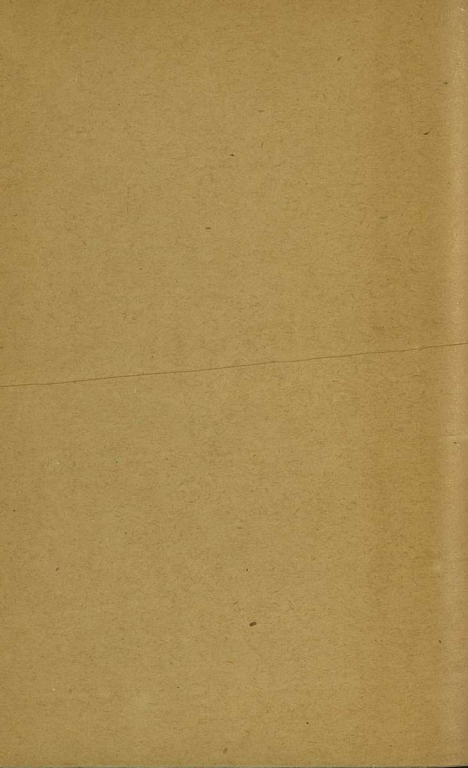
ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ“,

а в пределах УС Р—ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ РСФСР,

„КНИГА ПОЧТОЙ“, улица Свердлова, 14.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 р. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно. Исполнение заказов быстрое и аккуратное.

Каталоги детских книг, популярно-научной литературы и др. высылаются по требованию бесплатно.

100-

